

**Министерство образования и науки Украины
Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды**

Квалификационная научная
работа на правах рукописи

ШЭНЬ БИНЬБИНЬ

УДК 811.861.1'36:821.161.1-3"18"

**ДИССЕРТАЦИЯ
ВОКАТИВЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ
XIX ВЕКА
(на материале произведений Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова)**

Специальность 10.02.02 – русский язык

Подается на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Диссертация содержит результаты собственных исследований.

Использованные идеи, результатов и текстов других авторов имеют ссылки на соответствующий источник _____ (Шэнь Биньбинь)

Научный руководитель – **Зернецкая Алла Анатольевна**,
доктор филологических наук, доцент

Киев – Харьков – 2020

АНОТАЦІЯ

Шень Бін'бінь. Вокативи як елемент сімейної комунікації XIX століття (на матеріалі творів Л. М. Толстого і С. Т. Аксакова). – Кваліфікаційна наукова праця на правах рукопису.

Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук за спеціальністю 10.02.02 – російська мова. – Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова, Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди, Міністерство освіти і науки України. – Київ – Харків, 2020.

На сучасному етапі наукового лінгвістичного знання активізувався інтерес дослідників як до спілкування загалом, так і до власне процесів спілкування, перебіг яких реалізується в різних комунікативних ситуаціях, що закономірно стимулювало зацікавлення окремими складниками комунікативно-мовленнєвої взаємодії.

Формули мовленнєвого етикету, що утворюють мовний етикет в окремій лінгвокультурі (як правило, складається протягом значного історичного періоду), функціонують у текстах різної стилістичної і жанрової належності, дослідження яких дозволяє істотно доповнити, уточнити й конкретизувати уявлення про той чи той національний мовний етикет як про систему правил і норм комунікативно-мовленнєвої взаємодії, що історично сформувалася в суспільстві. У російській лінгвокультурі, як і в багатьох інших, серед таких текстових джерел особливе місце посідають твори письменників-класиків, чії літературні твори зафіксували «мовне» життя минулих епох у всьому його різноманітті, зокрема й у сфері комунікативно-мовленнєвої поведінки тодішніх носіїв російської мови.

Актуальність дисертаційної роботи обумовлена: зростанням інтересу сучасної наукової філологічної громадськості до проблем мовленнєвого етикету й мовної культури загалом; посиленою увагою дослідників-лінгвістів до національно-культурної значущості російського мовленнєвого етикету,

опрацьованої дотепер не всебічно; фокусуванням дослідження на естетичному осмисленні у творах художньої літератури сімейної комунікації – сфері комунікативно-мовленнєвої взаємодії малих соціальних груп (сімей), оскільки цей аспект з комунікативно-лінгвістичних позицій сьогодні є практично не опрацьованим; розпочатою в дисертації спробою комплексного вивчення такого компонента комунікативно-мовленнєвої взаємодії в умовах сім'ї, як вокатив, або звертання, що не тільки виконує в спілкуванні низку найважливіших функцій, але й визначає певну тональність комунікативного процесу і схему його розгортання.

Мета роботи – виявлення й систематизація вокативів як формул мовленнєвого етикету дворянської сімейної комунікації в прозових творах російської класичної літератури; установлення їхніх структурно-семантичних і прагматичних характеристик, а також естетичної та культурної значущості в аналізованих художніх дискурсах і в російській лінгвокультурі загалом. **Об'єктом** дисертаційної розвідки є вокативи як одиниці мовленнєвого етикету, що функціонують у класичній російській прозі – трилогії Л. М. Толстого «Дитинство. Отроцтво. Юність» і романі С. Т. Аксакова «Дитячі роки Багрова-внука» – у різних комунікативно-мовленнєвих ситуаціях сімейного спілкування. **Предмет** дослідження – характеристики (семантичні, прагматичні, емоційно-експресивні, лінгвокультурні тощо), властиві вокативам як формулам мовленнєвого етикету, використаним у творах російської художньої словесності XIX-го століття.

Проведене дослідження дозволило сформулювати такі висновки.

Незважаючи на те, що мовний етикет становить універсальне явище, властиве всім національним лінгвокультурам, кожна мова містить власний тезаурус мовленнєвого етикету (запас формул мовленнєвого етикету – слів і виразів), у якому зафіксоване національне уявлення про ввічливість і правила поведінки людини в різних комунікативних ситуаціях.

Російський мовний етикет, як і мовний етикет інших національностей, формувався протягом тривалого часу, у зв'язку з чим найбільш доцільним

підходом при його вивченні, вважаємо, є підхід синхронно-діахронічний, що враховує історичні особливості становлення. Картини життя минулих епох відтворюють для нас літературно-художні твори, з яких ми дізнаємося і про особливості спілкування попередніх поколінь, що при цьому було для них найбільш важливим, і цьому приділялася першочергова увага.

У російській лінгвокультурі до найбільш поширених етикетних формул, що наповнюються в різних комунікативних ситуаціях різним змістом, уходить вокатив, або звертання, – граматично незалежний та інтонаційно відокремлений компонент речення, який використовують для номінації того, до кого звертаються. У процесі міжособистісного комунікативно-мовленнєвої взаємодії вокатив виконує дві основні функції: апелятивну, або закличну (привернення уваги адресата), та оцінно-характеризувальну; крім цього, звертання здебільшого є вираженням соціокультурним знаком, що концентрує в собі соціокультурні смисли, які можуть впливати на процес спілкування.

У трилогії російського письменника Л. М. Толстого «Дитинство», «Отроцтво», «Юність» та автобіографічній повісті С. Т. Аксакова «Дитячі роки Багрова-внука» значне місце посідає зображення сімейної комунікації в російському дворянському середовищі середини XIX століття. У центрі уваги при цьому виявляється і прийнятий у той час у дворянських родинах мовний етикет, який члени сім'ї використовували в спілкуванні між собою, так і в комунікативних ситуаціях з іншими особами.

Проаналізовані художні твори свідчать про те, що особливе місце в сімейній комунікації відводилося спілкуванню батьків із дітьми. Використовувані в цьому разі вокативи практично завжди мають виражене позитивне емоційно-експресивне забарвлення, що сприяє також формуванню відповідної тональності спілкування – тональності любові, ніжності, довіри тощо.

Звертаючись до батьків, діти використовують номінації-вокативи *маменька, мамаша, милая мамаша, душечка моя, голубчик мой; папенька,*

що самі по собі мають позитивну експресію, значною мірою сформовану суфіксами суб'єктивної оцінки (**-ЕНЬК-**, **-ЕЧК-**, **-ЧИК**).

У спілкуванні матері з дитиною використані такі формули мовленнєвого етикету, як: **Николенька; моя душечка; мой ангел**. Позитивний сенс наведених прикладів також не викликає сумнівів.

В аналізованих творах при спілкуванні між собою недорослі персонажі використовують у ролі формул мовленнєвого етикету здебільшого неофіційні варіанти повних особистих імен, утворені за допомогою суфіксів суб'єктивної оцінки з виразними позитивними оцінними конотаціями (**ЛюбОЧКа, КатЕНЬКа, НиколЕНЬКа, Володя, ИлЕНЬКа**) або ж номінації (**братець** та **сестрица**) з виразною позитивною семантикою.

Правила сімейного спілкування у дворянському середовищі припускали саме таке – доброзичливе, ласкаве й ніжне – звертання дітей одне до одного, що всіляко підтримувалося й заохочувалося дорослими членами сімей. Це сприяло створенню в родині атмосфери комфортного як для дітей, так і для дорослих сімейного мікроклімату, формування їх позитивного, по-справжньому родинного ставлення один до одного.

Інші правила наслідування мовленнєвого етикету діяли в тих випадках, коли представники дворянства (як дорослі, так і діти) спілкувалися з представниками нижчих верств – селянами або слугами, попри те, що останні часто, особливо після тривалого перебування в панському будинку, сприймалися як члени сім'ї. По-перше, до всіх своїх слуг як дорослі, так діти дворянських сімей зверталися виключно на *ти*, що з позиції сучасного носія мови є щонайменше неввічливим: багато представників цієї соціальної групи були значно старшими за своїх юних господарів; однак станові відмінності підкреслювалися й таким чином. По-друге, часто дворянські діти, подібно до своїх батьків та інших дорослих членів сім'ї, зверталися до значно старших за віком слуг, використовуючи в ролі вокатива лише *ім'я* (а не *ім'я* та *ім'я по батькові*), що також суперечить правилам сучасного російського мовленнєвого етикету. По-третє, у спілкуванні як дорослих, так і недорослих членів

дворянських сімей з представниками нижчих верств нерідко використовувалися ті ж етикетні формули, що й за їх комунікативної взаємодії, які, однак, набували в подібних комунікативних ситуаціях зовсім іншого значення (зокрема, номінація *голубчик*).

Іще одним чинником, що, як видається, досить істотно вплинув на формування й уживання російського мовленнєвого етикету у дворянському середовищі ХІХ-го століття, став певний вплив французької культури на стиль життя верхівки російського суспільства. У сфері російського мовленнєвого етикету такий вплив відбився у використанні в ролі вокатива одиниць французької мови, які часто вживалися не в перекладі російською мовою, а у своїй вихідній формі; таким вокативом у трилогії Л.М. Толстого є номінація *tata*.

Перспективу подальших досліджень становить вивчення закономірностей розвитку і функціонування мовленнєвоетикетних формул, що сприятиме приверненню уваги до проблем мовленнєвого етикету не тільки фахівців-філологів і представників суміжних з лінгвістикою наукових областей, а й широкої громадськості, а це дозволить, у свою чергу, більш детально проаналізувати стан мовленнєвої культури на цьому етапі розвитку суспільства і намітити шляхи підвищення її рівня в сучасному соціумі.

Ключові слова: вокатив, формула мовленнєвого етикету, мовленнєвий етикет, соціокультурний знак, комунікативна взаємодія, сімейна комунікація, лінгвокультура.

SUMMARY

Shen Binbin. Vocatives as the element of the family communication of the 19th century (on the material of L. N. Tolstoy's and S. T. Aksakov's literary works) – Qualification academic work. – Manuscript.

Thesis for Candidate Degree in Philology, speciality 10.02.02 – Russian Language. – National Pedagogical Dragomanov University, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ministry of Education and Science. – Kyiv – Kharkiv, 2020.

At the present stage of scientific linguistic knowledge the interest of researchers both to communication in general and to the processes of speech communication occurring in various communicative situations has significantly increased, which naturally stimulated interest in the study of individual components of communicative and speech interaction.

Speech etiquette formulas that form speech etiquette in a separate linguistic culture (usually formed over a significant historical period) are functioning in texts of different stylistic and genre characteristics, the study of which allows to significantly supplement, clarify and concretize the idea of a particular national speech etiquette as a historically established system of rules and norms of communicative and speech interaction in society. In Russian linguoculture, as in many others, among such text sources a special place is occupied by the works of classic writers, in whose literary works the language life of past eras in all its diversity has been recorded, including in the sphere of communicative and speech behaviour of the previous native speakers of the Russian language.

The **topicality** of the thesis is caused by: the growing interest of the modern scientific philological community to the problems of speech etiquette and speech culture in general, the increased attention of linguists to the national and cultural significance of Russian speech etiquette, which has not been fully studied currently; the concentration of the research on aesthetically meaningful family communication, i.e. the field of communicative and verbal interaction of small social groups (families), in the works of literature since this aspect has not been well developed within the

communicative and linguistic position; the attempt of a complex study of such component of communicative and linguistic interaction in the family context, as a vocative, or addressing, which not only performs a variety of important functions in the process of communicating, but provides a certain tone and the scheme of its development in general to the communicative process .

The **aim** of the research work is the identification and systematization of vocatives (addressing) as speech etiquette formulas of a noble family communication in prose works of Russian classical literature; the establishment of their structural, semantic and pragmatic characteristics as well as aesthetic and cultural significance in the analyzed literary discourses and in Russian linguistic culture in general. The **object** of the research is vocatives as speech etiquette units functioning in the classical Russian prose trilogy “Childhood. Boyhood. Youth” by L. N. Tolstoy and the novel “Children’s years of Bagrov’s grandson” by S. T. Aksakov – in various communicative and speech situations of a family communication. The **subject** of the research is the characteristics (semantic, pragmatic, emotional and expressive, linguocultural etc.) peculiar to vocatives as speech and etiquette formulas used in the works of Russian literature of the 19th century.

The study allows to formulate the following **conclusions**.

Despite the fact that speech etiquette is a universal phenomenon, inherent to all national cultures, each language contains its own speech and etiquette thesaurus (stock of speech and etiquette formulas – words and expressions) that sets out the national idea of courtesy and the rules of human behaviour in various types of communication, including communicative and speech situations.

Russian speech etiquette, as well as the speech etiquette of other nationalities, has been formed for a long time, and therefore the most appropriate approach in its study is considered as a synchronous-diachronic one, considering the historical features of its formation. Literary and artistic works recreate the pictures of the past epochs’ life for us, from which we learn exactly about the processes of communication the previous generations had, the degree of its importance for them etc.

In Russian linguoculture, the most common etiquette formulas, being observed in different communicative situations with different content, include vocative, or addressing – grammatically independent and intonationally separate member of the sentence, used for the nomination of the one to whom the speech is addressed. In the process of interpersonal communicative and verbal interaction the vocative has two main functions: *appealing* (attracting the addressee's attention) and *evaluative-characterizing*. In addition, the addressing in most cases is an expressed social and cultural sign, concentrating the social and cultural meanings that can sometimes influence the communication process very significantly.

In the trilogy by an outstanding Russian writer L. N. Tolstoy “Childhood”, “Boyhood”, “Youth” and in S. T. Aksakov's autobiographical novel “Children's years of Bagrov's grandson” a significant place is given to the image of family communication in the noble environment of Russian society in the middle of the 19th century. Obviously, the centre of attention at that time is speech etiquette adopted in noble families and used in communication between family members with each other as well as with other people.

The analyzed works of art indicate that a special place in family communication was given in the noble environment to communication between parents and children. The vocatives used in this case almost always have an expressive positive emotional colouring, which contributes to the formation of the appropriate tone of communication: the tone of love, tenderness, trust and confidence.

Addressing the parents, children use the vocatives of such nomination: *маменька, мамаша, милая мамаша, душечка моя, голубчик мой; папенька*, which initially carry a positive expression and are primarily formed by the corresponding suffixes of subjective evaluation (*-ЕНЬК-, -ЕЧК-, -ЧИК*).

While addressing her child, the mother uses such speech and etiquette formulas as: *Николенька; моя душечка; мой ангел*; the positive meaning of such speech and etiquette formulas is also beyond doubt.

When communicating between non-adults, the characters in most cases of speech and etiquette formulas rely on informal options of full personal names, formed

by means of suffixes of subjective evaluation with a distinct positive evaluative connotations: *ЛюбОЧКа, КатЕНЬКа, НиколЕНЬКа, Володя, ИлЕНЬКа* – or the nomination of a *братец* and *сестрица*, also with a clear positive meaning.

The rules of family relations among the nobility expected a friendly, affectionate and even tender treatment of children to each other that was strongly supported and encouraged by elder family members. This fact contributed certainly to the creation of a comfortable atmosphere of the family microclimate for both children and adults, the formation of their positive, truly related relationship to each other.

Other rules of the use of speech etiquette are used in cases where the representatives of the nobility (both adults and children) communicated with the representatives of the lower classes – peasants or servants, despite the fact that the latter ones were often, especially after a long staying in the manor house, treated as family members. Firstly, children of noble families addressed all the servants, adults in particular, exclusively to *you* (*ты* in Russian), which from the point of view of a modern native speaker looks at least impolite: many members of this social group were much older than their young masters; however, class differences were emphasized in this way. Secondly, noble children, as well as their parents and other adult family members, often addressed much older servants, using only the *name* (and not the *name* and *patronymic*) as a vocative, which also contradicts the rules of modern Russian speech etiquette. Thirdly, in communication both adults and non-adult members of noble families with representatives of the lower classes often used the same etiquette formula, as in the communicative interaction between them, which, however, acquired quite a different meaning (in particular, the nomination *голубчик*) in such communicative situations.

Another factor, which appears to have quite a significant influence on the formation and use of Russian speech etiquette in the nobility of the 19th century, was a certain influence of French culture on the lifestyle of the higher classes of Russian society, especially the noble class. In the Russian speech etiquette this kind of influence is reflected in the use of the French language nominations as speech and etiquette formulas vocatives, which are often used not in translation into Russian, but

in its original form; such vocative, functioning in the trilogy of L. N. Tolstoy, is the nomination *maman*.

The prospective of further research is to study the speech etiquette formulas, their functioning, that can help draw attention to the problems of speech etiquette, and in more detail to analyze the state of speech culture at this stage of development of society and identify the ways to increase its level in modern society.

Keywords: vocative, speech etiquette formula, speech etiquette, social and cultural sign, communicative interaction, family communication, linguoculture.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи, в которых опубликованы основные результаты диссертации (специализированные издания Украины):

1. Шень Биньбинь. Своеобразие речевых формул в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. Вип. 18. Т. VI (181). С. 477–481.
2. Шень Биньбинь. Речевой этикет как элемент «усадебной» дворянской жизни XIX века (на материале произведения С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»). *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. Вип. 19. Т. III (183). С. 90–94.
3. Шень Биньбинь. Стилистически маркированные формы речевого этикета в повести Л. Н. Толстого «Детство»: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты. *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. Вип. 20. Т. III (188). С. 33–37.
4. Шень Биньбинь. Повесть Л. Н. Толстого «Отрочество» как «энциклопедия» семейных обращений русской лингвокультуры XIX века. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. Научно-методический журнал*. 2018. № 2(64). С. 8–12.
5. Шень Биньбинь. Речевые формулы семейного общения в русской дворянской семье XIX века (на материале повести Л. Н. Толстого «Юность»). *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2018. Вип. 21. Т. IV (193). С. 286–289.

Научные статьи, в которых опубликованы основные результаты диссертации (зарубежные отраслевые издания):

6. Шень Биньбинь. Семейная коммуникация как особый вид общения. *European Journal of Humanities and Social Sciences*. Premier Publishing s.r.o. Vienna. 1. 2020. P. 79 – 83.

**Научные статьи, в которых представлены дополнительные результаты
диссертации:**

7. Шень Биньбинь. Речезтикетные формулы в повести Л. Н. Толстого «Детство»: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты. *XI Машеровские чтения: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Витебск 18 октября 2017 г.* / Витебск. гос. ун-т; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 267–269.
8. Шень Биньбинь. О своеобразии некоторых речезтикетных формул в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». *Transformations in Ukrainian Education and Scientific Research: Global Context* (25 – 26 травня 2017 р., Умань, Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини). Умань, 2017. С. 200–204.

Тезисы

9. Шень Биньбинь. Русский речевой этикет как воплощение национальной культуры (на материале классических произведений XIX века). *Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты* (21 февраля 2017 года, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь). Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 267–268.
10. Шень Биньбинь. Речевой этикет как элемент русской классической литературы: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты. *Материалы III Международной научной конференции «Мир языка – мир в языке»* памяти д. ф. н., проф. В. И. Гончарова» (29 – 30 октября 2015 г.). Киев, 2015. С. 53–54.
11. Шень Биньбинь. Этикетные формы-обращения в повести Л. Н. Толстого «Отрочество» (социокультурный аспект). *IV Міжнародна наукова конференція «Світ мови – світ у мові»*: статті і матеріали (Київ, 26 – 27 жовтня 2017 р.). Київ, 2017. С. 199–202.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	16
РАЗДЕЛ I. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ФЕНОМЕН	28
1.1. Социально-культурные основы появления и формирования этикета; речевой этикет как его составляющая.....	28
1.2. Соотнесённость речевого этикета с этикой и вежливостью	40
1.3. Речевой этикет в собственно лингвистическом и коммуникативно- прагматическом аспектах.....	46
1.4. Речевой этикет как часть национальной культуры	59
Выводы к разделу I	65
РАЗДЕЛ II. ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	68
2.1. Обращение как этикетная формула.....	68
2.2. Структурные и семантические типы обращений, их эмоционально- экспрессивный потенциал.....	79
2.3. Обращения как социокультурные знаки.....	89
Выводы к разделу II	94
РАЗДЕЛ III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ	97
3.1. Семейная коммуникация как особый вид общения; своеобразие речевого этикета в семейной коммуникации	97
3.2. Русская литература как источник сведений о речевом этикете	106
3.3. Семейная коммуникация в русских дворянских семьях XIX-го века, отражённая в литературно-художественных произведениях	119
3.3.1. Общение родителей с детьми: речеетикетный аспект.....	119
3.3.2. Речеетикетные формулы, используемые в роли вокативов при обращении детей к родителям.....	131
3.3.3. Речеетикетные формулы, используемые в общении детей друг с другом	141

3.3.4. Своеобразие межличностного общения коммуникантов – представителей различных социальных слоёв.....	148
3.3.5. Отражение в художественном произведении влияния французской культуры на речевой этикет русского дворянского общества.....	163
Выводы к разделу III.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	184
ПРИЛОЖЕНИЯ	202

ВВЕДЕНИЕ

В процессе общения, в ходе коммуникативно-речевого взаимодействия, его участники, как известно, не только передают друг другу информацию, но и демонстрируют своё отношение друг к другу, придерживаются определённых правил, принятых в том или ином обществе для различных ситуаций общения, а в некоторых случаях – очевидно нарушают их. Таким образом, речевое общение (в первую очередь это касается речи *диалогической*) всегда регулируется некими социально-культурными правилами, которые чаще всего определяются как правила **речевого этикета**.

На современном этапе гуманитарного знания исследователями уже установлено, что **речевой этикет**, будучи неотъемлемой частью общего **этикета** (внешнего вида человека, правил его поведения в разных жизненных ситуациях, систем сословных запретов и рекомендаций и т. д.), обладает ярко выраженной *национально-культурной* окрашенностью, поскольку у каждой нации и народности он формировался в течение долгого времени (как минимум нескольких веков, а нередко и тысячелетий), приобретая в ходе этого становления и развития именно то своеобразие, которое и в настоящее время отличает коммуникативно-речевое поведение представителей одного национально-культурного сообщества и, соответственно, носителей одной лингвокультуры от носителей другой лингвокультуры, сложившейся в ином национально-культурном контексте.

Актуальность предпринятого диссертационного исследования, таким образом, обусловлена ростом интереса современной научной лингвистической общественности к *речевому этикету* и речевой культуре в целом, а также повышенным вниманием исследователей к национально-культурной значимости русского речевого этикета, изученным в настоящее время далеко не в полной мере. В частности, в дальнейшей разработке нуждаются – как с теоретических позиций, так и в плане выработки практических рекомендаций – *комплексы* системных характеристик данного феномена, сопровождающие использование

речевого этикета в каждой из выделяемых на сегодня коммуникативно-речевых сфер (начало осмыслению речевого этикета с таких позиций положено работами Н. И. Формановской).

Во-вторых, актуальность диссертации определяется сосредоточенностью исследования на эстетически осмысленной в произведениях художественной литературы *дворянской семейной коммуникации* – сфере коммуникативно-речевого взаимодействия малых социальных групп (семей), – поскольку данный аспект с коммуникативно-лингвистических позиций в настоящее время является практически не разработанным.

Наконец, актуальной представляется и попытка *комплексного* изучения такого компонента коммуникативно-речевого взаимодействия в условиях семьи, как **вокатив**, или **обращение**: рассмотрение данной категории не только как выполняющей в процессе общения ряда важнейших функций, но и задающей определённую «схему» развёртывания всему коммуникативному процессу, а также значительно влияет на тональность последнего.

С помощью этих компонентов речевого этикета передаётся разного рода отношение к собеседнику: как к занимающему высшую, равную или низшую «ступеньку» на социальной лестнице по сравнению с говорящим; как к лицу незнакомому или же, напротив, давно и хорошо знакомому, с которым сложились отношения того или иного характера, и т. д. Употребление вокативов различного характера демонстрирует наличие либо отсутствие определённой дистанции между собеседниками, выявляет степень официальности / неофициальности их общения и т. д. – перечисленные и подобные особенности протекания коммуникации свидетельствуют о реализации через посредство речевого этикета одной из функций языка – *контактоустанавливающей*, или *фатической*.

При анализе вокативов как компонентов процесса речевой коммуникации нам представляется исследовательски целесообразным рассматривать их в качестве **формул речевого этикета**, или **речэтикетных формул**, поскольку данный термин учитывает не только собственно лингвистические

характеристики рассматриваемой категории, но и крайне важные для нашего исследования семантические приращения *социального, культурного* и иного *экстралингвистического* свойства.

Термин **речезыкетные формулы** (**этикетные формулы**), употребляющийся в ряде исследований последних двух десятилетий по речевому этикету (см., например, последние работы Н. И. Формановской: Формановская 2003-а, Формановская 2003-б, Формановская 2005), возник на основе выражения **этикетные формулы речи**, который в последние десятилетия фигурирует во многих работах представителей культуроречеведческого направления (при описании проблематики таких дисциплин и их отдельных разделов, как «Культура речи», «Риторика», «Речевое мастерство» и подобных). Так, например, в работе Е. М. Лазуткиной «Этика речевого общения и этикетные формулы речи» находим: «... **речевая этика – это правила должного речевого поведения, основанные на нормах морали, национально-культурных традициях.**

Этические нормы воплощаются в специальных этикетных речевых формулах и выражаются в высказываниях целым ансамблем разноуровневых средств» (подчёркнуто мною. – Б. Ш.) [Лазуткина 2000, с. 90]. И далее автор даёт определение употребляемому терминологическому выражению, характеризуя при этом и его значимость для носителей соответствующего языка: «**Этикетные формулы.** В каждом языке закреплены способы выражения наиболее частотных и социально значимых коммуникативных намерений. ...

Этикетные формулы, фразы к случаю – важная составная часть коммуникативной компетенции; знание их – показатель высокой степени владения языком» (во втором случае выделено мною. – Б. Ш.) [Лазуткина 2000, с. 91].

Помимо лингвистических работ термин **формула речевого этикета** функционирует и в работах других исследователей-гуманитариев, так или иначе затрагивающих проблемы речевого этикета в своих работах, – как, например, в книге В. Н. Шеломенцева «Этикет и культура общения», где речевой этикет

рассматривается в контексте процесса общения в целом: «Общество вырабатывает ритуальные формы поведения (в том числе речевого) для собственного существования. С детства люди усваивают основные знаки этикета (формулы приветствия, благодарности, извинения, прощания и т. д.) и негативно реагируют на отступление от них. Соблюдение **правил (формул) речевого этикета** способствует созданию благоприятного микроклимата общения, повышает настроение людей в коллективе» [Шеломенцев 1995, с. 190].

Термин «речезыкетная формула» представляется нам наиболее удачным для обозначения употребляемых в процессе общения слов и выражений, содержащих в себе, помимо интенционального смысла, свойственного **этикетным формулам**, ещё и информацию о своеобразии правил и традиций собственно речевого этикета определённого национально-культурного коллектива; именно в нём, с нашей точки зрения, наиболее отчётливо зафиксирована связь используемых в процессе общения лингвистических знаков с принятыми в том или ином социуме этическими нормами.

Речезыкетные формулы, образующие речевой этикет (как правило, складывающийся на протяжении значительного исторического периода) в его динамическом существовании в отдельной лингвокультуре, функционируют в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности, исследование которых позволяет существенно дополнить, уточнить и конкретизировать представление о том или ином национальном речевом этикете как об исторически сложившейся в обществе системе правил и норм коммуникативно-речевого взаимодействия. В русской лингвокультуре, как и во многих других, особое место среди таких текстовых источников занимают произведения писателей-классиков, чьи литературные произведения зафиксировали языковую жизнь минувших эпох во всём её многообразии, в том числе и в сфере коммуникативно-речевого поведения тогдашних носителей русского языка.

Достаточно полно охарактеризовать национально-культурное своеобразие вокативов как компонентов речевого этикета, сформировавшего в той или иной лингвокультуре, возможно, как представляется, лишь при осмыслении его не

только с *синхронных* позиций, но и с фрагментарным (как минимум) привлечением *диахронических* сведений. Это связано с тем, что многие особенности, характерные для речевого этикета современного периода, нередко могут быть объяснены и адекватно восприняты только с учётом их формирования в тесной связи с историческим развитием социума, потребности которого и стимулировали как само появление, так и свойственную ей специфику системы речезтикетных формул, функционирующей в современном языке.

Представляется также, что исследование закономерностей развития и функционирования речезтикетных формул будет способствовать привлечению внимания к проблемам речевого этикета не только специалистов-филологов и представителей смежных с лингвистикой научных областей, но и широкой общественности, что, в свою очередь, позволит как более детально проанализировать состояние речевой культуры на данном этапе развития общества, так и наметить пути повышения её уровня в современном социуме.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Исследование выполнено в рамках реализации комплексной темы «Актуальные проблемы славистики», разрабатываемой кафедрой славянских языков факультета иностранной филологии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Тема «Национально-культурная специфика русского речевого этикета (на материале классической литературы)» утверждена на заседании кафедры русского языка факультета иностранной филологии Национального педагогического университета М. П. Драгоманова (протокол № 6 от 16 декабря 2015 года) и на заседании учёного совета Национального педагогического университета М. П. Драгоманова (протокол № 10 от 28 января 2016 года). Тема диссертационного исследования уточнена и скорректирована на совместном заседании кафедр славянских языков и прикладной лингвистики, сравнительного языкознания и перевода факультета иностранной филологии Национального педагогического университета М. П. Драгоманова (протокол № 2 от 5 сентября 2019 года) и на заседании

учёного совета Национального педагогического университета М. П. Драгоманова (протокол № 4 от 31 октября 2019 года) в следующей формулировке: «Вокативы как элемент семейной коммуникации XIX века (на материале произведений Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова)».

Цель работы – выявление и систематизация обращений (вокативов) как речевых формул русской дворянской семейной коммуникации в прозаических произведениях русской классической литературы; установление их структурно-семантических и прагматических характеристик, а также эстетической и культурной значимости в анализируемых художественных дискурсах и в русской лингвокультуре в целом.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- аналитически обобщить существующие определения речевого этикета, помещённые в исследовательской и справочной литературе, акцентируя внимание на собственно-лингвистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах;
- продемонстрировать национально-культурную значимость русского речевого этикета как весомой составляющей русской лингвокультуры;
- рассмотреть вокатив (обращение) как речевую формулу со структурно-семантических, коммуникативно-прагматических и социокультурных позиций;
- охарактеризовать семейную коммуникацию как особый вид общения и своеобразие речевого этикета в нём;
- осуществить комплексный анализ вокативов, используемых в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и романе «Детские годы Багрова-внука» Сергея Тимофеевича Аксакова, выявляя их функции как речевых формул семейной коммуникации русского дворянского общества XIX-го века;
- типологизировать собранный материал с учётом социального статуса коммуникантов и характера родственных отношений между ними;

- фрагментарно сопоставить функции выявленных речевых единиц с системой формул современного речевого этикета.

Материалом для выполнения диссертационной работы послужили тексты прозаических произведений русских писателей-классиков: трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» Льва Николаевича Толстого и – отчасти «Детские годы Багрова-внука» Сергея Тимофеевича Аксакова, в которых запечатлена жизнь русских дворянских семей второй половины XIX-го века (система домашнего образования; традиции семейного времяпрепровождения; отношения между членами семьи и членов семьи со слугами и др.).

Объектом диссертационного исследования являются вокативы как речевые единицы, функционирующие в классической русской прозе в различных коммуникативно-речевых ситуациях семейного общения, воссозданных Л. Н. Толстым и С. Т. Аксаковым в словесно-художественных прозаических произведениях.

Предмет исследования – характеристики (семантические, эмоционально-экспрессивные, лингвокультурные и т. д.), свойственные вокативам как речевым формулам, использованным в произведениях русской художественной словесности XIX-го века (трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» и повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»).

Цель и задачи исследования обусловили выбор соответствующего комплекса **методов**, среди которых: *метод наблюдения и описательный* (для отбора и описания языкового материала, их систематизации); *сопоставительный метод* (для изучения качественных и количественных изменений в составе изучаемых языковых явлений, а также для описания вариативности на разных этапах их становления); *статистический* (для установления частотности исследуемых языковых явлений); *контекстологический анализ* (для определения границ вокативов, их вариантов, характера линейных связей в тексте, сочетаемости с другими компонентами); *лингвопрагматический анализ* (для установления специфики восприятия речевой единицы с учетом особенностей национальной этики и эстетики);

семантико-стилистический метод (направлен на выявление тончайших смысловых оттенков этикетных единиц как выразительных элементов языка в анализируемых текстах); *метод компонентного анализа языковых единиц* (для осмысления семантической структуры вокативов); *элементы диахронического анализа языковых единиц* (объясняют эволюционирование вокативов и их значений, которые, переходя в группу нерегулярных форм, изменяют сферу употребления, стилистическое и прагматическое значение); *метод анализа словарных дефиниций* (для изучения плана содержания компонентов формул речевого этикета в аспекте семантической кодификации).

Научная новизна диссертации заключается в аналитическом обобщении и систематизации с позиций новейшего лингвистического знания – лингвистической прагматики и лингвокультурологии – вокативов как речеетикетных формул, функционирующих в русской классической прозе XIX-го века, что позволяет дополнить и уточнить как диапазон формул русского речевого этикета, используемых преимущественно в сфере семейной речевой коммуникации, в его современном состоянии, так и некоторые аспекты современной теории речевого этикета в принципе (в частности – актуализацию в настоящий период у обращений как речеетикетных знаков *апеллятивной* функции).

Теоретико-методологической основой для выполнения диссертации в первую очередь послужили работы отечественных и зарубежных исследователей по проблемам речевого этикета и общей культуроречеведческой тематики: прежде всего – Н. И. Формановской [Формановская 1982; Формановская 1987; Формановская 2000; Формановская 2002; Формановская 2003-а; Формановская 2003-б; Формановская 2003-в; Формановская 2005] и А. Г. Балакая [Балакай 2001-а; Балакай 2001-б; Балакай 2004-а; Балакай 2004-б], а также В. Г. Костомарова [Костомаров 1967, Костомаров 1999], В. Е. Гольдина [Гольдин 1983; Гольдин 1987; Гольдин 2000], М. В. Александровой [Александрова 2000], А. А. Акишиной [Акишина 1983],

И. А. Стернина [Стернин 1996], Л. П. Рыжовой [Рыжова 1981, Рыжова 1982], Г. Н. Ключова [Ключов 1981], Т. В. Тарасенко [Тарасенко 1999].

Существенное значение при подготовке диссертации имели также исследования по теории и практике речевой коммуникации: Т. Г. Винокур [Винокур 1993-а, Винокур 1993-б], Е. А. Земской [Земская 1994, Земская 2004], К. Ф. Седова [Седов 2000, Седов 2006], В. В. Колесова [Колесов 1988], М. А. Кронгауза [Кронгауз 1999], Е. Ф. Тарасова [Тарасов 1974], К. С. Фёдоровой [Фёдорова 2002], А. С. Штерн [Штерн 1981], а также коллективные монографии «Теоретические и прикладные аспекты речевого общения» (1979) и «Культура речи и эффективность общения» (1989) «Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект» (Москва, 1993) и сборники научных трудов: «Проблемы речевой коммуникации» (Саратов, 2006), «Русский язык сегодня. Выпуск 4. Проблемы языковой нормы» (Москва, 2006), «Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей, посвящённых памяти В. Н. Телия» (Москва, 2016).

В основу разработки в диссертации **лингвокультурологического** аспекта осмысления речевого этикета были положены исследования по лингвокультурологии Н. Г. Брагиной [Брагина 2016], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999], В. В. Воробьёва [Воробьёв 1997], В. В. Красных [Красных 2011, Красных 2016], В. А. Масловой [Маслова 2001, Маслова 2007], А. Т. Хроленко [Хроленко 2005].

Важная и принципиально значимая для выполнения исследования информация была получена из лексикографических и справочных лингвистических источников, в содержании которых присутствует и коммуникативно-речевой компонент: «Толковый словарь русского речевого этикета: свыше 4000 этикетных слов и выражений» А. Г. Балакая (2004), «Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник» (2003), «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В. Н. Ярцевой (2002), «Педагогическое речеведение: Словарь-справочник» под редакцией Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской (1998), «Русский язык. Энциклопедия»

под редакцией Ю. Н. Караулова (2003), «Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія» Е. А. Селивановой (2006), «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М. Н. Кожиной (2003).

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания ряда дисциплин, читаемых в высшей школе (как собственно лингвистического, так и междисциплинарного характера): «Основы речевой коммуникации», «Теория и практика речевой коммуникации», «Стилистика русского языка», «Культура русской речи», «Лингвокультурология», «Лингвистическая прагматика» и т. д., ряда сопоставительных дисциплин, предусматривающих сравнение речевого этикета в разных лингвокультурах, а также – спецкурсов и спецсеминаров культуро-речеведческой, лингво-культурологической и лингвопрагматической проблематики. Результаты проведённого исследования будут полезны для студентов и магистрантов при подготовке соответственно дипломных и магистерских сочинений, а также для аспирантов.

Апробация работы. Работа в полном объёме обсуждена на совместном расширенном заседании кафедр славянских языков и прикладной лингвистики, сравнительного языкознания и перевода Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Отдельные положения диссертационного исследования нашли отражение в ежегодных сообщениях на заседаниях кафедры русского языка (2014 – 2016 годы) и кафедры прикладной лингвистики, сравнительного языкознания и перевода (2016 – 2018 годы) Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова; в докладах и сообщениях на ежегодных «Днях науки» преподавателей, аспирантов и студентов Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова, а также на **международных** конференциях:

1) III-й Международной научной конференции «*Мир языка – мир в языке*» памяти д. ф. н., проф. В. И. Гончарова» (29 – 30 октября 2015 г., Киев, НПУ им. М. П. Драгоманова);

2) международной научной конференции *«Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты»* (11 – 12 мая 2016 г., Киев, НПУ им. М. П. Драгоманова);

3) XXV-й Международной научной конференции «Язык и культура» им. проф. Сергея Бураго (Киев, 20 – 23 июня 2016 года);

4) международном научно-методическом семинаре «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты», посвящённом Международному дню родного языка (21 февраля 2017 года, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь);

5) Международной научно-практической конференции «Transformations in Ukrainian Education and Scientific Research: Global Context» (25 – 26 мая 2017 года, Умань, Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тычины);

6) XXVI-й Международной научной конференции «Язык и культура» памяти профессора Сергея Бураго (Киев, 25 – 27 июня 2017 года);

7) международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «XI Машеровские чтения» (18 октября 2017 года, Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь);

8) IV-й Международной научной конференции «Мир языка – мир в языке» (Киев, 26 – 27 октября 2017 г.);

9) XVII-й Міжнародній конференції з актуальних проблем семантичних досліджень «Художній текст: лексика, граматика, стилістика», (Харьков, Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, 15 – 16 мая 2018 года).

10) XXVII-й Международной научной конференции «Язык и культура» памяти профессора Сергея Бураго (Киев, 24 – 26 июня 2018 года);

Публикации. По результатам диссертационного исследования опубликовано **11** работ: **8** статей (**5** входят в список изданий, рекомендованных

ДАК МОН Украины для публикации результатов диссертационных исследований, **1** статья размещена в зарубежном издании (Австрия), **2** статьи – публикации в неспециализированных изданиях) и **3** тезисов.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх разделов, заключения и списка использованных источников, насчитывающего **227** позиций; общий объем диссертации – **206** страниц, объём основного текста исследования – **172** страницы (7,96 авт. л.).

РАЗДЕЛ I. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ФЕНОМЕН

1.1. Социально-культурные основы появления и формирования этикета; речевой этикет как его составляющая

С момента возникновения человеческого общества люди в той или иной мере всегда стремились выработать определённые правила поведения человека в обществе, установить и обосновать принципы, по которым эти правила формируются. Такого рода правила, точнее – их *комплексы*, устанавливались для различных житейских ситуаций, с которыми люди сталкиваются постоянно: в кругу семьи или соседей, общаясь с малознакомыми либо совсем незнакомыми людьми, на работе или службе (в отношениях как с начальником, так и с коллегами и подчинёнными), в сугубо официальных ситуациях и т. д.

Правила подобного характера рода именуются **этикетом** (от французского слова *étiquette*, имеющего значения «ярлык», «этикетка»). В зависимости от принадлежности к определённой научной сфере, а также от занимаемой современные исследователи акцентируют внимание на различных особенностях этого явления. Приведём в качестве примера одно из существующих на сегодня определений этикета: «**Этикет** (фр. *étiquette* – ярлык, этикетка, этикет) – правила поведения, обеспечивающие поддержание существующих в данном обществе (сообществе) представлений о подобающем. Эти представления, порой довольно условные, могут в целом отражать более общие нравственные принципы, касающиеся благого, справедливого, должного; однако **главная социально-культурная функция правил этикета заключается в том, что они выступают важным знаком групповой (сословной, клановой) идентичности**» (выделено мною. – Б. Ш.) [Этика: Энцикл. словарь]. Прочитанное определение, как можно убедиться, особый акцент ставит на *социальной* функции этикета, поскольку, опираясь на проявления последнего, действительно можно судить о принадлежности человека к той или иной группе социума, в том числе и сословной и клановой.

Если же проследить более ранние этимологические связи рассматриваемого термина, то становится очевидной его тесная связь со словом **этика**, имеющим в современном языке два основных значения: 1) философское учение о нравственности, морали; 2) нормы поведения, совокупность правил, принятых среди членов общества, какой-либо социальной или профессиональной группы, корпорации и т. п.

По данным известного этимологического словаря М. Фасмера, слово **этика** вошло в русский язык, начиная с эпохи Петра I, «вероятно, через польск. **etyka** из лат. **ethica** (Квинтилиан) от греч. **ἠθικά** мн. от **ἦθος** ср. р. «нрав, обычай» [Фасмер]. Таким образом, исходный корень термина **этикет** является греческим по происхождению и самым тесным образом связан с представлениями о моральной стороне поведения человека в обществе, что является принципиально значимым для проводимого нами исследования, в ходе которого проблемы речевого этикета принципиально рассматриваются в контексте этикета в целом.

Весьма своеобразно и очень точно обыгрывает этимологическое значение термина «этикет» (значение французского **étiquette**, от которого произошло **этикет**, – *ярлык, этикетка*) И. А. Стернин, образно конкретизируя это понятие применительно к впечатлению, которое создаётся о человеке в социуме, где он себя проявляет: «Соблюдение правил этикета как бы «наклеивает» на человека ярлык о принадлежности его к разряду воспитанных, культурных людей; наоборот, несоблюдение норм этикета позволяет «наклеить» на человека ярлык грубого, некультурного, не уважающего других людей человека» [Стернин 1996, с. 3].

Этикет – довольно объёмная и важная часть общечеловеческой культуры, которая на протяжении многих веков вырабатывалась представителями практически всех национальностей и закономерно впитала в себя представления этих народов о многих морально нравственных категориях (добре, справедливости, человечности, красоте и под.), а также о порядке,

благоустройстве, бытовой целесообразности и других особенностях общественного бытия.

Правила этикета в той или иной форме зародились уже в древнейшие времена, одна стали восприниматься как некая система уже в период нового европейского времени, после окончания эпохи Средневековья: именно в период расцвета Средневековья (XI – XV вв.) этикет сложился как социокультурное явление, что было обусловлено, как отмечают историки, необходимостью поддержания внутренней стабильности высших сословий, в частности, рыцарского, в условиях их расширения за счет выходцев из незнатных семей.

Во времена античности международным эталоном считались греческий и римский этикет. По свидетельству историка Полибия, первые римские послы в эллинистических государствах поражали мягких и деликатных греков грубостью, неумением сдерживать свои чувства. Так, к примеру, по правилам греческого дипломатического этикета того времени, посол не должен был прерывать речи того лица, с которым разговаривал: он обязан был терпеливо выслушать всё, что ему говорили. Когда один римский посол осмелился прервать речь царя Филиппа Македонского, царь сказал ему, что он его прощает, во-первых, по молодости, во-вторых, потому, что он очень красив, и, в-третьих, потому, что он римлянин [Смирнов 2001].

Следует принять во внимание, что в республиканском Древнем Риме к любым действиям с участием послов в принципе относились с особым почтением, т. е. следовали во время них строго установленному этикету. Так, к примеру, церемония отправления послов была весьма торжественной. Обычно они высылались группой в три и более (до десяти) человек – целое посольство. Каждый член такого коллегиального посольства получал золотой перстень, который давал право на беспошлинный провоз багажа через границу. Во время путешествия по морю послов сопровождал почётный эскорт кораблей. Интересно, что для организации приема иностранных посланников в Риме была создана специальная должность «магистра церемониала» – прототипа нынешнего «шефа протокола». В честь иностранных гостей устраивались

народные празднества, увеселения. Сенат принимал их на торжественном заседании и назначал для переговоров с ними специальную комиссию. При отъезде производился обмен подарками.

Примечательно, что зарождение *речевого этикета* – весьма значительной составляющей этикета вообще – тоже относится ко временам античности: именно в этот период в Древней Греции, Древнего Рима и других государствах зародились и впоследствии перешли к нам правила ведения бесед. Так, в частности, было не принято во время переговоров публично обвинять третьих лиц. Историки упоминают в связи с этим о таком случае, произошедшем на переговорах в Риме в середине II-го века. Посол Родоса, защищая своё положение, начал обвинять правительства всех других греческих городов в присутствии их послов и обелять поведение правителей Родоса. Выступление посла вызвало негодование представителей остальных греческих городов.

Древние египтяне и другие народы Древнего Востока вели между собой устные и письменные переговоры, направляли и принимали послов, объявляли войны и заключали перемирия, размечали границы, обменивались пленными. Все эти международные действия совершались в соответствии с определёнными обычаями, в торжественной обстановке и освящались, как правило, «божественными силами».

На церемониал международного общения большое влияние оказала практика Византийской империи. Торжественность и пышность византийского приема иностранных посольств призвана была ослеплять гостей, убеждать их в могуществе империи. Этикет использовался подчас вопреки своему естественному назначению, т. е. не для выражения чувств дружбы, а для демонстрации силы и превосходства.

Первый известный труд, посвящённый проблемам этикета, – трактат о поведении «Дисциплина клерикалис» был сочинен испанским священником Педро Альфонсо и увидел свет в 1204 году – в эпоху раннего Средневековья. Книга была адресована духовенству. Позднее на её основе были подготовлены пособия по этикету в Англии, Голландии, Франции, в германских и итальянских

землях. В них преобладали описания правил поведения за столом, хотя затрагивались и другие вопросы – порядок ведения бесед, приёма гостей и прочее.

Однако в средневековый период этикет в основном формировался в среде рыцарского этоса, где получили довольно широкое распространение куртуазные нравы, которые предусматривали строгое исполнение определённых правил поведения влюбленного и возлюбленной – рыцаря и его дамы сердца. Постепенно рыцарский этикет распространился и в других сословиях, став основой для европейского этикета в целом, получившего также название «галантный» этикет. Основными элементами галантного этикета являются *вежливость, предупредительность, почтительность*; которые, впрочем, в среде рыцарства и аристократии эти принципы распространялись, разумеется, только на равных по положению. Эти принципы сохраняются как ключевые и в системе современного этикета, который в то же время по ряду особенностей существенно отличается от этикета рыцарской поры.

Примечательно, что слово «этикет» было впервые употреблено при дворе французского короля Людовика XIV-го с явной опорой на его *этимологическое* значение: гостям были розданы карточки (этикетки), где предписывалось, как они должны держаться во время проводимого приёма. Придворный этикет, предписывающий королевскому двору правила поведения в высшем обществе, отличался явной усложнённостью, скрупулезной, иногда очевидно излишней детализированностью, что создавало необходимость специальных компендиумов (книг, в которых обобщались и излагались основные правила этикета) хороших манер.

Несмотря на это, родиной появления этикета нового времени на европейском континенте, который и стал основой этикета в современном обществе, принято считать Италию, где в XVI-ом веке, во время наступления эпохи Ренессанса, стали активно развиваться образование, искусства и культуры, что обусловило и необходимость становления и совершенствования

правил поведения в высшем свете – при королевских дворах и объединениях других сословий представителей знати.

С течением времени этикетные правила распространяются и на другие сословные группы. Так, например, в буржуазную эпоху происходит приобщение к аристократическому этикету выходцев из «третьего сословия», что порой воспринималось окружающими как весьма комичные явления (ряд подобных явлений художественно осмыслен классиком французской литературы Жаном Батистом Мольером в одной из его комедий – «Мещанин во дворянстве»).

Затем в Европе постепенно переосмысливаются сами традиционные «благородные манеры» с позиций вновь утверждающихся ценностей, в том числе и религиозного характера – например, с учётом своеобразия протестантской этики. В целом, благодаря в том числе и научно-философскому осмыслению этики в целом и этикета как её составляющей, выработанные ранее этические принципы и правила этикета наполняются более широким гуманистическим содержанием, в чём значительную роль сыграли работы знаменитых учёных – английских философа Дэвида Юма и философа и педагога Джонна Локка; французских моралистов XVIII века, знаменитого русского критика и публициста В. Г. Белинского и многих других.

В буржуазную эпоху, по мнению многих исследователей, этикет утилизируется, теряет утончённость и тем самым *упрощается*; эта тенденция усиливается в современном обществе. Современный этикет дифференцируется: углубляются различия между этикетом каждодневным и этикетом особых, «торжественных» случаев. Демократичность современного этикета проявляется, в частности, в том, что его правила в наибольшей степени призваны утвердить такие *общие нравственные принципы*, как равенство, безусловное уважение достоинства личности, права человека.

В Древней Руси в начале XII-го века было широко известно такое произведение, как «Поучение к детям» князя Владимира Мономаха, где были изложены нормы, в соответствии с которыми надлежало поступать детям князей и дружинников. В том в этом памятнике древнерусской письменности

содержались и некоторые правила речевого этикета: беседу предписывалось вести следующим образом: «при старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать, без лукавого умысла беседуя, а побольше вдумываться, не неистовствовать словом, не осуждать речью, не много смеяться...».

Первым сводом правил поведения людей по отношению к светской власти, к церкви, семье, слугам был знаменитый «Домострой» [Домострой]. Его авторство связывают с именем попа Сильвестра, ближайшего сподвижника первого русского царя Ивана Васильевича IV – Ивана Грозного. Изложенные в «Домострое» правила охватывали главные стороны жизни горожан: домоводство, различные бытовые обряды, воспитание детей, ведение торговых дел, обхождение с гостями и т. д. «Домострой» появился в XVII-ом веке, однако в народе до сих пор бытует выражение «жить по домострою», поскольку предложенным в нём правилам «этикета» следовали все социальные слои русского общества.

Понятие «домостроевщина» вошло в лексикон русского народа как обозначение норм поведения людей, которые в семье или в отношениях со своими подчинёнными стремятся утвердить беспрекословную, неограниченную личную власть, не терпят никаких преград ей. «Домострой» утверждал именно такую власть «главы дома» над своими домочадцами и слугами, предписывая, в случае неповиновения, «сокрушать им ребра»: эта власть «главы дома» и семьи (своеобразного микромира общества) была отражением такой же неограниченной власти по восходящей линии – боярина, наместника, царя.

Жёсткие установления «Домостроя» официально бытовали на Руси до Петра I, который, поставив целью изменить мешавшие развитию страны условия, начал вводить (прежде всего в боярский и купеческий быт) различные западноевропейские обычаи, не останавливаясь не только перед «сокрушением рёбер» по старым «домостроевским правилам», но и перед «усекновением голов» неповинуящимся.

Петр I позаботился о том, чтобы правила нового этикета стали достоянием подрастающего поколения. В 1717-ом году по его специальному указу была издана книга под названием «Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Это были сведённые воедино выдержки из различных западноевропейских руководств по светскому этикету, переведённые на русский язык.

Исследователи высказывают мнение, что при составлении этой книги была проявлена определённая забота о сохранении тех норм сложившегося русского национального этикета, которые диктовались целесообразностью и специфическими условиями России и являлись национальной гордостью русского народа. Многие рекомендации «Юности честного зеркала» свидетельствуют о том, что их западноевропейские авторы чувствовали настоятельную необходимость научить свою аудиторию самым элементарным, по нашим понятиям, вещам.

Для наглядности стоит привести некоторые из рекомендаций этого источника: «в круг (т. е. вокруг себя) не плевать», «громко не сморкаться и не чихать», «перстом носа не чистить», «не жри как свинья и не дуй в ушное» (т. е. ешь бесшумно, не остужай супа, дуя на него), «не сопи, ягди яси» (т. е. во время еды) [Домострой 1992] и т. д. Наряду с такими разумными советами рекомендовалось не общаться со слугами, обращаться к ним повелительным тоном, «смирять» неугодливых, разговаривать между собой при них на иностранном языке, чтобы не быть понятыми ими.

Введённые Петром I изменения коснулись преимущественно придворных кругов и крупного столичного купечества, жизненный уклад и обычаи остальных слоёв населения видимых изменений в этот период не претерпели.

После Петра I, который придерживался по большей части обычаев, распространённых в германских землях, при дворе и в дворянстве постепенно, особенно со второй половины XVIII-го века, стало усиливаться влияние *французского этикета*. Увлечение дворянства и богатого купечества всем французским принимало нередко уродливые формы и было объектом едких

сатир и гневных статей многих русских писателей и публицистов. В высших кругах французский язык стал почти официальным – на нём, в частности, а не на родном русском языке велась деловая переписка русских послов и посланников со своим ведомством.

После Отечественной войны 1812-го года французское влияние в этикете, моде, жизненном обиходе высших кругов несколько ослабло, уступая место английскому. Соответственно при дворе, а затем и вообще в кругу дворянства, вошли в обычай некоторые элементы *английского этикета*. Однако большинство представителей народа продолжали руководствоваться своими, неписаными, но очень крепкими, живучими правилами поведения, которые веками складывались в быту и находили своё выражение в сказках, песнях и особенно в наиболее метких и точных выражениях народной мудрости – пословицах.

Эти правила незатейливы, но отличаются особенной глубиной и мудростью, как и основные нравственные правила многих других народов. Это – уважение к «отцу-батюшке», к «родной матушке», вообще к старшим по возрасту; бережное, любовное отношение к «красным девицам» и чувство уважения девиц к «добрым молодцам»; гостеприимство, честность, трудолюбие, скромность: именно эти чувства и качества – через песню, сказку, пословицу – вкладывались в душу русского человека, а не предписывались сверху административным путем.

Лучшие традиции русского национального этикета развивались в XIX-ом веке в среде так называемой разночинной интеллигенции, вышедшей из демократических слоёв населения. Вырабатывались принципы новых отношений между людьми, отвергались, высмеивались бессмысленные условности как дворянского этикета, так и мещанско-купеческой манерности, пропагандировались естественность и простота в общении людей между собой.

По мере изменений условий жизни человечества, повышения уровня образования и культуры одни правила поведения сменяются другими. То, что раньше считалось неприличным, нередко становится общепринятым, и

наоборот. Требования этикета не являются абсолютными: соблюдение их зависит от места, времени и обстоятельств. Показательно, например, что в XX-ом веке под влиянием феминистских аргументов в пользу равенства женщин и мужчин из современного этикета во многих национальных коллективах постепенно «вымываются» многие этикетные правила, которые должны были неукоснительно соблюдаться во времена «галантного» века.

Этикет, безусловно, имеет и практическое значение, которое состоит в том, что он даёт возможность людям без особых усилий использовать готовые формы общепринятой вежливости для общения с различными группами людей и на различных уровнях. При этом правильное, и прежде всего уместное соблюдение правил этикета является одним из составляющих успешности коммуникации. «Сама по себе речевая деятельность – это нейтральный процесс достижения иллокутивного эффекта при презентации и рецепции смысла. Однако обязательное участие в этом процессе адресата, адресанта, внепредметных целей и характеристик ситуации коммуникации, т. е. прагматические условия коммуникации, обуславливают способ совершения деятельности (речевое поведение) и, соответственно, её успешность / неуспешность в перлокутивном аспекте. Например, статус коммуникантов диктует требования к стилю речи (в лингвистическом понимании) или, наоборот, избранный стиль речи демонстрирует социальный статус, образовательный уровень, национальную или территориальную принадлежность коммуниканта со всеми вытекающими из соответствующего концепта последствиями» [Зернецкая 2014, с. 115].

Этикет определяет *формы*, условно говоря, *технические аспекты* общения: как спорить, не задевая чувства собеседника; как вести себя за столом; какие дарить подарки; как принимать гостей; как вести себя в общественных местах, на улице и т. д. В то же время одной из особенностей этикета является *сочетание* формальных правил поведения в заранее определённых ситуациях со здравым смыслом и рациональностью.

Правила этикета – в отличие от норм морали – обладают большей условностью, поскольку носят характер неписаного соглашения о том, что в поведении людей является общепринятым, а что нет. Каждый культурный человек должен не только знать и соблюдать основные нормы этикета, но и понимать необходимость определённых правил взаимоотношений.

Вопросы этикета закономерно в большей степени интересуют тех, кому по роду своей деятельности приходится часто общаться с людьми разных профессий, разных условий жизни и не только в своей стране, но и за рубежом.

Отсюда и возникает сложность рекомендаций, пригодных «на все случаи жизни»: очевидно, что такие рекомендации могут относиться лишь к наиболее общим формам ежедневного общения людей между собой как в рабочих условиях, так и вне их – в театре, в кино, на улице, в гостях и т. д.

Итак, правила этикета, будучи результатом опыта многих поколений и различных национально-культурных сообществ, в основе своей являются *международными*, поскольку соблюдаются более или менее одинаково во всех странах. В то же время этикет каждой страны может иметь свои, и довольно существенные особенности, что обусловлено *историческими, национальными, религиозными* и другими традициями и обычаями.

В настоящее время существует несколько классификаций этикета. Так, например, Г. Н. Смирнов различает:

1. *Придворный* этикет – строго установленный порядок и формы обхождения при дворах монархов. Применяется в настоящее время при дворах и в светском обществе стран с монархической формой правления.

2. *Воинский* этикет – свод общепринятых в данной армии правил, норм и манер поведения военнослужащих во всех сферах их жизни и деятельности в частях, на кораблях и в общественных местах.

3. *Дипломатический* этикет – правила поведения дипломатов и других официальных лиц в отношениях друг с другом и на различных официальных дипломатических мероприятиях (приёмы, визиты, презентации, переговоры, встречи делегаций и т. д.).

4. *Общегражданский* этикет – совокупность правил, традиций и условностей, соблюдаемых в общении между собой частными лицами данного общества [Смирнов 2001].

И. А. Стернин понятием *этикет* объединяет *этикет внешнего вида*, *речевой этикет* и *этикет поведения*, причём эти понятия оказываются не только взаимосвязанными, но и в определённой мере взаимозависимыми.

Так, *этикет внешнего вида* косвенно (а иногда и прямо, непосредственно) влияет и на *речевой этикет*: «Этикетная внешность человека создаёт о нём благоприятное впечатление, является его визитной карточкой. Наоборот, небрежная, неэтикетная внешность человека побуждает отказаться от общения с таким человеком, отталкивает людей даёт почву для обсуждения недостатков человека. С небрежно одетым человеком хочется говорить небрежно, порой – на “ты”, в то время как этикетно одетый человек побуждает собеседников к вежливому, культурному общению, к уважительному отношению» [Стернин 1996, с. 3–4].

Обратим внимание на используемые в приведённой цитате определения: *этикетная внешность*, *неэтикетная внешность*, *этикетно одетый* (человек), – которые, как представляется, очень точно вербально фиксирую особенности внешнего вида человека, могущие весьма существенно повлиять на характер осуществляемой им коммуникации.

Этикет поведения, в соответствии с трактовкой И. А. Стернина, – «это совокупность действий людей в обществе, признаваемых образцовыми для тех или иных ситуаций. Этикет поведения определяет поведение людей в общественных местах, этикет отношений мужчины и женщины, юноши и девушки, детей и родителей, поведение в гостях, за столом, на танцевальном вечере и др.» [Стернин 1996, с. 4].

Этикет поведения исследователь подразделяет на *этикет повседневного поведения* и *специальный этикет* (дипломатический, военный, международный, морской и др.), отмечая, что этикетом повседневного поведения должны владеть все члены общества, а специальным этикетом – «только те члены общества,

которые профессионально связаны с той или иной специальной областью деятельности» [Стернин 1996, с. 4].

Ещё один компонент общего этикета – *речевой этикет* – И.А.Стернин определяет как «совокупность правил поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих **вежливые отношения** между людьми» (выделено мною. – Б. Ш.) [Стернин 1996, с. 4], т. е. однозначно увязывает с категорией **вежливости**, о которой речь пойдёт в следующем подразделе диссертационной работы.

Сказанное выше подтверждает очевидность связи этикета с *морально-нравственным (морально-этическим)* аспектом существования человека: этикет является безусловным выразителем тех морально-этических принципов, которые признаются в том или ином общественном объединении как регламентирующие эту сферу.

1.2. Соотнесённость речевого этикета с этикой и вежливостью

Соблюдение этикета во многом отражает внутреннюю культуру человека, его нравственные и интеллектуальные качества. Умение правильно вести себя в обществе имеет очень большое значение: оно облегчает установление контактов, способствует достижению взаимопонимания, создает хорошие, устойчивые взаимоотношения.

Тактичный и воспитанный человек ведёт себя *в соответствии с нормами этикета* не только на официальных церемониях, но и дома. Подлинная **вежливость**, в основе которой лежит *доброжелательность*, обуславливается *тактом, чувством меры*, подсказывающим, что можно, а чего нельзя делать при тех или иных обстоятельствах. Такой человек никогда не нарушит общественный порядок, ни словом, ни поступком не обидит другого, не оскорбит его достоинства.

Л. Фёдорова достаточно оригинально размышляет по поводу взаимосвязи этикетных правил и вежливости: «Есть грустная шутка о том, что вежливость

люди придумали вместо доброты. На самом деле это не так. В основе вежливости, этикета лежат уважение к старшим, признание человеческого достоинства, наконец, доброжелательное отношение к окружающим. **Формулы вежливости помогают людям жить вместе»** (выделено мною. – Б. Ш.) [Фёдорова 1998-б, с. 681].

Сказанное абсолютно справедливо: отношения между людьми, в которых проявляются взаимная доброжелательность, вежливость, стремление не обидеть другого человека, создать благоприятный микроклимат для общения, облегчают жизнь, создают хороший фон для морального и физического благополучия.

К сожалению, встречаются люди с двойным стандартом поведения: один – на людях, другой – дома. На работе, со знакомыми и друзьями они вежливы, предупредительны, дома же с близкими не церемонятся, грубы и нетактичны. Это свидетельствует о невысокой культуре и плохом воспитании.

Формулы вежливости – это часть лексического состава языка, которая традиционно охраняется, в результате чего отличается консервативностью, одна на некоторые из этих формул мода может меняться; особенно таким изменениям, по наблюдениям исследователей, подвержены приветствия и прощания, используемые в молодёжной среде, либо некоторые выражения разговорного и/или просторечного характера.

Так, например, широко распространённое сейчас *пока!*, часто используемое как одна из этикетных формул прощания, поначалу просто шокировало известного писателя и переводчика Корнея Ивановича Чуковского, который всё же в конце концов принял его, аргументировав это следующим образом: «Ведь точно такая же форма прощания с друзьями есть и в других языках, и там она никого не шокирует. Великий поэт Уолт Уитмен незадолго до смерти простился с читателями трогательным стихотворением «So long!», что и значит по-английски «Пока!». Французское *bientôt* имеет то же самое значение. Грубости здесь нет никакой. Напротив, эта форма исполнена самой любезной учтивости, потому что здесь спрессовался такой (приблизительно!) смысл: будь благополучен и счастлив, пока мы не увидимся вновь» [Чуковский 2014].

Примечательно, что значимым может оказаться и *отсутствие формул вежливости* (это явление нередко определяют как *антиэтикет*): если человек забыл (или намеренно не захотел этого сделать) поздороваться, попрощаться, сказать «спасибо» и под., то о нём скажут, что он либо не вежлив, либо на что-то обиделся.

Таким образом, и для конфликтного общения предусмотрены свои этикетные, точнее – *антиэтикетные* формулы и своего рода «нормы». Использование этих формул в процессе общения, следование этим «нормам» характеризует говорящего не лучшим образом, принижает его, свидетельствует о низком уровне как речевой культуры, так и культуры общей.

Основное назначение антиэтикетного поведения сводится к тому, чтобы продемонстрировать пренебрежение к собеседнику, неприятие его, в некоторых случаях – даже унижить и т. д., что выражается как словесными, так и невербальными средствами. Словесные действия, выражающие антиэтикетное поведение, – это насмешки и оскорбления, обзывания обидными прозвищами, нередко – явно бранные речевые средства.

Матерная брань – наиболее оскорбительная форма ругани, которая для наших предков служила средством общения с нечистой силой – лешим, домовым либо чёртом. В прежние времена с помощью такого рода лексики изгоняли болезни (наши предки считали, что в заболевшего человека вселялись «демоны») или ограждали себя от нечистой силы. Однако в современный период уже никто не считает подобную лексику средством защиты от болезней или нечистой силы – она воспринимается лишь как сквернословие и наиболее неприемлемая форма антиэтикетного поведения.

Современный этикет регламентирует поведение людей в быту, на службе, в общественных местах и на улице, в гостях и на различного рода официальных мероприятиях – приёмах, церемониях, переговорах.

Несмотря на тесную связь *этики* – философской науки о нравственности и морали человека – и *этикета* – закреплённых правил поведения (хорошего тона) человека в обществе – эти понятия, безусловно, нельзя отождествлять.

В то же время и этикет в целом, и *речевой этикет* как его весомая часть обладают рядом качеств, которые обусловлены прежде всего *этическими* правилами нормами: хороший тон, вежливость, уважение к собеседнику, тактичность, которые составляют основу этикета, имеют этический характер, иначе говоря оцениваются позитивно обществом – как «нравственные», «моральные» и «хорошие».

В связи с такой корреляцией, по мнению И. А. Стернина, можно говорить о **«коммуникативной этике**, то есть об этике общения. Коммуникативная этика – правила общения, признаваемые общественным сознанием на данном этапе его развития как нравственные, «хорошие», достойные подражания, соответствующие моральному идеалу общества» (выделено мною. – Б. Ш.) [Стернин 1996, с. 5].

Коммуникативная этика, утверждает исследователь, так же, как и этика в принципе, базируется на ряде аксиом – правил, которые просто признаются всеми членами того или иного социума: так, например, нельзя доказать, почему нужно вести нравственный образ жизни; быть честным в отношениях с другими; нельзя воровать и т. д. «В таком случае можно говорить о возможности существования этикета общения; в противном случае объяснить существование правил общения и речевого этикета нельзя» [Стернин 1996, с. 5].

По мнению И. А. Стернина, основу коммуникативной этики составляют **три аксиомы**.

Аксиома законопослушания, которая сводится к положению о необходимости соблюдать общественные законы. В соответствии с ней все члены общества обязаны соблюдать действующие в нём законы – как юридические, так и моральные. Эта аксиома является характерной чертой цивилизованного общества, все члены которого ориентированы на следование ей в повседневном поведении и общении.

Аксиома ролевого поведения, которая предписывает необходимость следования в поведении и общении тем нормам, что сформулированы для поведения и общения членов общества в конкретных ситуациях. «Если человек

участвует в общении как равный с равным, он должен вести себя как равный – таковы ролевые ожидания собеседников, но он не должен при этом командовать (исполнять роль вышестоящего), поучать (выполнять роль старшего, более опытного и др.) – этого от него в данной ситуации не ждут, и неадекватное выполнение роли может привести к конфликту» [Стернин 1996, с. 5].

Обе означенные аксиомы принадлежат к *социальным*, поскольку в принципе определяют поведение людей в обществе.

Следующая аксиома относится непосредственно к организации процесса общения – это **аксиома коммуникативного равновесия**, гласящая, что при общении с каждым членом общества необходимо поддерживать *коммуникативное равновесие*. Суть её заключается в том, что коммуникант, инициирующий общение (*говорящий, адресант* и т. д.), с любым человеком, с которым он вступает в коммуникативное взаимодействие, должен установить контакт, причём установить его на основах взаимного уважения и взаимной вежливости (иначе говоря: необходимо установить и поддерживать вежливые отношения со всеми, с кем человек общается, общался либо намеревается общаться).

Коммуникативная этика в поведении человека формируется в процессе его жизнедеятельности (обучения, воспитания и т. д.) и соответственно – приобретения жизненного опыта. Её формирование является важной задачей любого общества, при этом необходимо принимать во внимание, что привитие членам общества коммуникативной этики не происходит автоматически, для этого следует прилагать целенаправленные усилия. Известный специалист по проблемам речевого этикета Н. И. Формановская в одной из своих работ приводит данные, полученные в ходе проведения одного из социологических опросов: на вопрос *какие качества вы хотели бы видеть в окружающих вас людях?* – 50 % респондентов ответили – *доброту и человечность*; 30 % – *честность, порядочность*; 22 % – *взаимопонимание, сочувствие*; 16 % – *терпимость*.

На вопрос: *каких качеств вам не хватает, какие качества вы хотели бы развить в себе?* – ответы были такими: 46 % хотят развить в себе уверенность и решительность; 30 % - целеустремлённость и силу воли [Формановская 1989, с. 149–150].

Н. И. Формановская, подытоживая приведённые результаты, заключает, что мы сами хотим быть более твёрдыми, жёсткими, целеустремлёнными, однако от других ждём терпимости, взаимопонимания и сочувствия; таким образом, от других мы требуем качеств, которых в себе развивать не считаем необходимым. «Здесь уместно вспомнить золотое правило: относись к людям так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе. Хочешь, чтобы с тобой были вежливы, были к тебе внимательны и терпимы в общении – демонстрируй эти качества сам» [Стернин 1996, с. 6].

Поскольку формирование коммуникативной этики является частью нравственного воспитания, очевидно, что, во-первых, эта задача решается в обществе коллективными усилиями; во-вторых – составляет одну из важнейших задач всех, кто причастен к процессам воспитания и образования, в особенности – молодого поколения: учителей, воспитателей, родителей.

Основные положения этикета отличаются **универсальностью**, т. е. являются правилами вежливости не только у себя дома, но и в международном общении. Но порой бывает, что и хорошо воспитанный человек попадает в затруднительное положение. Чаще всего это происходит, когда необходимо знание правил именно международного этикета. Общение с представителями разных стран требует знания не только иностранных языков, но и разных политических взглядов, религиозных воззрений и обрядов, национальных традиций и психологии, укладов жизни и культуры.

Правила вежливости каждого народа – это очень сложное **сочетание национальных традиций, обычаев и международного этикета**. И в какой бы стране человек ни находился, хозяева вправе ожидать от него внимания, интереса к своей стране, уважения к своим обычаям.

Ещё в позапрошлом (XIX-ом) веке Венский международный конгресс установил *протокол*: совокупность правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, государственными учреждениями и дипломатическими представительствами, а также официальными лицами в международном общении. Этот международный свод правил общепризнан во всех странах и соблюдается везде более или менее одинаково.

Нормы этикета и протокола основаны на правилах международной вежливости; однако каких-либо единых писанных или устных норм международного права, которые обязывали бы оказывать строго определённые почести иностранцам при их пребывании в той или иной стране, не существует.

Каждое государство следует своим правилам гостеприимства, руководствуясь существующей международной практикой, национальными традициями и обычаями. Принимаются во внимание и тенденции, которые наблюдаются в международной жизни: сделать нормы протокола и этикета более удобными и простыми, освободить их от излишней помпезности.

Правила международной вежливости не имеют обязательной силы, но, как свидетельствует международная практика, люди, непосредственно участвующие в международных контактах, стремятся их соблюдать.

1.3. Речевой этикет в собственно лингвистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах

Понятие «речевой этикет» (англ. *speech etiquette*) в современной лингвистической и в целом гуманитарной науке становится всё более актуальным – прежде всего в связи с явно повысившимся интересом общества к *проблемам коммуникации* (в частности – *вербальной коммуникации*), а также в результате осознания необходимости неодинакового поведения личности в различных коммуникативных ситуациях.

Речевой этикет как понятие комплексное, находящееся «на пересечении» целого ряда гуманитарных наук, позволяет осознать процесс вербального общения во взаимосвязи с различными факторами неязыкового свойства, которые, как правило, влияют на коммуникацию, а нередко трансформируют её весьма существенно.

В русистике термин *«речевой этикет»* впервые был введён в научный оборот В. Г. Костомаровым – в статье, опубликованной в журнале «Русский язык за рубежом» [Костомаров 1967].

Комплексный характер речевого этикета, подчёркивается практически во всех существующих на сегодня научных определениях данного понятия, часть из которых приводится далее.

«Речевой этикет – система устойчивых формул общения, предписываемых обществом как правила речевого поведения для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке. Речевое поведение регулируется отношениями социальной иерархии, ритуалом, этикетом речевых и неречевых взаимодействий» (выделено мною. – Б. Ш.) [Формановская 2003-в, с. 415].

«Речевой этикет – совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием» (выделено мною. – Б. Ш.) [Дускаева, Протопопова 2003, с. 357].

«Речевой этикет – система национально-специфических, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых обществом для установления контакта собеседников, для его поддержания и прерывания (в избранной тональности)» (выделено мною. – Б. Ш.). [Тумина 1998, с. 199].

«Речевой этикет – социально заданные и национально специфичные правила поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений (стереотипных высказываний), применяемых в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта с собеседником, в системе Ты-Вы-форм общения, в выборе социостилистической тональности общения при ориентации на адресата и ситуации общения в целом» [Формановская 2003-б, с. 575];

«Речевой этикет понимается как система языковых знаков и правил их употребления, принятых **в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта** между собеседниками **и поддержания общения в эмоционально положительной тональности** в соответствии с речевой ситуацией: *здравствуйте, здорово живёте, моё почтение, позвольте честь заявить ...*» (выделено мною. – Б. Ш) [Балакай 2001-а, с. 3].

Приведённые определения акцентируют внимание на нескольких конструктивных параметрах такого явления, как речевой этикет: во-первых, это явная связь речевого этикета с экстралингвистической реальностью, и прежде всего с культурой и этническими особенностями национального коллектива, в котором речевой этикет реализуется; во-вторых – неременная включённость речевого этикета в коммуникативное взаимодействие, реализация этикетных формул именно в процессе осуществления коммуникации; в-третьих – взаимосвязь речевых этикетных формул и стилистической тональности осуществляемого коммуникативного процесса (изменение одной из составляющих в подавляющем большинстве случаев предопределяет и трансформацию другой).

Особое внимание следует, на наш взгляд, уделить определению речевого этикета, помещённому в «Новом словаре методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, – в нём подчёркиваются именно те свойства рассматриваемого явления, которые имеют для нашего исследования принципиальное значение: «Речевой этикет. Социально заданные и национально-специфичные правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений, принятых в предписываемых

обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником. Такими ситуациями являются: обращение к собеседнику, привлечение его внимания, приветствие, знакомство, прощание, извинение, благодарность и т. п. каждая ситуация обслуживается в языке группой формул и выражений, которые образуют синонимические ряды (напр. «благодарность»: *Спасибо; Благодарю Вас; Очень Вам благодарен* и др.). **Речевой этикет позволяет установить нужный контакт с собеседником в определённой тональности и в соответствии с существующими нормами общения»** (выделено мною. – Б. Ш.) [Азимов, Щукин 2007, с. 258 – 259].

Как уже отмечалось, внимание исследователей-лингвистов к проблемам речевого этикета в последние десятилетия существенно возросло, в связи с чем значительно расширился диапазон аспектов изучения данного феномена (в частности, речевой этикет стал более активно и разносторонне изучаться с социолингвистических, этнолингвистических, лингвопрагматических позиций и с позиций других междисциплинарных направлений – например, теории межкультурной коммуникации). Это нашло отражение и в определениях речевого этикета, сформулированных в последнее время представителями разных лингвистических и «стыковых» наук. Например, известная украинская исследовательница, специалист по когнитивной лингвистике и коммуникативной лингвистике, автор популярной энциклопедии лингвистических терминов «Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія», определяет речевой этикет с явным акцентом на коммуникативно-лингвистическом аспекте этого явления: «Мовленнєвий етикет – соціально, культурно й етнічно зумовлені стереотипні правила мовної поведінки, що відображаються в певних мовних висловленнях і сполуках, паравербальних засобах, передбачених комунікативною стратегією ввічливості у прийнятих суспільством ситуаціях установки. Підтримки й завершення контакту комунікантів відповідно до їхніх соціальних і позиційних ролей і відношень в офіційній і неофіційній сферах спілкування. Дотримання мовленнєвого етикету завжди служить оптимізації спілкування, спрямоване на комунікативне

співробітництво за умови врахування соціальних, вікових, статевих, освітніх ознак комунікантів. Мовленнєвий етикет є об'єктом соціолінгвістики, етнолінгвістики, лінгвопрагматики, стилістики, комунікативної лінгвістики, етнографії мовлення, культури мовлення тощо» [Селіванова 2006, с. 356].

Основными аспектами рассмотрения речевого этикета на сегодня можно считать *собственно лингвистический, прагматический, социолингвистический, стилистический, нормативно-культурологический, лингвометодический (дидактический) и лингвокультурологический*; на характеристике ряда из них, имеющих принципиальное значение для проводимого исследования, мы и остановимся более подробно.

Собственно лингвистическая природа формул речевого этикета (выражений, используемых в процессе общения) определяется их лингвистической сущностью: с этой точки зрения, они представляют собой высказывания-действия (в терминологии теории речевых актов – перформативные высказывания), которые осуществляются в ходе непосредственного общения, «когда партнёры «я» и «ты» встречаются в ситуации «здесь» и «сейчас» [Формановская 1997, с. 416]. Эти показатели, по мнению Н. И. Формановской, отражаются «в семантической и/или грамматической структуре единиц разной оформленности: Поздравляю вас!; С праздником!; Разрешите поздравить вас с праздником!; Я хотел (а) бы поздравить вас! и др.» [Формановская 1997, с. 416].

В каждом из такого рода с помощью различных лингвистических средств высказываний отражается «Я» говорящего, «Ты» адресата, а также *реальная модальность* соответствия ситуации речевого акта, *момент речи* («сейчас»), *точка контакта* коммуникантов («здесь»). Таким образом, высказывания, содержащие *перформативный глагол-предикат* (Приветствую вас!) и не содержащие его (Здравствуйте!; Привет!; Моё почтение!) оказываются в отношениях функциональной эквивалентности.

Семантика единиц речевого этикета связана с выражением *коммуникативного намерения*, или *речевой интенции*: перформативное

высказывание оказывается, таким образом, инструментом, с помощью которого совершается определённый *речевой поступок (речевое действие)*: приветствие (*Здравствуйте!*); прощание (*До свидания!*); извинение (*Простите!*) и т. д.

Помимо этого, единицы речевого этикета передают социальные смыслы, условно говоря, оппозиционного свойства: «свой – чужой, близкий – далёкий, знакомый – незнакомый»; «равный – выше/нижестоящий». Н. И. Формановская приводит описанный в одном из произведений Ч. Айтматова пример вступления в контакт интеллигента с представителями преступной группы: «*Я чуть было не допустил оплошность – едва не обратился к нему на «вы», да ещё чуть не извинился за беспокойство. – Привет, Утюг, как дела? – сказал я ему насколько возможно бесцеремонней. – Дела как в Польше: у кого телега, тот и пан – бойко ответил он, точно мы с ним сто лет были знакомы*» (Айтматов)» [Формановская 1997, с. 416–417].

Современные исследователи чаще всего рассматривают речевой этикет в качестве *набора (парадигмы) наиболее типичных* для речевой коммуникации в данном социуме *этикетных позиций (ситуаций)* – стереотипов речевого общения, которые отчётливо разнятся по ряду параметров, в том числе и закреплённым за каждым из них *этикетным словарём*. Словарный фонд отдельных этикетных позиций обычно достаточно чётко структурирован, поскольку базируется на относительно устойчивой (типовой для данного участка социокультурного пространства) схеме протекания (развёртывания) той или иной коммуникативно-речевой ситуации, которая «обслуживается» определённым словесным этикетным комплексом (безусловно, в сочетании, нередко – в очень тесном взаимодействии, с этикетными средствами невербального плана – жестами, мимикой, кинесикой и т. д.).

В литературе, посвящённой проблемам русского речевого этикета, таких этикетных позиций выделяется не менее десяти – например, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» находим: «...называют более десяти важнейших *этикетных позиций (ситуаций)*, отчётливо различающихся и имеющих свой *этикетный словарь*, который характеризуется разнообразием

вариантов: *обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ* [Дускаева, Протопопова 2003, с. 355].

Прагматический аспект рассмотрения речевого этикета базируется в первую очередь на том, что любая этикетная (выраженная с помощью вербальных и невербальных средств) формула обладает *интенциональным смыслом*, т. е. отражает коммуникативное намерение (речевую интенцию) говорящего: *устанавливая и поддерживая речевой контакт, поприветствовать, извиниться, поблагодарить, поздравить, пожелать хорошего, посочувствовать, одобрить, вежливо попросить, посоветовать, пригласить* и т. п. Помимо этого, любой этикетное высказывание содержит и *эмоционально-оценочный смысл*, поскольку отражает характер личностных отношений коммуникантов (или их демонстрирует), оценку ситуации и партнёра, его качеств, действий и т. д.: *Как я рад Вас видеть!*; *Счастливы познакомиться!*; *Вы хорошо поступили* (одобрение); *Вам идёт этот цвет* (комплимент) и т. д.

Каждая ситуация вступления в контакт, поддержания и размыкания контакта обслуживается *коммуникативно-семантической группой* стереотипных высказываний. Так, в ситуации, например, благодарности можно обнаружить следующие единицы: *Спасибо (вам)*; *Я вам (так) благодарен (-на)*; *Я вам (так) признателен (-льна)*; *Я хочу поблагодарить Вас*; *Позвольте (разрешите) поблагодарить вас* и т. д. Выбор того или иного стереотипа диктуется ориентацией на *статус* и роли адресата в соответствии с собственными признаками говорящего и на важность того, за что благодарят (о чём просят, за что извиняются и т. п.).

Речевой этикет тесно связан с понятием *речевого акта*, так как, произнося высказывание речевого этикета, говорящий совершает речевое воздействие, т. е. конкретное действие с помощью языка/речи (речевой акт). «Это речевое действие возможно при встрече говорящего («я») с адресатом («ты») в точке

контакта («здесь») и в момент контакта («сейчас»). Прагматические координаты «я – ты – здесь – сейчас» организуют семантико-грамматические показатели высказывания-действия (перформативного высказывания): эксплицитное или имплицитное выражение говорящего адресата, момента речи, пространственной точки встречи собеседников» [Формановская 2003-а, с. 576 – 577]. Перформативное высказывание на основе соответствующего глагола имеет грамматические формы названных показателей: *Благодарю вас!* – 1 лицо, настоящее время, изъявительное наклонение, действительный залог, синтаксически выраженный адресат, «встреча» «я» и «ты» в пределах одного высказывания. В речевом этикете возможны и другие формы высказываний-действий. Так, наряду с *Приветствую* существует *Здравствуй* (-те), *Привет*, *Здорóво*, *Салют* и др., однако произнесение любого из них представляет собой совершение действия приветствия.

Таким образом, речевой этикет позволяет устанавливать нужный контакт с собеседником в определённой тональности, в различной обстановке общения, отражает разный характер взаимоотношений общающихся и т. п. Выбор той или иной единицы синонимического ряда предопределён экстралингвистическими обстоятельствами.

При рассмотрении речевого этикета в современный период одним из наиболее важных оказывается **социолингвистический** аспект: единицы речевого этикета отражают как *постоянные социальные признаки* участников общения: *их возраст, степень образованности, воспитанности, место рождения, воспитания и жительства, пол* и т. д., так и выполняемые коммуникантами *переменные социальные роли* (приятель, подруга, пациент, клиент, милиционер и др.).

Известный психолог Э. Бёрн определил речевой этикет как зону «социальных поглаживаний», как, вне всякого сомнения, один из важных компонентов национально-культурного общения.

Учёт социальных признаков участников общения с точки зрения *возраста, степени образованности и воспитанности, иногда места*

жительства (город – деревня), *пола* (для русского языка – редко), а также их постоянных и переменных социальных ролей чрезвычайно актуален для социолингвистического аспекта осмысления речевого этикета.

Социальные признаки, присущие той или иной этикетной формуле, нередко «накладываются» друг на друга – например, в русском языке выражение *Приношу свои глубокие извинения* свойственно старшей группе носителей языка, интеллигентам, причём преимущественно в официальной обстановке общения. Приветствия же типа *Приветик; Чао; Салют* в русском языке употребляет в основном молодёжь (в данном случае этикетная языковая формула является одним из сигналов установления фамильярной тональности общения).

Этикетные формулы, используемые при социальных контактах для поддержания общения в нужной тональности, по своему характеру являются *разноуровневыми* языковыми единицами. Это могут быть *полнозначительные словоформы; слова неполнозначительных частей речи* (частицы, междометия); *словосочетания* и целые *фразы*, принятые в определенных ситуациях в разных социальных группах.

Социальный символизм этикетных формул подчёркивал известный французский стилист Шарль Балли, который писал: «Дело обстоит так, как будто речевые явления впитывают в себя запах, присущий той среде и тем обстоятельствам, в которых они обычно употребляются... Таким образом, им удастся символизировать, вызывать в сознании представление об этой группе [людей – Б. Ш.] с её образом жизни или формами деятельности» [цитируется по: Дускаева, Протопопова 2003, с. 354].

Лингвометодический (лингводидактический) аспект изучения речевого этикета актуализировался во второй половине прошлого столетия – в первую очередь с активизацией изучения иностранных языков, в том числе и изучения русского языка как иностранного. На то, что усвоение речевого этикета, отражающего культурное своеобразие нации, чрезвычайно важно для овладения любым иностранным языком (неродным для носителя языка) впервые указал

В. Г. Костомаров в одной из первых статей, посвящённых речевому этикету [Костомаров 1967]. Впоследствии же данное положение стало одним из основополагающих как при изучении иностранных языков, так и при изучении русского языка в качестве иностранного. Методический и лингводидактический аспекты изучения речевого этикета предполагают при выборе единицы обучения учёт целого «блока общения», состоящего из реплики-стимула, реплики-реакции, типизированных стереотипных фраз включения реплик в контекст дальнейшего общения, а также используемых в речевом этикете жестов и мимики.

В аспекте активно развивающейся сейчас *психолингвистики*, с учётом которой вырабатываются многие методические принципы, при рассмотрении речевого этикета важно вскрыть механизм выбора той или иной речевых этикетной единицы: в частности, определить долю сознательности в таком выборе, характер построения используемого в коммуникативном процессе диалогического единства и т. д. При психолингвистическом изучении речевого этикета прежде всего учитывается соотношение *адресант* (говорящий) – *адресат* (слушающий), а также выявляются способы типизированного включения формул речевого этикета в контекст дальнейшего общения коммуникантов; этот аспект, как следует из изложенного выше, достаточно тесно взаимодействует с прагматическим (лингвопрагматическим) аспектом изучения речевого этикета.

В последние годы, в связи с актуализацией лингвометодических исследований, начато изучение *употребления речевого этикета в разных сферах общения*, например, в деловой сфере [см., например, работы: Смелкова 1997; Колтунова 2000].

Нормативно-культурологический аспект изучения речевого этикета формируется на пересечении нескольких научных областей (шире – гуманитарных сфер человеческой жизнедеятельности) и находит своё выражение прежде всего в разработке исследователями особого вида нормы – этико-речевой, которая представляет собой «совокупность правил речевого

общения (поведения), которые обеспечивают гармонизацию интересов общающихся на основе общепринятых нравственных ценностей. «Речевая этика – это правила должного речевого поведения, основанные на нормах морали, национально-культурных традициях» (КРР 1998: 90). ... норма этико-речевая предполагает такое **речевое общение**, которое **опирается на основные этические понятия**, такие как «добро», «долг», «совесть», «ответственность» (выделено мною. – Б. Ш). [Сковородников 2003, с. 366]. Приведённое определение чётко фиксирует взаимосвязь вводимой понятийной категории «этико-речевая норма», во-первых, с *морально-этическими представлениями*, сформировавшимися в обществе, во-вторых – с *национальными особенностями* (традициями, обычаями и т. д.) того или иного национального коллектива, точнее – конкретного лингвокультурного сообщества. Речевой этикет занимает в сфере речевой этики ведущее место, поскольку его правила основаны на принципе вежливости – прежде всего уважительного отношения к собеседнику. «Уважительное отношение к собеседнику можно считать этикетным правилом № 1. Именно оно регулирует наши отношения и коренится в началах морали и этики, которые повелевают уважать каждого человека» [Хорошая речь 2001, с. 207].

Этико-речевая норма тесно связана с понятием риторического идеала, или речевого идеала, «представления о котором извлекаются из национальной философии, национальных речевых традиций, а также из универсальных постулатов речевого общения и правил речевого этикета» [Сковородников 2003, с. 366].

В русской речевой традиции этико-эстетический компонент речевой культуры «подразумевает особую роль категорий гармонии, кротости, смирения, миролюбия, негневливости, уравновешенности, радости, а реализуется в диалогическом гармонизирующем воздействии, риторических принципах немногословия, спокойствия, правдивости, искренности, благожелательности, ритмической мерности, отказе от крика, клеветы, сплетни, осуждения ближнего» [Михальская 1996, с. 400].

Собственно, в большинстве национальных культур и, соответственно, лингвокультур правила общения (т. е. этико-речевая норма, о которой в данном случае идёт речь) строятся на подобных нравственно-этических основаниях (опираясь на основные этические понятия – такие, как «добро», «долг» «совесть», «ответственность»): «Особое внимание следует обратить на золотое правило этики общения: “Относитесь к другим так, как вы хотели бы, чтобы относились к вам”. В отрицательной формулировке Конфуция оно гласит: “Чего не пожелаешь себе, того не делай другим”» [Психология и этика делового общения 1997, с. 211].

Лингвокультурологический аспект изучения речевого этикета был существенно актуализирован в конце прошлого столетия прежде всего повысившимся интересом к изучению иностранных языков с непременным учётом лингвострановедческого аспекта, предполагающего знакомство с культурными особенностями страны (стран) изучаемого языка, в число которых, бесспорно, входит и национальный речевой этикет. Изучение в этом аспекте *русского* речевого этикета более подробно будет рассмотрено в отдельном – следующем – подразделе нашей работы.

В результате комплексного рассмотрения речевого этикета отечественными и зарубежными исследователями были созданы и получили научное обоснование классификации имеющихся и уже вышедших из употребления речевых формул в различных лингвокультурах, в том числе и в сопоставительном аспекте.

«Выявлены разноуровневые языковые средства, используемые в общении в качестве этикетных формул, определена семантика указанных единиц, их социальные смыслы (Формановская). Классификация этих формул по ситуациям получила научное обоснование. Так, выявлена их социально-стилистическая маркированность, определена национальная специфика русского речевого этикета в сопоставлении с некоторыми другими языками (в частности с венгерским и чешским языками ...). Изучен этикетный диалог и его жанры: извинение, благодарность, похвала (Арутюнова, 1970; 1998). В последние годы

наблюдается активизация исследований речевого этикета в генологическом аспекте (Тарасенко, 2000)» [Дускаева, Протопопова 2003, с. 357].

Начало разработки *генологического (жанрологического)* аспекта изучения речевого этикета позволило начать формирование *системы* наиболее типичных для каждой отдельной лингвокультуры *речезыкетных жанров*. Т. В. Шмелёва определяет *этикетные речевые жанры* как «тип речевых жанров, коммуникативная цель которых – осуществить самим фактом их исполнения определённое социальное действия, предусмотренное этикетом данного языкового коллектива» [Шмелёва 2003, с. 786]. Исследовательница акцентирует внимание на том, что стимулом для детального рассмотрения этикетных речевых жанров стало появление ряда дисциплин коммуникативного цикла, в частности – прагматики, а также на недостаточной изученности этого аспекта речевого этикета: « [этикетные речевые жанры – Б. Ш.] Стали объектом активного изучения с появлением прагматики, в частности понятия перформатива как особого вида речевых актов; описываются в работах по речевому этикету. ... Соотношение первичных речевых жанров и их аналогов во всех сферах общения изучено недостаточно» [Шмелёва 2003, с. 786 – 787].

Система этикетных речевых жанров в русской лингвокультуре в принципе совпадает с уже достаточно устоявшимся перечнем в коммуникативно-речевой практике русского языка *этикетных позиций* либо и *ситуаций*, в число важнейших из которых, вполне отчётливо различающихся, имеющих свой этикетный словарь и характеризующихся разнообразием вариантов, входят: *обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ* [Дускаева, Протопопова 2003] – ср.: «Современный русский этикет предполагает такие этикетные речевые жанры, как *приветствие, благодарность, извинение поздравление, соболезнование...* Названные этикетные речевые жанры могут быть произнесены любым членом социума, для осуществления других необходимо

наличие особых полномочий у автора: *Объявляю вас мужем и женой; Объявляется война; Отрекаюсь от престола*» [Шмелёва 2003, с. 786].

Изучение этикетных речевых жанров в генологическом аспекте предполагает рассмотрение лингвистической оформленности каждого из них с учётом всех имеющихся вариантов такого оформления (в частности, глагольных и безглагольных способов выражения определённого содержания, вкладываемого в тот или иной этикетный речевой жанр); выявление способов выражения имплицитных смыслов и т. д.

1.4. Речевой этикет как часть национальной культуры

В связи с задачами нашего исследования необходимо максимально подробно остановиться на характеристике ещё одного аспекта изучения речевого этикета, который довольно активно (хотя всё ещё недостаточно) разрабатывается в последние годы и исследователями-теоретиками, и теми специалистами, которых интересует в первую очередь практическое применение языка: *лингвокультурологическом* аспекте.

Различные особенности культуры той или иной нации безусловно отражаются и в языке. Причём эти отличия можно фиксировать на разных уровнях языка, а не только на уровне *лексико-семантическом* – бесспорно, наиболее показательном в лингвокультурном отношении (безэквивалентная лексика, специфическая для каждого языка фразеология и т. д.).

При этом если традиционный способ осмысления проблемы взаимодействия языка и культуры заключается, как правило, в попытке решить лингвистические «задачи», используя некоторые представления о культуре, то лингвокультурология обращает внимание прежде всего на способы, с помощью которых язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Результатом внимания учёных к взаимодействию языка и культуры стало возникновение новой науки – лингвокультурологии, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX-

го века; ср. в связи с этим высказывание известного лингвокультуролога В. А. Масловой: «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в неё, развивается в ней и выражает её» [Маслова 2001, с. 9].

Таким образом, лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом *и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии*.

Собственно термин «лингвокультурология» появился в последние десятилетия XX-го столетия в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В. Н. Телия, работами Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьёва, В. А. Масловой и других исследователей.

Взаимодействие языка и культуры – влияние культуры на язык и языка на культуру – проявляется в самых различных формах, в том числе и в специфичности в разных культурах самого *процесса общения*, что, в частности, находит отражение в особенностях *национально-речевого поведения*, которые эту культуру олицетворяют.

Приведём одно из определений лингвокультурологии, принадлежащее украинской исследовательнице Е. А. Селивановой: «Лінгвокультурологія – маргінальна галузь мовознавства, яка вивчає фіксацію в мові, етнотекстах і дискурсивній практиці духовної і матеріальної культури народу, тобто культурно значимої інформації – збережених у колективній пам'яті народу символічних способах матеріального й духовного усвідомлення світу певним етносом, відтворених у його ідеях, схемах мислення й поведінки, системі етичних й естетичних цінностей, нормах, звичаях, обрядах, міфах, віруваннях, забобонах, побуті тощо» [Селіванова 2010, с. 355].

В каждой национальной культуре поведение людей регулируется сложившимися в условиях данного общества представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях: как ведёт себя личность, будучи пассажиром, врачом, пациентом, гостем, хозяином, продавцом, покупателем и т. д. В социальной психологии такие модели, или шаблоны, человеческого поведения, связанные с определёнными моментами деятельности людей, получили название *социальных ролей* личности.

При этом каждой социальной роли в большинстве случаев соответствует определённый тип речевого поведения, свой набор используемых в данной ситуации языковых средств. В то же время речевое поведение человека в той или иной роли в значительной степени определено традициями общества. Так, к примеру, у разных народов общение в «одноимённых» ситуациях (например, разговор отца с сыном, мужа с женой, хозяина и гостя, учителя и ученика, начальника и подчинённого и т. п.) протекает в разной стилистической тональности.

В одних культурах разговор детей и родителей характеризуется сильным стилистическим контрастом (специальные формы почтения, показатели покорности, обращение к родителям типа «на вы» и т. п.); у других народов это общение в большей мере «на равных».

Можно привести множество примеров проявления национальной специфики коммуникативно-речевого поведения в разных ситуациях общения. Каждый из представителей другой национальности обычно замечает эти особенности, оказавшись в иной стране. Например, русская писательница Лариса Васильева в произведении «Неприснившийся Китай» так описывает свои впечатления об общении с жителями Китая: «Одно наблюдение. Показывая, даже рассказывая о себе, китайцы умудряются говорить более всего с вами о вас, нежели о самих себе, как бы отступая в тень, тушуясь весьма деликатно. Но пусть вас это поведение не обманет. Китаец при этом очень внимательно смотрит, насколько и вы деликатны, умея всё же настоять на своём интересе к нему».

Н. И. Формановская – исследовательница, которая, по общему мнению, является одним из наиболее авторитетных крупнейших специалистов по теории речевого этикета, справедливо утверждает, что в речевом этикете «ярко проявляется национальная специфика речевого поведения» [Формановская 2003-б, с. 577], и отмечает наиболее показательные лингвистические формулы и выражения русского речевого этикета, которые подтверждают это положение:

- *фразеологические, пословично-поговорочные стереотипы* (например, для русских это пожелание *Ни пуха, ни пера*; приветствие после долгой разлуки *Сколько зим, сколько лет*; своеобразное «пожелание-поздравление» после бани *С лёгким паром!*);

- *специфичные номинации адресата – обращения* (имена, отчества, суффиксальные имена) – в русском языке это такие номинации, как *Танюша, Нина Ивановна, Кузьмич* и под.

Особого внимания в русле лингвокультурологического осмысления речевого этикета заслуживает изучение речэтикетных формул, функционирующих в *диалектах* и *фольклоре* разных народов – коммуникативных сферах, которые в каждой национальной культуре отличаются специфичностью и, помимо этого, тесно связаны с историей нации.

Как известно, для речевого этикета, помимо словесных маркеров и собственно речэтикетных формул, характерны также особые показатели *невербального* (несловесного) общения: *жестово-мимические* и *интонационные* сигналы – как правило, это так называемые замещающие и сопровождающие жесты.

Например, **приветствие** может реализоваться только улыбкой, кивком, приподниманием головного убора, рукопожатием. Эти же жесты могут сопровождать и словесное приветствие. Ситуации, требующие жестово-мимического сопровождения, количество и качество невербальных сигналов, как и весь речевой этикет, *национально специфичны*.

Национальное своеобразие речевого поведения, проявляющееся в первую очередь в особенностях национального речевого этикета, может затрагивать не

только *стилистику* (что представляется при его изучении наиболее очевидным), но и некоторые более глубокие области языка – например, его *грамматику* и *высокочастотную лексику*.

Национально-культурная специфика речевого поведения сказывается и в том, что стилистические средства, имеющие «одноимённую» стилистическую маркированность (отмеченность), в разных культурах могут быть связаны с нетождественными коммуникативными ситуациями, с различными стереотипами поведения.

С позиций лингвокультурологии, **«речевой этикет – это социально заданные и культурно-специфические правила речевого поведения людей в ситуациях общения в соответствии с их социальными и психологическими ролями, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановках общения»** (выделено мною. – Б. Ш.) [Маслова 2001, с. 47].

Поскольку «лингвокультурология исследует и живые коммуникативные процессы – связь используемых в них языковых выражений с культурой и менталитетом народа, т. е. его массовым сознанием, традициями, обычаями и т. д.» [Маслова 2001, с. 47], поэтому область речевого этикета оказывается для этой научной области важным исследовательским полем.

Уже проведённые исследования речевого этикета специалистами в этой сфере разных позволяют утверждать, что речевой этикет, безусловно, обладает рядом универсальных черт, общих для разных народов. К таким особенностям можно прежде всего отнести собственно принципы этикетного общения, на которых основывается конкретный национальный речевой этикет: вежливость, позитивное отношение к собеседнику, сдержанность, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения.

Однако само конкретное воплощение перечисленных и других принципов в каждом лингвокультурном сообществе имеет свою специфику, своё конкретное речевое как поведенческое, так и речевое выражение. Нередко в разных национальных культурах различаются сами стандартные

коммуникативные ситуации, точнее говоря – их перечень, набор. Наряду с этим при совпадении стандартных коммуникативных ситуаций возможно их различное этикетное наполнение: например, у некоторых народов ситуации приветствия и знакомства оказываются очень ритуализованными; иногда формы приветствия и знакомства дифференцированы в зависимости от категории адресата, у других же наблюдается преобладание в общении стандартных приветствий или представлений и т. д.

В русском языке сегодня (как и уже в течение нескольких веков) разграничиваются *ты* и *Вы*-общение; в современном же английском языке существует только *Вы*-общение: *ты* вышло из употребления в английском языке и, соответственно, в английском речевом этикете ещё в XVI-ом веке; по этому поводу англичане шутят, что теперь в Англии хозяин даже к своей собаке обращается на *Вы*.

Вместе с тем многие языки Юго-Восточной Азии, среди которых вьетнамский, малайский, японский, имеют в своём составе десятки местоимений, которые дифференцированно обозначают говорящего и слушающего в (зависимости от возраста, пола, служебного положения и других статусных признаков)

Несмотря на то, что этикетные отношения – это универсалия, их проявления *национально-специфичны*, поэтому вполне логично, что они должны изучаться лингвокультурологией, более того: результаты таких – *лингвокультурологических* – исследований будут чрезвычайно полезны для решения многих вопросов как коммуникативно-речевого, так и коммуникативно-культурного свойства: «Казалось бы, этикетное поведение стандартно и стереотипно, представляет собой замкнутую систему, но нарушение этого поведения может привести к непредсказуемым последствиям для человека и человечества, ибо, по словам Н. И. Формановской, коммуникативная истинность выше по ценности для культурной общности людей, чем искренность (истина)» [Маслова 2001, с. 47].

Выводы к разделу I

Этикет представляет собой ёмкую и важную часть общечеловеческой культуры, выработанную в течение длительного времени представителями множества (практически всех) национальностей. Он объединяет в себе точки зрения этих наций и народностей на большинство морально-нравственных категорий понятий – таких, как добро и зло, справедливость, красота и др. – и их представления об особенностях общественного сосуществования (порядке, благоустройстве и т. д.).

Этикет безусловно является историческим феноменом, поскольку появление составляющих его правил восходят к глубокой древности; в качестве некой системы этикетные правила стали восприниматься уже в новоевропейское время, по окончании эпохи Средневековья, когда этикет приобретает явные черты социокультурного явления.

Итак, правила этикета, будучи результатом опыта многих поколений и различных национально-культурных сообществ, в основе своей являются международными, поскольку соблюдаются более или менее одинаково во всех странах. В то же время этикет каждой страны может иметь свои, и довольно существенные особенности, что обусловлено историческими, национальными, религиозными и другими традициями и обычаями.

Существенным компонентом общего этикета является речевой этикет, под которым разумеют совокупность правил поведения людей в процессе осуществления ими речевой коммуникации; эти правила во многом базируются на сложившимися между участниками коммуникации взаимоотношениях, при этом они ориентированы на выражение и поддержание вежливых отношений между людьми.

Речевой этикет представляет собой комплексное явление, для осмысления которого привлекаются, помимо лингвистики, данные других наук (в первую очередь – гуманитарных), позволяющие детально рассмотреть процесс вербального общения во взаимосвязи с различными факторами неязыкового

свойства, в различной степени влияющими на коммуникацию. В русистике термин «речевой этикет» впервые был введен в научный оборот В. Г. Костомаровым.

Комплексный характер речевого этикета, подчёркивается практически во всех существующих на сегодня научных определениях данного понятия, хотя в каждом из этих определений акцент может ставиться на различных аспектах данного феномена: социолингвистическом, национально-культурном, дидактическом и т. д. При этом все существующие дефиниции речевого этикета в качестве конструктивных параметров этого явления отмечают:

явную связь речевого этикета с экстралингвистической реальностью, и прежде всего с культурно-национальными особенностями коллектива, в котором речевой этикет реализуется;

обязательную включённость речевого этикета в коммуникативное взаимодействие, т. е. реализацию существующих этикетных формул именно *в процессе* осуществления коммуникации;

взаимосвязь используемых речевых этикетных формул с характером (его психологическим контекстом, стилистической тональностью и под.) осуществляемого общения, кода изменение одной из составляющих в большинстве случаев предопределяет и трансформацию других.

В настоящее время речевой этикет изучается с позиций различных лингвистических и других гуманитарных научных дисциплин; среди аспектов изучения речевого этикета выделяются следующие: *лингвистический*, или *собственно лингвистический*; *социолингвистический*; *лингвопрагматический*; *нормативно-культурологический*, или *культуро-речеведческий*; *лингвометодический*, или *лингводидактический*; *лингвокультурологический*; в последнее время к перечисленным аспектам добавился ещё один *генологический*, или *жанрологический*. Разработка последнего аспекта исследования речевого этикета позволила начать формирование систем речевых этикетных жанров, наиболее типичных для каждой отдельной лингвокультуры.

Речевой этикет, функционирующий в том или ином национальном коллективе, представляет собой важную часть национальной лингвокультуры и национальной культуры в целом. В каждом национально-культурном сообществе поведение людей в коммуникативно-речевых ситуациях регулируется соответствующими правилами, сложившимися в условиях именно данного общества и базирующимися на представлениях о том, что и как человеку полагается делать в типичных социокультурных ситуациях (как ведёт себя человек, будучи врачом и пациентом, гостем и хозяином и т. д.

И хотя поведение представителей разных культур в аналогичных ситуациях безусловно имеет некоторые общие черты, нередко речевое поведение личности в той или иной социально-коммуникативной роли в значительной степени определено традициями общества. Так, у разных народов общение в аналогичных ситуациях – например, общение детей и родителей, начальников и подчинённых, студентов и преподавателей и т. п. часто протекает в различной стилистической тональности, иногда кардинально противоположной по своим параметрам, с использованием этикетных формул, явно не совпадающих по многим признакам.

Изучение речевого этикета с позиций лингвокультурологии, а также этнолингвистики и этнопсихолингвистики и ряда других междисциплинарных направлений приобрело особую актуальность на современном этапе развития общества – прежде всего в связи со значительной активизацией межкультурного взаимодействия в самых разных областях человеческой деятельности.

РАЗДЕЛ II. ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

2.1. Обращение как этикетная формула

В. М. Алпатов, автор словарной статьи «Речевой этикет» в «Энциклопедическом словаре юного лингвиста» (М., 2006), подчёркивает существенную роль способа обозначения собеседника в процессе общения: «Важную роль в этикете играют способы обозначения собеседника. Часто при этом разным правилам подчиняется обозначение собеседника в качестве члена предложения и в позиции обращения. Например, русское местоимение Вы уважительно к собеседнику при употреблении в качестве члена предложения, но в функции обращения оно очень неуважительно: Вы, подойдите сюда!» [Алпатов 2006, с. 369]. В русской лингвокультуре наиболее распространённым способом обозначения собеседника, функционирующим в коммуникативном пространстве на протяжении многих веков, является, безусловно, такой семантико-грамматический феномен, как *вокатив*, либо *обращение*.

Обращение действительно играет чрезвычайно важную роль как в процессе общения в принципе, так и в осуществлении правил речевого этикета в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций, задавая определённый тон разворачивающемуся коммуникативному взаимодействию, эксплицируя отношение его участников друг к другу (в первую очередь – инициатора общения к собеседнику) и т. д., в том числе и в значительной степени предопределяя и его успешность или неуспешность. Е. М. Лазуткина по этому поводу замечает: «Приветствие и **обращение задают тон всему разговору. ...Обращение выполняет контактоустанавливающую функцию, является средством интимизации**, поэтому на протяжении всей речевой ситуации обращение следует произносить неоднократно; это свидетельствует и о добрых чувствах к собеседнику, и о внимании к его словам» (выделено мною. – Б. III.) [Лазуткина 2000, с. 55].

Термин «обращение» вошёл в терминологический лингвистический фонд русского языкознания достаточно давно – лингвистическую характеристику этого понятия находим уже у М. В. Ломоносова, в главе шестой («О фигурах предложения») его работы «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки к риторике на пользу любителей красноречия» (1747-й год): **«Обращение есть когда слово к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее слово требует. Сея великолепная, сильная и слово оживляющая фигуры довольно есть примеров у великих ораторов и стихотворцев»**¹ (выделено мною. – Б. Ш.) [Ломоносов 1952, с. 266].

В качестве иллюстраций к приведённому определению обращения М. В. Ломоносов приводит два фрагмента из произведений Цицерона и один фрагмент – из произведения Вергилия, т. е. опирается исключительно на тексты классической (древнеримской) литературы. Это, в частности, два примера «из Цицеронова слова за Милона», один из которых приведён далее: *«Вас, вас, призываю, прехрабрые мужи, много крови за республику пролившие, вас, в бедствии непобедимого мужа и гражданина, вас, сотники и рядовые! Или уже не токмо при вашем присутствии, но и при защищении сего суда оружием вашим сия толь велика добродетель из града изгонится, искоренится, извержется?»*, – а также фрагмент «из четвертой Виргилиевой книги о земледельстве» (обращение к Орфеевой жене Евридике):

*Печальную любовь на лире услаждая,
Тебя сладчайший муж, тебя един на бреге,
Тебя в начале дня, тебя пел в поздний вечер»* [Ломоносов 1952, с. 266 – 267].

¹ В приведённой цитате сохранена оригинальная орфография, свойственная русскому языку в середине XVIII-го века.

Чрезвычайно образно учёный характеризует функции, которые может выполнять обращение, формируя при этом и определённую типологию обращений (видимо, одну из первых или же первую в русском языкознании): «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелевать, сказывать, толковать, поздравлять и проч., к кому слово от предложенной материи обращается, например: *обращение сожалательное* из защитительного Филотова слова в Курции, кн. 6:

Итак, любезнейший мой родитель, и для меня умрешь и купно со мною. Я у тебя жизнь отнимаю, я погашаю твою старость. На что ты родил меня противу богов воли? ...» (выделено мною. – Б. Ш.) [Ломоносов 1952, с. 267]².

Помимо *сожалательного обращения*, М. В. Ломоносов выделяет также: *обращение с удивлением; обращение с засвидетельствованием; повелительное обращение; сожалательное и просительное обращение*, – «привязывая» таким образом функции различных видов обращений к конкретным коммуникативно-речевым ситуациям, в которых они используются, и тем самым подтверждая явную ориентацию этих этикетных знаков на выражение как интенций говорящего, так и на «вкладывание» им в используемые обращения собственного отношения к адресату.

В отечественном языкознании достаточно долго в рамках структурно-семантической парадигмы лингвистического знания – господствовал взгляд на обращение как преимущественно грамматическую категорию. Так, например, в первом издании энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ф. П. Филина (1979 год) акцент на грамматических свойствах данного понятия при его характеристике в соответствующей словарной статье очевиден: «Обращение – грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо

² В приведённой цитате сохранена оригинальная орфография, свойственная русскому языку в середине XVIII-го века.

или предмет, которому адресована речь. Обращение выражается именительным падежом существительного, местоимения-существительного или их синтаксических заместителей (прилагательного, причастия) в сочетании с особой звательной (вокативной) интонацией: «*Что ты, голубчик, задумчив сидишь?*» (Фет); «*Память, не ершишь!*» (Пастернак); «*Эх, кудрявые, на вёсла налегай!*» (Каменский)» [Кручинина 1979, с. 170].

Впрочем, в данном определении обращения отчасти затронуты отчасти и *стилистические аспекты* характеризуемой языковой категории, кратко отмечены особенности обращений, функционирующих в разговорном стиле: «В разговорной речи форма именительного падежа нередко выступает в усечённом виде (*мам, пап, Тань, Саи*): *Коль, пошли в кино!* «*Микит!.. Не докличешься!*» (Л. Толстой). Обращение может быть акцентировано при помощи повтора, организованного частицей *а*: *Мам, а мам! Тань, а Тань! Коль, а Коль!* «*Микит, а Микита! Оглох!*» (Л. Толстой)» [Там же].

Традиционно лингвистический термина «обращение» в течение достаточно долгого времени употреблялся в языкознании для обозначения *слова или сочетания слов, называющего лицо (предмет), которому адресуется речь*; синоним для термина обращение в этом значении является термин *вокатив* – ср.: «Вокатив (от лат. *vocativus* – звательный падеж). ... 2. То же, что обращение» [Розенталь, Теленкова 2001, с. 66].

Данное значение для рассматриваемого термина и на сегодняшний день сохраняется в ряде лексикографических источников как ведущее – ср.: «Обращение – грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения. Основная функция обращения – называние того, к кому направлена речь. Это может быть название лица, живого существа, неодушевлённого предмета или явления. Чаще всего обращение выражается существительным, однако в роли обращения может выступать прилагательное, местоимение-существительное, реже причастие. Обращение может входить в предложение любой структуры и занимать место в начале, конце или середине предложения: «*О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?* (Некрасов);

«Отчего это, няня, тут темно, а там светло?» – «*Оттого, батюшка, что солнце идёт навстречу месяцу, не видит его, так и хмурится*» (Гончаров); «*Голубчик! Оно самое и есть! Родненький!*» (Чехов)» [Вялкина 2003, с. 276]. Далее в словарной статье, помещённой в одном из авторитетных справочных лингвистических источников («Русский язык. Энциклопедия» под редакцией Ю. Н. Караулова; 2003), посвящённой обращению, детально рассматриваются способы морфологического выражения этой синтаксической категории (обращения), её возможные эмоционально-экспрессивные оттенки и т. д.

Примечательно, что в означенном источнике функции обращения охарактеризованы в том числе и с проекцией на приобретаемые им в конкретном тексте *прагматическую* и *стилистическую* функции: «В предложении обращение выполняет две функции: **призывную** и **оценочно-экспрессивную**. **Призывная функция, как правило, обозначает не просто призыв к адресату, но и отношение к нему со стороны говорящего.** Такое обращение часто имеет при себе и местоимение *мой*: «*Держись, мой мальчик: на свете Два раза не умирать*» (Симонов); «*А, здорово, мой отец, – Молвил царь ему, – что скажешь?...*» (Пушкин)» (выделено мною. – Б. Ш.) [Вялкина 2003, с. 276].

Ориентацию на традиционное значение термина *обращение* находим и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990-й год и последующие издания): «Обращение – грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь.

Обращение выражается именительным падежом существительного или любой равнозначной ему словоформой в сочетании с особой звательной интонацией, нередко поддержанной вокативным междометием «о»: «*О милый гость, святое Прежде, / Зачем в мою теснишься грудь?*» (В. А. Жуковский), «*О верь, ты, нежная, дороже славы мне*» (Е. А. Баратынский). ...

Обращение – принадлежность эмоционально-волевого языка. Поэтому признаку оно близко к императиву и в речи появляется чаще всего совместно с

ним: *«Доброю няней прильнув к изголовью, / Старая песня, звучи надо мной!»* (А. А. Фет). Обращённым часто бывает также вопрос: *«Дубравы осени, где ваше одеянье? / Где ваши прелести, о холмы и поля? / Журчание ключей, цветов благоуханье? / Где красота твоя, роскошная земля?»* (Н. И. Гнедич).

Обращение является носителем двух, обычно совместно реализующихся, функций: **призывной (апеллятивной) и оценочно-характеризующей (экспрессивной)**» (в последнем абзаце цитаты выделено мною. — Б. Ш.) [Кручинина 1998, с. 340].

Как мы можем наблюдать, характеристика функций, выполняемых обращением, в двух авторитетным справочных лингвистических источниках современного периода в целом совпадает — в обоих случаях внимание акцентируется на двух функциях, реализующихся чаще всего во взаимодействии: *призывной* либо *апеллятивной* (которая наиболее детально рассматривается в сфере лингвистической прагматики) и *оценочно-экспрессивной* либо *оценочно-характеризующей*, которая находится в сфере интересов не только лингвистической прагматики (выражение отношения к адресату со стороны говорящего), но и стилистики, отчасти — лексикологии и других разделов языкознания, а также междисциплинарных областей, предметом которых является исследование способов языкового воплощения эмоциональности и экспрессивности.

Наиболее явственно оценочно-экспрессивная функция обращений закономерно находит выражение в художественной или же разговорной речи, однако может довольно отчётливо присутствовать и в других коммуникативно-речевых сферах.

Основой же для реализации оценочно-экспрессивной (оценочно-характеризующей) функции является своеобразная лексическая семантика используемых в функции обращений номинаций — для этого в наибольшей степени, как отмечает И. Н. Кручинина, подходят слова с качественной семантикой [Кручинина 1998, с. 341].

Однако следует признать, что в современной лингвистической науке термин «обращение» существенно расширил своё значение. Основанием для этого расширения в первую очередь послужили некоторые проблемы, актуализированные новейшим этапом развития языкознания, часть из которых до настоящего времени ещё не получила однозначного решения. Это, к примеру, повышенное внимание к вопросам теории и практики речевой коммуникации, выразившееся, в частности, в появлении и бурном развитии *коммуникативной лингвистики*; активная разработка в языкознании прагматического аспекта (выразившегося в динамичном развитии *лингвопрагматики*, *прагматилистики* и других направлений подобного характера; в обособлении в отдельную отрасль теории речевых актов и т. д.); появление и разработка ряда новых аспектов дисциплин культуро-речеведческого направления (*культуры речи*, *стилистики*, *риторики*) и др. Все перечисленные явления и процессы, характерные для современного языкознания, в той или иной мере *связаны с речевым этикетом*, поэтому в результате их активной разработки соответственно возросло и внимание и к сфере функционирования речевого этикета в принципе.

Так, в ряде справочных источников, описывающих лингвистическую терминологию, которая используется на современном этапе развития языкознания, мы наблюдаем уже явное «разведение» значений термина *обращение* в соответствии с использованием его в различных лингвистических сферах. Например, в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (издание 2003-го года) описаны два значения рассматриваемого термина (причём для каждого из них отведена *отдельная* статья):

«Обращение риторическое см. Риторическое обращение. ... риторическое обращение или апостроф ... – фигура речи (в иной интерпретации – грамматический троп), отличающаяся от обычного обращения (называющего лицо, к которому непосредственно обращена речь) тем, что форма обращения используется в ней не столько для называния адресата (второго лица), сколько для привлечения внимания к этому адресату со стороны других лиц (читателей, слушателей) и его оценочной характеристики» [Сковородников 2003, с. 606].

Примечательно, что риторическое обращение в данной словарной статье характеризуется не только как *стилистический приём* (или *риторическая фигура*, или же *грамматический троп*), но и как *прагматическое средство*: «В большинстве случаев риторическое обращение **выделяет существенные (часто ключевые), с точки зрения автора речевого произведения, представления, понятия, идеи**» (выделено мною. – Б. Ш.) [Сковородников 2003, с. 606].

Однако в связи с задачами нашего исследования значительно большего внимания заслуживает другая словарная статья этого же справочного лингвистического источника, которая также посвящена обращению, однако сосредоточивает внимание на совсем ином аспекте этого явления, – это словарная статья под названием «Обращение, привлечение внимания». Именно она акцентирует внимание на тех значениях, которые сформировались у рассматриваемого термина в последнее время – в связи с актуализацией, как уже было отмечено, на современном этапе лингвистического знания коммуникативно-речевой проблематики. В этой словарной статье под выражением «обращение, привлечение внимания» понимается: «1. Наименование этикетной ситуации вступления в речевой контакт.

2. (-ия) Сумма выражений, составляющих коммуникативно-семантическую группу (КСГ) единиц речевого этикета с общим значением обращения, привлечения внимания.

3. Каждое из выражений, с помощью которых осуществляют речевой акт обращения, привлечения внимания.

Значение: наделить другого коммуниканта ролью адресата, позвать, призвать его, привлечь его внимание для последующего вопроса, сообщения, побуждения и т. д.» [Формановская 2003-а, с. 379].

Интерпретация приведённых значений с *коммуникативно-прагматических* позиций (проекция на процесс общения; отсылка к речевому акту; акцент на интенциях коммуниканта – инициатора общения и т. д.), на наш взгляд, в данном случае абсолютно очевидна.

Помимо указания на возможные значения термина *обращение* в рассматриваемой словарной статье приводятся три обширных группы языковых формул, которые выражают отмеченное значение в различных ситуациях общения: **Основные единицы привлечения внимания; Основные обращения к незнакомому адресату; Основные обращения к знакомому адресату.**

Первая из указанных групп включает 6 вариантов этикетных формул, 5 из которых представлены с учётом существующих вариантов, которые в различных ситуациях общения могут быть использованы для привлечения внимания собеседника (*Простите, пожалуйста!*; *Будьте добры (Будьте любезны); Можно вас спросить (задать вопрос, побеспокоить)?*

Обращает на себя внимание тот факт, что в этой группе этикетных выражений обязательным компонентом является *глагол*, используемый в зависимости от ситуации общения и других факторов в разных формах (преимущественно это *форма повелительного наклонения*, однако иногда – *инфинитив*).

Во второй же и третьей из обозначенных групп обращение как этикетная позиция непременно включает в себя *обращение-вокатив*, который и является самым её существенным признаком, с учётом которого в пространстве речевого этикета различные коммуникативные ситуации отграничиваются друг от друга.

Вторая группа (основные обращения к незнакомому адресату) включает в себя 18 позиций, каждая из которых представлена с учётом имеющихся вариантов (*Господин! Госпожа!*; *Молодой человек!*, *Девушка!*; *Товарищ майор!* (*полковник, капитан* и т. д.); *Доктор!*, *Сестра!*, *Нянечка!*; *Друг!*, *Притель!*; *Бабушка!*, *Дедушка!* и др.). Содержащиеся в этой группе обращения различаются по стилистической и по эмоциональной окрашенности, чем, в основном, и продиктованы определённые ограничения их употребления в конкретных ситуациях общения («*Сударь! Сударыня!* – уважительное, вежливое, без оттенка официальности»; «*Сынок! Дочка!* – просторечное, от пожилых людей простонародного облика» и под.).

Третья из групп (*основные обращения к знакомому адресату*) состоит из 11-ти речевых позиций, различных по своим лингвистическим моделям и, соответственно, по стилистической и эмоциональной окрашенности, также содержащих элементы, отражающие коммуникативные намерения инициатора общения: «*Гражданин + фамилия (Смирнов)!* – сугубо официальное в правовой сфере»; «*Имя в сокращённой форме (Коля!, Оля!)* – наиболее употребительное по отношению к хорошо знакомому, близкому (другу, родственнику) в непринуждённом общении, преимущественно с ты-формой»; «*Имя в суффиксальной форме (Колька, Олька!)* – отрицательным оценочным оттенком, грубоватое, уничижительное» и т. д. [Формановская 2003-а].

С опорой на достижения современной лингвистической науки определяет обращение и Е. А. Селиванова, предлагая в энциклопедии лингвистических терминов комплексную трактовку обращения (укр. звертання), учитывающую и достижения лингвистической науки последнего времени: «Звертання – слово або сполука, що позначають особу чи персоніфіковані предмет, явище, до яких звертається мовець, привертаючи увагу адресата до повідомлення, іноді надаючи предмету звернення оцінно-емоційної характеристики, експресивності; і здебільшого характеризуються граматичною незалежністю й інтонаційною та пунктуаційною відокремленістю. Звернення виражені переважно називним або кличним відмінками іменника, особовим займенником у називному відмінку або оказіональними формами прислівників, сполуками і навіть підрядними конструкціями. ... Деякі дослідники вважають відокремлені знаками оклику звертання у формі іменника у називному або кличному відмінках вокативними реченнями, що мають комунікативну цілісність, передають модально чи емоційно забарвлену думку, виражену інтонаційно (інтонацією оклику, заклику, прохання, докору, незгоди тощо). Зміст і функція таких речень зумовлює їхній поділ на прагматичні, спонукальні, емоційні і т. ін. ... Звертання виконують апелятивну (заклику), тематичну (уведення певної теми), перформативну (супроводу мовленнєвої дії), фатичну (встановлення контакту), риторичну (красномовства), експресивну, стилістичну функції» [Селіванова 2006, с. 160 –

161]. В приведённом, весьма объёмном определении обращения автором, безусловно, учтено и традиционное представление об этой понятийной категории (см., в частности, характеристику структурных, грамматических и отчасти функциональных особенностей); однако в предложенной трактовке исследовательница существенно расширяет диапазон свойств, свойственных обращению функций, включая в него, помимо упоминаемых ранее *апеллятивной* (*призывной*) и *экспрессивной*, *тематическую* (введение определённой темы), *перформативную* (сопровождение речевого действия), *фатическую* (установления контакта), *риторическую* (красноречия) и *стилистическую* функции, – т. е. те функции, которые в значительной степени актуализированы достижениями именно новейшего этапа развития языкознания. Так, выделение *перформативной* функции обращения стало возможным в результате появления в середине XX-го столетия и последующего развития теории речевых актов и лингвистической прагматики в целом; особый акцент на *фатической* функции стал возможен лишь в связи со значительными успехами психолингвистики и коммуникативной лингвистики (прежде исследователи указывали лишь на некоторые признаки этой функции, не выделяя её в особую) и т. д.

Безусловный интерес для исследователя представляет также предлагаемая Е. А. Селивановой классификация обращений, основанная на учёте содержания и функций обращений; в соответствии с этими факторами исследовательница разграничивает *прагматические*, *побуждающие*, *эмоциональные* и другие типы обращений.

В диссертационной работе мы более подробно рассматриваем один из типов коммуникативных ситуаций, где *обращения-вокативы* взаимодействуют с обращением как этикетной позицией, пожалуй, наиболее тесно и многообразно: ситуации общения *детей со своими родителями* (в данном случае мы сосредоточиваем внимание именно на этом векторе коммуникативного взаимодействия). В числе основных задач этого рассмотрения – ещё раз акцентировать внимание на богатейшем потенциале русской культуры в сфере

речевого этикета, который (потенциал) в современный период, к сожалению, по большей части остаётся не востребуемым, что не только нивелирует этнокультурное своеобразие представителей русской лингвокультуры, но и нередко приводит к возникновению серьёзных проблем в морально-нравственной сфере жизни современного общества.

2.2. Структурные и семантические типы обращений, их функции, эмоционально-экспрессивный потенциал

Рассказывая о каком-то человеке, мы называем – называем *по имени* или *по имени-отчеству* либо *по фамилии* или *прозвищу*, либо каким-то другим способом. Когда же мы обращаемся к кому-ли-либо в процессе общения – к *слушателю*, *адресату*, – то тоже как-либо обозначаем его, для чего язык предоставляет нам целый ряд возможностей. То или иное название, выбранное для определённого человека в конкретной ситуации общения, имеет *этикетное* значение: сказав *Таня*, мы словно бы сигнализируем о близости своих отношений с этим адресатом, сообщаем информацию о том, что это отношения хорошие, возможно – дружеские; сказав *Танька*, мы меняем тем самым показатель «дружественность» на «фамильярность» (что, впрочем, не исключает дружественности); сказав *Татьяна Григорьевна*, мы тем самым обозначаем статус (начальник) или же старший возраст собеседника, уважительность, почтительность к этому, а возможно – официальность обстановки; сказав *Госпожа Сидорова*, мы переходим уже к сугубой официальности как обстановки, так и собственного отношения.

«Вот почитаемого человека называют на собрании: *Борис Никифорович Ёлкин*, а потом, в официальном же тексте просто *Ёлкин*, и мы чувствуем смену отношения, и личностного, и ролевого, передаваемого сменой этикетного знака, как, например, в следующем тексте:

«– Как продвигается работа? – спросил шеф.

– Видите ли, у меня есть одна идея, к дифференциальным и интегральным уравнениям...

– Я говорю о вашей совместной работе с Ратгаузом, – перебил шеф.

Виктору не понравилось, что перебил и что не назвал по имени Николая Николаевича» (*О. Трифонова-Мирошниченко. День собаки*).

Ситуация в произведении действительно такова. Что над занимающимся генетикой Николаем Николаевичем Ратгаузом нависли тучи» [Формановская 2005, с. 119 – 120].

Нередко в процессе коммуникативного взаимодействия происходит *смена* обращений, адресованных к одному и тому же адресату, что свидетельствует и о *перемене тональности* общения (как минимум), а чаще всего – о *смене отношения* к нему говорящего (адресанта), которое может трансформироваться как в позитивную, так и в негативную сторону. На особенности подобных процессов обращают внимание и авторы литературных произведений, художественно запечатлевая их в своих творениях. Например, в известном романе Ю. Трифонова «Дом на набережной» находим: «Друзяев спросил:

– Ваш научный руководитель Николай Васильевич Ганчук?

Как в детской игре «горячо-холодно», Глебов почувствовал вдруг, что тут-то и есть «тепло». Друзяев не сказал «Ганчук», что прозвучало бы сухо и напряжённо, и не сказал «Николай Васильевич», что было бы естественней всего, если уж не дружески-фамильярное «Никвас», **он избрал четвёртую, официальную формулу** «Николай Васильевич Ганчук», как при вручении премии или траурном объявлении. Оно было и уважительно и чем-то неумовимо отделяло названный авторитет от некоего целого» (выделено мною. – Б. Ш.) [Трифонов 2008, с. 113].

Ещё один случай смены обращений в пределах одной «порции» общения художественно зафиксирован в романе В. Липатова «Чёрный Яр» – в эпизоде, описывающем ссору-спор родственников – Владимира Алексеевича Алёночкина и Софьи Борисовны, которые являются идейными противниками: «– *Я слушаю вас, Софья Борисовна* – тихо произносит Владимир Алексеевич. –

*Продолжайте, пожалуйста, **Софья Борисовна!***» (выделено мною. – Б. Ш.). А через несколько строк находим: «*Я просил вас не перебивать меня... Но продолжим... Вы, **товарищ Боярская**, относитесь к тем людям, которые критику ... восприняли как сигнал для нападок...*»; и затем далее: «– *Вы даже не находите мужества выслушать правду, Боярская, – сухо и желчно говорит Алёночкин*» (выделено мною – Б. Ш.) [Липатов 1977, с. 29].

В русском языке существует несколько форм личного имени, которое в большинстве случаев используется в практической коммуникации в качестве обращения (вокатива). Это, во-первых, **полное паспортное имя**: *Александр, Пётр; Светлана, Наталья*; во-вторых, **сокращённое личное имя** (вариант полного): *Саша, Петя; Света, Наташа*; в-третьих, **уменьшительно-ласкательное личное имя**: *Сашенька, Санечка; Петенька, Петруша; Светочка, Светуля; Наташенька, Наточка* и др.; в-четвёртых, **унижительно-грубое личное имя**: *Сашка, Петька; Светка, Наташка*.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что русский язык и соответственно русский речевой этикет располагают значительным числом *суффиксально-оценочных* образований личных имён собственных – как с суффиксами позитивной оценки (уменьшительно-ласкательных и под.), так и негативной (уничижительной либо грубо-фамильярной). На эту особенность обращают внимание и многие зарубежные исследователи, изучающие проблемы русского речевого этикета, – среди них известный польско-австралийский учёный Анна Вежбицка, немецкая исследовательница Г. Титц и другие.

В повседневной жизни мы, как правило, не задумываемся над имеющимся у нас богатством – обилием разнообразных обращений к одному человеку, – а между тем именно это свойство русского языка позволяет в процессе коммуникации сделать акцент на определённой тональности общения – от официально-нейтральной либо торжественной до дружеской и интимно-ласковой: «одна тональность в обращении *Елена!* и совсем другая в *Ленушка!*

Обращение в форме полного паспортного имени *Ольга! Николай!* Используется сравнительно нечасто и может (при привычном *Оля!; Коля!*)

создать в какой-то степени строгую тональность общения, помечать серьёзность предстоящего разговора, а иногда даже некоторое недовольство говорящего» [Формановская 2005, с. 164 – 165].

Однако необходимо заметить, что указанный в приведённой цитате эмоционально-экспрессивный оттенок могут приобретать лишь те личные имена русского языка, которые способны образовывать сокращённую форму, хотя именно таких имён-антропонимов в русском языке большинство. Сокращений не допускают только некоторые антропонимы русского языка (*Вера, Нина, Игорь, Андрей* и некоторые другие) – в качестве обращений они употребляются в полной форме, не приобретая при этом никаких эмоционально-экспрессивных оттенков. Однако от этих личных имён, как и от всех антропонимов русского языка, с помощью соответствующих суффиксов могут быть образованы *уменьшительно-ласкательные* формы: *Верунчик, Нинуля, Игоряша, Андрюша*.

Сокращённые формы имён-антропонимов (типа *Саша, Серёжа, Таня, Наташа*) в качестве обращений наиболее активно употребляются в повседневном общении со знакомыми людьми – друзьями и родственниками; для этой коммуникативной сферы она является и наиболее стилистически нейтральной.

Необыкновенно ранообразны в русском языке *уменьшительно-ласкательные* личные имена-обращения, как правило, отличающиеся положительной эмоционально-экспрессивной окраской и применяющиеся преимущественно в сферах интимно-дружеского и/или семейного общения. Это богатство и разнообразие русского антропонимического фонда зафиксировано и в специальных лексикографических источниках – специальных *антропонимических* словарях. Так, в частности, популярный лексикографический источник «Словарь русских личных имён» Н. А. Петровского приводит 25 производных от всем известного имени *Владимир*, в том числе и такие малоупотребительные, как *Вава, Воля* и другие, далеко не всегда используемые в общении среднестатистическими носителями русского языка, подчас им и совсем не известные.

Важно обратить внимание на то, что суффиксальные производные имена в современном русском языке употребляются именно в *функции обращения*; использование их в контекстах описательного характера невозможно. По этому поводу Н. И. Формановская замечает: «Сравним, например, возможное: *Вовуля, пойди принеси хлеб!*; *Танюшечка, пора спать!* и невозможное (или нежелательное) в тексте книги; *Вовуля пошёл в магазин и принёс хлеб*; *Танюшечка легла спать* и т. п.» [Формановская 2005, с. 166].

В предыдущем разделе отмечалось, что в русском речевом этикете в настоящее время сосуществуют этикетные формы *ты*- и *вы*- (*Вы*-)общения, сформировавшиеся в процессе исторического развития русского языка и разграничивающиеся по ряду признаков, диктуемых прежде всего характером ситуацией общения и статусом участвующих в ней коммуникантов. Эти параметры, в свою очередь, влияют на *стилистическую принадлежность* используемых обращений, а также на их *эмоционально-экспрессивную окраску*.

Так, для общения на «ты» в современный период используется несколько вариантов **обращения по имени**: 1) полные личные имена собственные (*Сергей, Татьяна, Егор, Ирина* и под.); 2) сокращённые или краткие формы личных собственных имён, характерные прежде всего для разговорной речи, однако могущие употребляться и в нормированной литературной речи (*Серёжа, Таня, Ира* и под.); 3) формы личных имён собственных с суффиксами субъективной оценки, прежде всего – уменьшительно-ласкательными, – употребляющие исключительно в разговорной либо разговорно-просторечной речевых сферах (*СерёжЕНЬКа, ТанЮШа, ИрОЧКа* и под.).

Обращение **по полному имени** в сфере *ты*-общения характерно «для отстранённо-официального регистра общения, используется в официальной или полуофициальной обстановке общения, выражает подчёркнуто-сдержанное отношение к собеседнику и чаще всего используется, когда предстоит серьёзный разговор, необходимо сделать замечание собеседнику: «**Сергей**, мне надо с тобой поговорить», «**Татьяна**, подойди сюда» (выделено мною. – Б. Ш.) [Стернин 1996, с. 50].

Варианты обращения, объединённые во вторую группу (краткие формы личных собственных имён), используются преимущественно в неофициальном дружеском общении – с хорошо знакомыми, родственниками одного возраста и т. д., а также в неофициальном общении в принципе, при этом чаще всего адресуются лицам своего возраста и младше. Эти обращения демонстрируют позитивное – дружески-неофициальное – отношение к партнёру, т. е. играют важную роль в установлении контакта между коммуникантами, настраивая их на успешность коммуникативного взаимодействия.

Формы обращений **с суффиксами субъективной оценки** (в основном, *уменьшительно-ласкательными*) – третья из выделенных групп – в ещё большей степени, нежели краткие формы личных имён, свидетельствуют о дружески-неофициальном регистре общения, выражают позитивное отношение к адресату (ласковое и под.). Они практически всегда используются в неофициальных ситуациях общения, адресуются людям, знакомым адресанту, одного с ним возраста или младшим.

В системе обращений на «ты» в современном русском языке существует и довольно обширная группа *грубовато-фамильярных* личных имён: *Серёжка, Танька, Петька, Ирка* и под., – которые наиболее широко используются в неофициальных ситуациях общения детей и подростков в школах и других учебных заведениях. Эти варианты имён, помимо неофициальности общения, свидетельствуют о равных отношениях между участниками коммуникации; они также могут употребляться при упоминании друг о друге в разговоре – уже в качестве не обращений, а других элементов синтаксических единиц (фраз), используемых в общении.

В связи с задачами нашего исследования особо подчеркнём тот факт, что подобные варианты обращений нередко используются родителями при обращении к детям, к чему сложно относиться однозначно. По данному поводу Н. И. Формановская в одной из своих работ замечает: «У взрослых отношение к такому имени двоякое. В одни семьях принято называть детей подобным образом, в других – нет. **Одни в таком имени чувствуют особую**

доверительность, интимность, другие – лишь грубоватость. Название советского фильма о школьниках «Друг мой Колька» вызвало немало нареканий родителей, приславших свои письма в редакцию» (выделено мною. – Б. Ш.) [Формановская 1982, с. 38].

Представляется, что вывод о том, какое отношение вкладывается родителями в подобные формы личных имён при их адресации детям, какие именно чувства выражают эти обращения в каждом конкретном случае, следует делать лишь с максимальным учётом **всех** составляющих каждой отдельной коммуникативной ситуации, принимая во внимание ситуативный контекст, привлекаемые невербальные средства общения и т. д. Так, в частности, одну из главных ролей в подобных случаях играет *интонация*: вежливая или даже нейтральная придаёт подобным обращениям дружески-неофициальный характер, а резкая и грубая превращает используемые обращения в грубо-фамильярные вокативы, которые, с точки зрения соблюдения в общении правил речевого этикета, крайне нежелательны.

В русском речевом этикете обращение **по имени** возможно и в сфере *вы*-общения – при адресации его человеку, с которым адресант ещё не перешёл на «ты», – например: «***Сергей**, я прошу вас подойти завтра пораньше*»; «***Таня**, сделайте это для меня побыстрее*» и под. «Такое обращение относится к дружески-неофициальному регистру, но приближается к нейтрально-вежливому; оно отражает стремление собеседника совместить стандартную вежливость (на «вы») с демонстрацией дружеского отношения к собеседнику» [Стернин 1996, с. 50]. Формы обращений подобного рода часто используются руководителями по отношению к более молодым своим подчинённым, а также коллегами среднего возраста, находящимися друг с другом лишь в производственно-неофициальных, но не дружеских отношениях.

В сфере *ты*-общения функционируют и обращения **по имени и отчеству**: ***Сергей Николаевич**, прошу тебя, пойдёшь мне навстречу!; **Галина Петровна**, ты не поможешь мне с выкройкой?*; и под. обращения подобного характера, по наблюдениям исследователей, чаще всего встречаются в речи мужчин среднего

и старшего возраста, а также в неофициальных или полуофициальных ситуациях, когда люди хорошо знакомы друг с другом, однако близкими друзьями не являются. Обращение такого рода функционирует в сфере дружески-неофициальной коммуникации и используется преимущественно коллегами или соседями. В ряде случаев подобная форма общения избирается теми, кто познакомился друг с другом уже в зрелом возрасте, и поэтому они считают нецелесообразным, неудобным переходить на общение по имени.

При обращении **по имени и отчеству** в сфере разговорной речи и в разговорно-просторечной коммуникативной среде для русского речевого этикета типично и использование *стяжѐнных* форм: *Нинмихална, Иванфѣдорыч* и под., – которое допускается этикетом общения. В таких случаях «полное, отчётливое, несколько замедленное проговаривание имени и отчества человека при обращении к нему, напротив, может свидетельствовать об избрании остранинно-официального или повелительно-доминантного регистров общения и лежит за пределами этикета» [Стернин 1996, с. 51].

В сфере русского *ты*-общения функционируют и обращения только **по отчеству** – типа *Петровна, Семёновна, Николавна, Михалыч, Сергеич* и под.; они характерны преимущественно для носителей русского языка из сельской местности или для представителей городского населения, сохранивших в своей речи черты, свойственные коммуникантам из сельской местности. Такие обращения принадлежат *фамильярному* регистру коммуникативного взаимодействия и чаще всего квалифицируются исследователями как *неэтикетные*.

В сфере русского *вы*-общения использование обращений также имеет определённые особенности, отличные от их функционирования и употребления в сфере *ты*-общения, иногда довольно существенно.

В данной сфере наиболее традиционным способом обращения к взрослым людям в *нейтрально-вежливом*, по выражению И. А. Стернина, регистре является обращение **по имени и отчеству**. «Так обращаются в официальных и неофициальных, а также полуофициальных ситуациях к малознакомым, к

коллегам, с которым нет особенно дружеских отношений, к начальнику, к вышестоящему, к старшему по возрасту, к взрослому.

Если по имени и отчеству, на «вы» обратились к молодому человеку, который в принципе ещё не может претендовать на отчество, это является знаком подчёркнутого уважения к нему со стороны говорящего» [Стернин 1996, с. 51].

На обращение по имени и отчеству и на «вы», в соответствии с требованиями делового этикета, при обсуждении производственных проблем в *официальных* ситуациях – например, на собраниях, совещаниях, конференциях и других подобных мероприятиях – могут переходить и коллеги, которые в неофициальной повседневной коммуникации общаются на «ты» и вполне возможно называют при этом друг друга на «ты».

По имени и отчеству в русском этикете принято обращаться школьникам, студентам и учащимся других учебных заведений к своим учителям, преподавателям, наставникам.

Обращение **по фамилии** принято в русских учебных заведениях по отношению к ученикам и студентам, в медицинских учреждениях – по отношению к пациентам, в вооружённых силах – по отношению к рядовым со стороны командного состава. Такие обращения репрезентируют *нейтрально-вежливый* регистр коммуникативного взаимодействия, они характерны для *официальных* ситуаций, в которых воспринимаются как норма.

Обращение **по фамилии** в неофициальных ситуациях в русском речевом этикете не принято; если же оно используется в речи, это, как правило, свидетельствует либо о переходе говорящего на *сдержанно-вежливый* регистр общения, либо является *шутливым* (именно последнее и наблюдается в большинстве случаев).

Фамилия в сочетании со словом «*товарищ*» продолжает использоваться в качестве обращения и в современном русском языке – чаще всего в *официальном* общении (на собраниях, заседаниях и подобных мероприятиях), хотя частотность подобных обращений в настоящий период заметно снизилась:

во-первых, из-за замены во многих случаях номинации *товарищ* номинацией *господин*, которое ранее употреблялось лишь по отношению к иностранцам и дипломатам, а теперь расширило сферу своего применения (в частности, его используют при обращении к предпринимателям); во-вторых, из-за утраты словом «товарищ» популярности в принципе.

Фамилия в сочетании с номинацией «гражданин» используется в роли обращения в сугубо *официальной* коммуникации – при обращении государственных лиц к гражданам (причём как в устной, так и в письменной форме общения).

В целом же обращение по фамилии имеет в русском речевом этикете *официальный нейтрально-вежливый* характер.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в русском общении существуют многочисленные обращения непринуждённо-обиходного и просторечного характера, которые особенно широко употребляются в недостаточно культурной молодёжной среде, а также в речи других недостаточно образованных слоёв населения. Обращения – как к знакомым, так и незнакомым людям – типа *Эй! Эй ты! Папаша! Подруга! Мужик! Слышь, ты!* и подобные в случаях, если они не наделены *стилизационной* функцией, находятся **за пределами** русского речевого этикета, что свидетельствует о необходимости избегать их в речи.

Особо следует остановиться на таком морфологическом способе выражения обращений, как *звательная* форма имени существительного, которая современным русским языком уже утрачена и присутствует в настоящее время только в других восточнославянских языках, близкородственных для русского, – украинском и белорусском. Однако современный русский язык сохранил ряд форм, зафиксировавших обозначенное грамматическое явление, которые употребляются в нём «в готовом виде» в текстах различной стилистической принадлежности: *боже, господи, отче*, а также формы типа *старче, друже*. Первые две из перечисленных форм употребляются в двух основных функциях: как обращение к Богу – в том числе и в составе словосочетаний (ср., например:

«На меня наставлен сумрак ночи/ Тысячью биноклей на оси./ Если только можно, *Авва Отче*, чашу эту мимо пронеси!» (Б. Пастернак) – и в качестве междометий, например: *Боже! Как хорошо!* (для выражения восторга) *Боже! Как я устал!* (для выражения очень высокой степени испытываемого состояния) и т. д.

Формы типа *старче*, *друже* в современном русском языке используются преимущественно в *стилистических* целях; в классической литературе они достаточно частотны – ср., например, фрагмент из сказки А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»: *Чего тебе надобно, старче?*

2.3. Обращения как социокультурные знаки

Одной из важнейших функций обращения, как уже было отмечено ранее, является функция, определяемая как *призывная* либо *апеллятивная*, причём некоторые справочные и научные источники акцентируют внимание на том, что данная функция объединяет в себе как минимум два компонента (ср. замечание: «Призывная функция, как правило, обозначает не просто призыв к адресату, но и отношение к нему со стороны говорящего», – которое содержится в одном из приводимых ранее определений рассматриваемой категории).

Однако призывная функция обращения, помимо собственно апеллятивного содержания, включает в себя не только компонент выражения отношения к адресату со стороны говорящего, который в свою очередь является одной из составляющих функции установления контакта с собеседником, являющегося основанием для возможности не только вступить людям в общение, но и выстроить его определённым образом. Представляется, что правомерно говорить и о явной **социальной** значимости обращения, которая наиболее отчётливо проявляется при реализации его призывной (апеллятивной) функции, на чём, с нашей точки зрения, целесообразно остановиться более подробно.

По мнению Н. И. Формановской, обращение в принципе является «самой употребительной языковой единицей, связанной с этикетными знаками. В самом деле, обращаясь к человеку, мы как-то называем его, обозначая в избранном названии или его **социальный статус, роль**, или наше отношение к нему, как ролевое, так и личностное. Установление речевого контакта, регулирование **социальных взаимоотношений** с помощью обращения – всё это важные общественные функции» [Формановская 2005, с. 137].

Сохранение постоянного интереса к проблеме исследования обращений обусловлено, среди прочего, и тем, что в современном обществе проблема регулирования социальных отношений оказывается одной из самых актуальных, на что неоднократно указывали учёные-лингвисты, изучающие, в частности, национально-культурную специфику речевого поведения, – ср., например: «В человеческом обществе придают большое значение установлению контакта и ориентировке в собеседнике и ситуации. Все виды приветствий, **обращений**, титулований предназначены для установления контакта и **демонстрации социальных отношений**, в рамках которых коммуниканты намерены общаться» (выделено мною. – Б. Ш.) [Национально-культурная специфика речевого поведения 1977, с. 87].

Выполняемая обращением функция социальной характеристики позволяет коммуникантам сформировать между собой в процессе общения определённые отношения, «задающие» этому процессу ту или иную линию развития: *старший – младший, начальник – подчинённый, равный – равный* и т. д. Эта же функция участвует в демонстрации **степени вежливости**, с которой инициатор общения (говорящий) считает необходимым обращаться к своему коммуникативному партнёру, – т. е. обращение показывает и то, насколько говорящий ценит и уважает собеседника, признаёт его.

Адекватное использование говорящим обращений (т. е. употребление их в регистре вежливого общения) – в соответствии со сложившимися и закрепившимися в том или ином обществе нормами общения – приобретает **этикетный** характер. Иначе говоря, речевой этикет требует такого

использования обращений, «которое соответствовало бы той коммуникативной ситуации, в которой находятся общающиеся, соответствовало бы принятым для этой ситуации, этой расстановки ролей нормам общения» [Стернин 1996, с. 38].

Например, слово *Здравствуйте* в любой ситуации общения между коммуникантами, обращающимися друг к другу на «вы», является этикетным, однако при общении людей, давно знакомых и постоянно общающихся на «ты», оно будет явно неуместным. В последнем случае куда предпочтительнее другой, более распространённый в разговорно-обиходной среде вариант приветствия, – например, слово *Привет*, которое, в свою очередь, неуместно в ситуации, когда младший приветствует старшего, и т. д. Поэтому обращение, уместное и очевидно вежливое в одной коммуникативной ситуации, может быть неэтикетным в другой, в связи с чем как изучение правильного использования обращений, так и обучение этому следует проводить с непременным учётом характера конкретных коммуникативных ситуаций, в которых эти обращения функционируют, и в зависимости от этого квалифицируются как *этикетные* либо *неэтикетные*.

При выборе форм обращения к собеседнику, таким образом, адресант учитывает (как осознанно, так и на подсознательном уровне) целый ряд факторов, обеспечивающих *этикетный* либо *неэтикетный* характер используемых в процессе коммуникации номинаций адресата. И. А. Стернин к такого рода факторам относит следующие:

- «- тип ситуации (официальная, неофициальная, полуофициальная);
- степень знакомства собеседник (незнакомые, малознакомые, хорошо знакомые);
- отношение к собеседнику (уважительное, почтительное, нейтрально-вежливое, фамильярное, дружески-неофициальное);
- характеристика говорящего (говорит мужчина или женщина, начальник или подчинённый, старший или младший);

- характеристика адресата, то есть того, к кому обращаются (к старшему или к младшему, равному, нижестоящему или вышестоящему, мужчине или женщине);

- место общения (дома, на улице, на свадьбе, за столом, на собрании, в лекционной аудитории и др.):

время общения (утром, в обед, вечером, перед отъездом, приходя в дом и др.)» [Стернин 1996, с. 38].

Перечисленные факторы, безусловно, в разной степени оказывают влияние *на выбор* форм обращения, однако в том, что это влияние практически всегда существует, сомневаться не приходится, поэтому должны быть учтены при описании обращения в качестве почти обязательного компонента речевого этикета, т. е. проанализированы максимально полно.

При выборе той или иной формы обращения немаловажную роль играет также тот факт, каким является регистр осуществляемого общения, на наличие которых в коммуникативном процессе указывают многие исследователи проблем речевого этикета и культуры речи в целом. И. А. Стернин под регистром общения понимает «общую манеру общения, избранную говорящим по отношению к своему партнёру в соответствии с его представлениями о том, какие отношения должны установиться между участниками в данной коммуникативной ситуации» [Стернин 1996, с. 38]. Особо обратим внимание на то, что в определении регистра общения ключевая роль отводится *говорящему*; адресат же в данном случае оказывается в роли ведомого, хотя и он также может оказывать определённое влияние на характер протекания коммуникативного процесса, и в частности на то, в каком именно регистре последний осуществляется. Именно потому, что регистр общения задаётся преимущественно инициатором коммуникации – говорящим (пишущим), обращение, употребляемое на начальном этапе общения, приобретает особую значимость – в качестве элемента коммуникативного процесса, который играет принципиально важную роль в установлении контакта с собеседником и, следовательно, в «задавании» регистра общения.

Адресат же либо принимает «заданный» регистр общения (это происходит в большинстве случаев), либо, не соглашаясь с ним, отвергает – в этих случаях инициатору общения приходится менять выбранный для общения регистр на более приемлемый для партнёра. Н. И. Формановская в одной из своих работ, посвящённых речевому этикету, приводит фрагмент из рассказа Юрия Казакова «Трали-вали», художественно зафиксировавший смену регистра общения инициатором общения (проезжим), к которой его вынудило неприятие собеседником (сторожем Егором) заданного регистра коммуникативного взаимодействия: *«Часто в сторожке у Егора ночуют проезжие, поднимающиеся и спускающиеся по реке на моторках и байдарках и даже на плотках. Каждый раз при этом происходит одно и то же: проезжие глушат внизу мотор, и кто-нибудь поднимается к Егору в сторожку.*

– Здорово, хозяин! – наигранно бодро говорит проезжий. Егор молчит, посапывая, ковыряет ивовую вершу.

– Здравствуйте, – уже слабее повторяет проезжий, – переночевать нельзя ли у вас?» [Формановская 1982, с. 32].

По общему мнению исследователей, диапазон регистров общения в настоящее время изучен крайне недостаточно, в связи с чем, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке. В настоящий момент, однако, уже можно вполне определённо говорить (на основе описанного и изученного в отношении речевого этикета) о выделении таких регистров общения, как **«нейтрально-вежливый, подчёркнуто-вежливый, дружески-неофициальный, фамильярный**. Последний регистр понимается как такая манера общения, когда говорящий позволяет себе с самого начала общения обращаться с собеседником как допускающим невежливое обращение» (выделено мною. – Б. Ш.) [Стернин 1996, с. 38].

Таким образом, при выборе конкретной формы обращения, вводимого в ту или иную ситуацию коммуникативного взаимодействия, инициатор коммуникации одновременно выбирает и регистр общения, наиболее соответствующий **в его понимании** формируемой коммуникативной ситуации,

что происходит на основе учёта перечисленных выше факторов влияния на коммуникативный процесс, большинство из которых носит *социальный характер*.

Этикетным требованием при этом является *адекватная оценка* коммуникативной ситуации, на основе которой и должен осуществляться адресантом выбор обращения, соответствующий нормам этикета для данной ситуации общения.

Выводы к разделу II

Термин *обращение*, который в большинстве случаев синонимичен термину *вокатив*, функционирует в русском языкознании достаточно давно – по сути, лингвистическую характеристику этого понятия, причём с указанием на его стилистическую значимость, мы находим ещё в изданном в середине XVIII-го века «Кратком руководстве к красноречию...» М. В. Ломоносова – в шестой главе «О фигурах предложения» книги первой.

На этапе современного лингвистического знания данный термин подвергся как существенному дополнению, так и уточнению ряда его аспектов, отразив при этом и достижения тех областей языкознания, которые актуализировались в последние десятилетия (например, коммуникативной лингвистики, или теории и практики речевой коммуникации); это закономерно расширило как диапазон значений данного термина (как минимум – до двух), так и палитру аспектов его осмысления и изучения.

Представляется, что в настоящее время можно говорить о нескольких подходах к пониманию, и соответственно – к исследованию, обращения:

— *структурно-семантическом*, в соответствии с которым обращение трактуется как грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения, основная функция которого – называние того, к кому направлена речь. Морфологическими способами выражения обращения являются чаще всего формы именительного падежа имени существительного или же любой

именной части речи (имени прилагательного, местоимения, имени числительное), а также причастия, употребляемых в значении имени существительного. По структуре обращение может представлять слово либо словосочетание, иногда очень распространённое – в том числе и разного рода осложняющими элементами (в частности, развёрнутыми обособленными определениями). В рамках данного подхода термином, синонимичным термину *обращение*, является дефиниция *вокатив*;

— *стилистическом*, или *риторическом*, который разрабатывается в исследованиях по стилистике, риторике и в исследованиях культуроречевого характера, также заложенном ещё в работах М. В. Ломоносова. Так, в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003-й год) в отдельную словарную статью выделено «Обращение риторическое» (*риторическое обращение*), где обращение охарактеризовано как фигура речи, «отличающаяся от обычного обращения» [Сковородников 2003, с. 606]. Синонимом терминологического выражения *риторическое обращение* является термин *апостроф*;

— *коммуникативно-прагматическом*, или *лингвопрагматическом*, получившем разработку в исследованиях по лингвистической прагматике и коммуникативной лингвистике (теории и практике речевой коммуникации). В данном случае основной акцент переносится на рассмотрение одной из двух основных функций обращения как исследуемого феномена – *призывной*, или *апеллятивной*, в частности – на таком из её компонентов, как привлечение внимания адресата (лица, обозначаемого при помощи обращения);

— *лингводидактическом (лингвометодическом)*, получившем довольно детальную разработку прежде всего в методике преподавания русского и других языков (в том числе и в качестве иностранных), а также в исследованиях дидактического и культуроречевого характера – в первую очередь связанных с проблемами речевого этикета, где употреблению обращений как в сфере нормированной речи, так и в различных других коммуникативно-речевых сферах отводится важная роль.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение обращений с *социолингвистических* позиций, которое в современном языкознании представляет один из ведущих аспектов изучения данного феномена. Исследование обращений как социально отмеченных языковых знаков целесообразно проводить не только с позиций синхронного состояния русского языка, но и в аспекте осмысления данного феномена с исторических позиций. Синхронно-диахронический подход позволяет, в частности, не только проследить за востребованностью тех или иных этикетных формул в различные периоды существования языка, но и выявить определённые тенденции их «мигрирования» (ухода некоторых номинаций-обращений в пассивный запас; выдвижение ряда номинаций в число приоритетных и т. д.) в рамках того или иного национального речевого этикета.

РАЗДЕЛ III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

3.1. Семейная коммуникация как особый вид общения; своеобразие речевого этикета в семейной коммуникации

В течение довольно длительного времени внимание исследователей, представляющих различные области науки: философов, психологов, педагогов, историков, экономистов и т. д. привлекает такой феномен, как **семья**. В последние два столетия к традиционным исследованиям по проблемам и различным аспектам семьи добавились социологические и психолингвистические работы, исследования специалистов по межкультурной коммуникации и представителей многих других, сформировавшихся на этапе новейшего гуманитарного и в целом научного знания, областей.

И, конечно же, как семья в принципе, так и множество семей во всём их многообразии, в каждой из которых формируется отличающаяся явной специфичностью, индивидуальностью, а нередко и уникальностью речевая среда, всегда привлекали исследовательское внимание лингвистов. В настоящее время активно изучаются *жанры семейного общения* и распределение *коммуникативных ролей* в семье, *семейный фольклор* и *фамильелект* (речевые средства, используемые членами конкретной семьи в общении между собой, нередко именно ими же и изобретённые), затронувшие многие современные семьи проблемы *билингвизма* и *полилингвизма* и многое другое.

Как правило, первичное формирование личности происходит именно в семье; необыкновенно важную, часто – ключевую, роль в этом процессе играет овладение родным языком и основными навыками речевого общения в принципе; именно в семье закладываются также культурные и поведенческие стереотипы личности.

Речевое общение в семье представлено широким спектром коммуникативных ситуаций, в которых личность ребёнка – по мере роста и

взросления – обретает в том числе и новые социальные, прежде всего – семейные, роли. Значимость изучения различных речевых процессов, протекающих в семье, очень точно определяют О. А. Леонтович и Е. В. Якушева в своей работе, посвящённой изучению семьи в аспекте межкультурной коммуникации: «Семья – место непринуждённого общения, где **человек имеет большую свободу для проявления своей индивидуальности, в том числе и в отношении языка**. Исследуя функционирование языка в семье, можно выявить общие закономерности восприятия и интерпретации значения слов, сфер их употребления, проследить процесс встраивания их в общую систему языка, процессы словообразования и креативность в создании новых («семейных») лексем. **Семья представляет собой социум в миниатюре, своеобразную лабораторию языка**. В то же время она не изолирована от внешних воздействий и находится в состоянии коммуникации со своим социальным окружением» (выделено мною. – Б. Ш.) [Леонтович, Якушева 2004, с. 13 – 14].

С точки зрения психологии (в частности, по мнению Э. Бёрна), на протяжении всей своей жизни люди «играют» различные роли, определяемые выдвижением в разных ситуациях одного из присущих человеку психических состояний: *ребёнка, родителя, взрослого*, – каждому из которых присущи и определённые эмоции, а также неодинаковый характер отношения к окружающему и к окружающим (причём следует учитывать, что обозначенные состояния далеко не всегда соответствуют реальному возрасту личности).

Так, ребёнку в большинстве случаев свойственны жизнерадостность, любопытство, раскованность, доверчивость и т. д. Родителю, как правило, присущи уверенность в правильности своих поступков и рекомендаций, что даёт ему право на осуществление поощрений и наказаний; в части возникающих жизненных ситуаций – авторитетность и безапелляционность, покровительство и превосходство, в других – готовность прийти на помощь и т. д. Взрослого, как правило, характеризуют знание жизни, контроль и расчёт по отношению ко всему происходящему, скептицизм, который может проявляться в различной степени; утрата неких иллюзий, свойственных ему в ином состоянии, и т. д. При

проигрывании этих ролей на фоне присущих людям социальных признаков – в своего рода жизненном «театре» – многообразие ролей может иметь массу вариантов. Так, женщина в качестве жены может по отношению к мужу выступать в роли ребёнка, а на службе – играть роль родителя либо взрослого; ребёнок среди равных вполне может выступать в роли взрослого и т. п.

Принадлежность семьи к разряду малых групп в социальных институтах определяет **двунаправленность** семейной коммуникации: с одной стороны в семье реализуется *внутреннее, межличностное* общение членов данной группы – общение», по выражению О. А. Леонтович и Е. В. Якушевой, «внутри закреплённого в семье локуса; с другой стороны, имеет место *внешнее* общение семьи с её окружением – иными группами, государством, социумом, которое строится преимущественно по принципу «свое – чужое».

Безусловно, внешний и внутренний уровни осуществляемой в рамках семьи коммуникации тесно связаны между собой – совсем не случайно семья как малая группа определяется психологами и социологами как «общество в миниатюре», а первичные группы в принципе – как фундамент всей общественной структуры. Каждая коммуникативная личность одновременно оказывается и членом малой группы, и членом всего общества, в связи с чем её коммуникативное поведение в целом, и коммуникативно-речевое в частности, должно соотноситься и с требованиями всех тех больших и малых коллективов, в которые она коммуникативно включается. «Можно сказать, что семья по своему групповому сознанию, поведению, системе ценностей, взглядам и традициям занимает промежуточное положение между коммуникативной личностью и «большим обществом», являясь переходным звеном между ними» [Леонтович, Якушева 2004, с. 20].

Присущая семье как малой социальной группе относительная самостоятельность приводит к тому, что в ней могут формироваться и закрепляться групповые ценности и нормы поведения, не всегда совпадающие с теми, что приняты обществом и регламентированы государством. Это, конечно, не обозначает, что такие нормы и ценности всегда противопоставлены правовым

либо нравственным нормам общества, – в большинстве случаев они нейтральны, поскольку отражают национальные, профессиональные, культурные или же иные специфические интересы участников подобных малых групп (это национальные ритуалы и обычаи, семейные традиции и т. д.).

Безусловно, в семейной коммуникации важную роль играет и **речевой этикет**, который, как и все другие группы употребляемых в семейном общении речевых средств, отличается **двунаправленностью**: речевой этикет каждой конкретной семьи, с одной стороны, опирается на определённые нормы, закрепившиеся в национально-культурной среде, где эта семья существует, с другой стороны – включает в свой состав и те элементы, которые сформировались непосредственно в этой малой социальной группе под влиянием самых различных факторов.

Общение детей и родителей, а также других родственников также находится под влиянием как минимум двух групп факторов: с одной стороны, множества признаков (психологических, социальных и т. д.), свойственных собеседникам, с другой – сложившихся в семье отношений, а также того, в каком «формате» осуществляется общение в данной конкретной ситуации – например, происходит коммуникация с глазу на глаз либо в присутствии других лиц (на людях), и т. д.

Различным по своему характеру будет разговор ребёнка младшего возраста и уже выросшего со своими родителями: в одних случаях предпочитают обращения *мама* и *папа*, в других – *мать* и *отец* (так иногда обращаются к родителям выросшие дети, чаще всего в моменты серьёзных разговоров). Это же можно сказать и по отношению к обращениям *сын* и *дочь* и их многочисленным вариантам. Н. И. Формановская по данному поводу замечает: «Кому из нас не приходилось наблюдать такую, например, ситуацию: *Дочка, сходи за хлебом, пожалуйста?* И через некоторое время, когда поручение не выполнено: *Дочь, я сколько раз должна говорить?*» (выделено мною. – Б. Ш.) [Формановская 2005, с. 162].

В этом же исследовании Н. И. Формановская приводит пример журнальной публикации, в которой отражено изменение отношений между свекровью и невесткой, которое выразилось в изменении характера обращений в их общении (повествование в данном случае ведётся от лица невестки, о которой говорит свекровь: женщины по имени Саша): «Свекровь хвалила меня! Я ушам своим не поверила. Да как хвалила! Я застыла за сараем с пустым ведром в руке и не могла сдвинуться с места. Саша, дескать, такая умница, заботливая, всё умеет, сыну повезло, а как он хочет ребёнка. Но пожаловалась свекровь: «Всё хорошо, но только не зовёт меня Саша матерью». Вечером она зашла к нам, как всегда. Снова как-то безразлично посмотрела на меня, поиграла с малышом и собралась уходить. Не знаю, как у меня вырвалось: «Мама, куда вы спешите? Посидите ещё». И вдруг я увидела, как задрожали её руки. В глазах стояли слёзы, она нагнулась к малышу, а я сделала вид, что ничего не замечаю. С этого вечера я поняла, что ошибалась в ней, что она рада за нас, ей хорошо с нами и моего ребёнка она любит» [Формановская 2005, с. 162 – 163].

Н. И. Формановская квалифицирует этот пример как свидетельство перемены отношений между родственниками – вначале весьма натянутых, а затем явно потеплевших, о чём мы можем судить именно по появившемуся в речи одного из коммуникантов – невестки – обращению *мама*, которое ранее ею в речи со свекровью не использовалось.

Насколько своеобразно в каждой семье могут употребляться типичные для национального языка речевые единицы, в частности – обращения, можно судить и по приводимому далее фрагменту из одного литературного произведения.

В рассказе «Заповедник» А. Г. Битова, который позже стал основой для сценария одноимённого кинофильма, автору удаётся, среди прочего, передать непростое психологическое состояние изображённых в произведении персонажей, в том числе и акцентируя внимание на употреблении различных форм обращения в разговоре матери с сыном:

«— Косулю, можно сказать, ручную убили ...— так же ровно, словно не слушая, говорила Екатерина Андреевна.

— Но, **мама**, мы же...

— Она у меня полгода жила, с тех пор далеко и не уходила. Я на шкуре свой шов узнала.

Сергею Андреевичу стало не по себе.

— Но это же не мы!.. — Он осёкся.

Екатерина Андреевна вдруг повернулась к нему, взяла за плечи и так прямо заглянула в него.

— Не вы... — Екатерина Андреевна побелела. — Ты и убил. Тебя бы судить надо.

— Ну, **мать**, ты уж слишком, — ледяно сказал сын.

— **Мать?** — Екатерина Андреевна зажмуривается как от удара.

— Зачем ты приехал?..

— **Мам**...

— Ты ведь не ко мне приехал, не ради меня...

— **Мама**, что ты говоришь...

— Ну, а если я скажу, что хотела бы иметь внука? Что мне немного осталось жить?

— Это запрещённый приём, **мама**.

— Кто запретил? Кто запретил мне хотеть этого?» (выделено мною. — Б. Ш.) [Битов 1977, с. 165].

В приведённом фрагменте из художественного произведения сын, общаясь с матерью, использует несколько вариантов обращения к ней: **мать** (с оттенком официальности) — **мама** (наиболее нейтральное из данного синонимического ряда) — **мам** (усечённый вариант номинации *мама*, характерный для разговорно-обиходной среды общения). Будучи адресованными одной личности (матери Сергея Андреевича — Екатерине Андреевне), эти номинации выполняют традиционные для обращения функции — *апеллятивную* и *эмоционально-экспрессивную*, однако вторая из функций в

сложившейся коммуникативной ситуации явно преобладает, поскольку смена вариантов обращения знаменует и смену тональности разговора. Вначале Сергей Андреевич стремится всячески сгладить впечатление от совершённого им поступка (о чём свидетельствует его доверительно-интимное обращение к матери – *мама*); затем отстраняется от матери, реагируя на сказанные ею слова с демонстративной холодностью (*ледяно сказал*), употребляя вокатив сугубо официального характера – *мать*; затем вновь пытается расположить мать к себе, наладить с нею отношения, опять используя в разговоре вокатив с позитивной семантикой – *мама* (дважды) и *мам*.

В русской культуре взаимоотношениям детей и родителей: как детей к своим родителям, так и родителей к детям – всегда отводилось особо важное место. Ю. В. Рождественский отмечает, что, в соответствии с правилами народной русской морали, «отношения родителей и детей строятся на любви и исполнении взаимных обязанностей; ... родители должны воспитать и выучить детей; ... дети должны заботиться о родителях и покоить их старость; ... **отношения детей и родителей должны быть скреплены взаимной любовью**» (выделено мною. – Б. Ш.) [Рождественский 2002, с. 14]. В традициях русского семейного уклада – любовь, искренность, высокая духовность общения детей и родителей, на что указывалось ещё в знаменитых памятниках древнерусской литературы, созданных много веков назад.

Так, к примеру, А. Г. Балакай приводит выдержку из одного из самых знаменитых памятников русской литературы XII-го века, «Поучения» Владимира Мономаха, где великий князь Киевский даёт вполне чёткие рекомендации и по организации процесса общения, ссылаясь при этом на святителя Василия Великого: «... как учил святитель Василий Великий: «При старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутёвыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь...» [цитируется по: Балакай 2004-а, с. 4].

Наставления, подобные тем, что содержатся в «Поучениях» Владимира Мономаха, находим и в известном памятнике средневековой русской литературы «Домострой» (XVI-й век.), который традиционно воспринимается как символ патриархальной Руси. В течение почти четырёхсот лет эта книга в домашнем обиходе многих носителей русского языка, представляющих разные социальные слои: дворян, помещиков, купцов, горожан среднего достатка, крестьян и т. д. — служила традиционным путеводителем по домоводству, «**обрядником** всего, что делать и как жить» (выделено мною. — Б. Ш.). Устаревшее для современного языка слово **обрядник** образовано от того же корня, что и слово **обряд**, имеющее значение ‘совокупность установленных обычаев действий, в которых воплощаются религиозные представления или бытовые традиции’, и в данном случае обозначает ‘свод правил, предписывающих, как поступать в тех или иных жизненных ситуациях’ (ср. в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «... **обрядникъ** ... книга съ описаниємъ какихъ либо обрядовъ, чина, церемоній» [Даль 1978, т. II, с. 638])³.

В «Домострое» весьма существенное место в принципе отводится правилам, в соответствии с которыми следовало общаться в разных жизненных ситуациях. Вот, например, какие рекомендации содержатся в нём относительно, говоря современным научным языком, организации межкультурного личностного взаимодействия: «Если случится приветить приезжих людей, торговых ли, иноземцев, иных гостей, званных ли, Богом ли данных: богатых или бедных, священников или монахов, — то хозяину и хозяйке следует быть приветливыми и должную честь воздавать по чину и по достоинству каждого человека. Вежливо и благодарно, ласковым словом каждого из них почтить, со всяким поговорить и добрым словом приветить, да есть и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а с иным и послать

³ Здесь и далее при цитировании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля сохраняется оригинальная орфография этого лексикографического источника, соответствующая нормам, существовавшим в русском языке второй половины XIX-го века.

чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать» [цитируется по: Балакай 2004-а, с. 4 – 5].

Внимание русских людей к общению детей и родителей, которое народная мораль предписывает строить на почитании и уважении старших, отражено во многих русских сказках и других фольклорных произведениях. Например, в известной русской сказке «Битый дурак» родственники главного героя (мать, жена или сестра) постоянно учат его, как приветствовать встречаемых, но он всякий раз попадает впросак и оказывается битым, потому что употребляет очередное заученное приветствие, говоря языком современной науки, **без учёта речевой ситуации**.

В разных вариантах сказки коммуникативные ситуации, в которых следует воспользоваться теми или иными речевыми формулами, меняются, так что синонимический ряд зафиксированных в этом многовариантном произведении приветствий-пожеланий касается практически всех возможных возникающих в жизни вариантов общения. Таким образом, эта русская сказка и сегодня может служить для многих (причём как для детей, так и для взрослых) своеобразным устным «учебником» вежливости.

В трилогия Л. Н. Толстого (включающей повести «Детство», «Отрочество», «Юность»), выбранной нами в качестве основного объекта исследования в диссертации, а также в произведении С. Т. Аксакова (повесть «Детские годы Багрова-внука»), привлекаемого для настоящего исследования фрагментарно, заключена, с нашей точки зрения, **необыкновенно ценная** информация о характере общения детей и родителей в русских дворянских и помещичьих семьях XIX-го века, о тончайших нюансах их коммуникативного взаимодействия, переданных писателями в художественных произведениях с поразительной глубиной, точностью и разнообразием.

3.2. Русская литература как источник сведений о речевом этикете

Приведённые в предыдущем подразделе текстовые примеры с функционирующими в них речевыми формулами – лишь некоторые из многочисленных подтверждений того, насколько ценным материалом является для лингвиста, исследующего речевой этикет, литературно-художественные источники, в том числе и созданные в отдалённые от современного этапа развития языка. Прежде всего это относится к произведениям *русской классической* литературы, однако, безусловно, и к тем, что созданы в настоящий период – современными писателями.

Один из самых авторитетных специалистов в области речевого этикета, А. Г. Балакай, который к тому же является автором одного из немногих лексикографических источников по речевому этикету, также обращает внимание на огромный потенциал непосредственно русской речевой культуры: «Русский народ обладает богатейшей речевой культурой. «Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» в тонкости и деликатности выражений не уступает китайскому, в галантности – французскому, в корректности – английскому, в афористичности и меткости – латинскому и древнегреческому. **К сожалению, это уже приходится доказывать, потому что современная речевая практика, увы, нередко свидетельствует об обратном**» (выделено мною. – Б. Ш.) [Балакай 2004-а, с. 6].

Последняя фраза приведённой цитаты акцентирует внимание на одной характерной особенности современной культурно-языковой ситуации, которую может наблюдать сегодня каждый из нас. С сожалением приходится констатировать, что, наряду с ростом интереса учёных-лингвистов и многих других исследователей-гуманитариев к проблемам речевого этикета, в нашем обществе отчётливо прослеживается и тенденция к падению уровня культуры речи. Эта проблема в настоящее время оказывается актуальной для практически всех групп носителей русской лингвокультуры (и, соответственно, русского языка), в том числе и представителей тех профессий, которые по определению

призваны не только сохранять и поддерживать на высоком уровне речевую культуру, но и пропагандировать её: дикторов телевидения, радио и других средств массовой коммуникации; журналистов, публичных политиков, представителей сферы образования и т. д.

Разумеется, сложившееся положение не могло не отразиться и на сфере собственно речевого этикета – по общему мнению, «русский речевой этикет и речевая культура в целом сегодня, как никогда, нуждаются в сохранении, всестороннем изучении, усиленной и разумной реставрации. Необходимо собирать и беречь веками накопленные сокровища русской вежливости. Это нужно для того, чтобы помнить и понимать речевую культуру предшествующих поколений, чтобы не утратить, может быть, самое главное «отцово знание» – доброе слово, и в конечном счёте для того, чтобы в меру разумения воспользоваться этим наследием для расширения современного языкового поля благожелательности» [Балакай 2004-а, с. 6].

К счастью, хранителем многого из накопленного русской культурой богатства, в том числе и уникальных по своему происхождению и употреблению этикетных формул, остаётся русская классическая литература: блестящей плеяде писателей-классиков, создавших шедевры художественной литературы на русском языке, в своих произведениях удалось отобразить мир русского общества в различные исторические периоды во всей его полноте и глубине.

Именно эти образцы художественной словесности, помимо *эстетического* содержания, которое обуславливается их принадлежностью к словесному виду искусства, вмещают в себя и информацию сугубо *познавательного* характера – в частности, сведения о том, насколько бережно и подчас трепетно относились наши предки, говоря современным языком, к организации процесса межличностного общения с любым из собеседников, будь то родственник или незнакомый человек, много старший либо значительно младший, равный по служебному положению или выше (ниже), человек той же веры или иноверец и т. д.

Классические литературно-художественные произведения воссоздают для нас картины жизни минувших эпох, образно передают не только особенности быта предшествующих времён, характерные особенности как повседневного, так и официального существования наших предков, но и содержат информацию *о духовном своеобразии* прошлого, его *морально-этических устоях*. Из произведений художественной литературы мы узнаём и о том, как именно (в том числе – и в каких регистрах, в какой тональности, обращаясь к каким речевым формулам и т. д.) общались между собой наши предки, что было при этом наиболее важным для них, чему уделялось первостепенное внимание и т. д. Примечательно, что литературно-художественные произведения расширяют наши познания не только о речевом этикете, но и об этикете в целом, неотъемлемой составляющей которого, как уже было продемонстрировано, является речевой этикет.

Например, в одном из «Уральских сказов» П. П. Бажова – «Медной горы Хозяйка» – находим такое описание одной из героинь: *«Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спина к парню, а по косе видать – девка. Коса иссиза-чёрная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зелёные»* [Бажов 1987, с. 55]. Внимательного читателя обязательно заинтересует выражение «по косе видать – девка», которое может быть правильно понято лишь с учётом принятых в изображаемое в произведении время норм крестьянского этикета.

Для прежнего времени коса, которую мы видим у героини сказа, являлась своего рода *социальным этикетным знаком*, свидетельствующим о принадлежности её обладательницы к незамужним женщинам. Волосы, заплетённые у девушки в одну косу, – старинный знак девичества, и в крестьянской среде ему следовали неуклонно; за этим знаком был закреплён целый ряд социальных установок, предписаний и т. д. – в частности, о том, что может и чего не может себе позволить её обладательница (например, незамужней девушке можно было ходить на вечеринки, петь и танцевать с парнями, разрешить проводить себя до дому и т. д.). Когда же незамужняя

девушка становилась замужней женщиной, вследствие чего её социальный статус менялся, менялся и этикетный знак её положения – одну косу расплетали на две и обвивали вокруг головы (социально-этикетный знак замужества). При этом изменялось и отношение окружающих к замужней женщине: ей уже нельзя было веселиться на вечеринках, а парням – провожать её до дому. К тому же замужней женщине нельзя было и «опростоволоситься» – появиться на людях с «простыми», т. е. не покрытыми головным убором, волосами (на основе именно этого, прямого, значения у данного слова сформировалось и более распространённое в современном языке переносное значение – ‘оказаться в неловком, неприятном, иногда даже постыдном положении’.

Знание правил поведения, в том числе и поведения коммуникативного, обхождения всегда считалось в русском обществе обязательным качеством для того, кто занимает или намерен занять высокое положение в обществе. Эта давняя традиция русской культуры, среди прочего, нашла художественное отражение и в знаменитых стихотворных сказках А. С. Пушкина.

Например, в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» старик, хотя и с неохотой, и даже испытывая при этом стыд, покорно ходит к рыбке, чтобы исполнить очередную прихоть старухи. И только однажды он не вытерпел и возразил старухе, пожелавшей стать царицей, осознавая, что царственной особе, на статус которой старуха претендует, нужно уметь вести себя совсем иначе, в том числе и в совершенстве владеть навыками *речевого поведения* в любых ситуациях (и, соответственно, знанием о том, какие речэтикетные формы – наряду с этикетными – в каждой из этих ситуаций могут быть использованы):

Испугался старик, взмолился:

«Что ты, баба, белены объелась?

Ни ступить, ни молвить не умеешь,

Насмешишь ты целое царство» (выделено мною. – Б. Ш.) [Пушкин 1974, с. 140].

А вот в героине другой пушкинской сказки – царевне из «Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях» – братья-богатыри узнают особу знатного

происхождения сразу, без расспросов о том, кто она такая и откуда. Об этом им тоже «сообщают» характерные признаки речевого поведения незнакомки в сочетании с манерой её поведения в целом: они моментально дают понять окружающим, что перед ними представительница царского рода:

И царевна к ним сошла,

Честь хозяям отдала,

В пояс низко поклонилась;

Закрасневшись, извинилась,

Что-де в гости к ним зашла,

Хоть звана и не была.

Вмиг по речи те спознали,

Что царевну принимали... (выделено мною. – Б. Ш.) [Пушкин 1974, с. 88].

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), с именем которого связано становление и развитие в литературе жанра *автобиографической* повести, в своих произведениях всегда отводил значительное место описанию жизненного уклада изображаемых представителей русского общества – различных его социальных слоёв, но прежде всего помещиков и дворян. В 1856-ом году вышла в свет его автобиографическая повесть «Семейная хроника» – произведение, которое было высоко оценено читателями-современниками, причём не только взрослыми, но и юными.

«Семейная хроника» С. Т. Аксакова – образец так называемой *усадебной* хроники (жанровая разновидность, характерная прежде всего для русской литературы), составленная на основе семейных преданий и рассказов представителей нескольких поколений династии Багровых. «Простота повествования, обилие ярких фактов, интересных событий и занимательных подробностей, прямолинейный сюжет без отклонений от основной линии, композиционная стройность делают «Семейную хронику» книгой интересной и доступной детям среднего возраста. Поэтому она вошла в круг детского чтения ещё при жизни писателя» [Сетин 1990, с. 274–275].

В 1858-ом году выходит продолжение «Семейной хроники» – не менее известная книга С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», второе из произведений, реализующих замысел писателя о художественном изображении истории русской дворянской семьи (позднее этот замысел оформился в трилогию, в которую, помимо двух указанных произведений, вошло ещё и третье – «Воспоминания» (1856). Примечательно, что при работе над этой книгой авторский замысел существенно расширился и трансформировался, в результате чего возникла книга, описывающая жизнь ребёнка от младенчества до девятилетнего возраста на фоне тщательно воссозданного быта русской усадьбы конца XVIII-го века и изображения грандиозных по степени одухотворенности картин природы.

Повесть «Детские годы Багрова-внука» в словесно-художественной форме изображает личность ребёнка в её *психологическом становлении*, иными словами – эстетически воплощает процесс *формирования* и *развития* юной души (вначале ребёнка, затем – подростка). Эта традиция – традиция психологического анализа образа юного человека через автобиографический материал – впоследствии была закреплена и существенно дополнена в русской литературе многими выдающимися мастерами слова – в первую очередь Л. Н. Толстым в его знаменитой трилогии о Николеньке Иртеньеве.

В 1851-ом году состоялось путешествие Льва Николаевича Толстого на Кавказ. В этот момент там шли ожесточённые бои с горцами, в которых писатель принимал участие, не прерывая плодотворной творческой работы. Как отмечал сам Л. Н. Толстой, именно в этот момент пришла в голову идея создания романа о духовном росте и личностном развитии человека.

Первое произведение, реализующее задуманный им замысел, – повесть «Детство» – Лев Николаевич Толстой отправляет своему редактору уже летом 1852-го года; в 1854-ом году была напечатана вторая часть трилогии – повесть «Отрочество», а через три года третья часть – повесть «Юность». К сожалению, замысел о создании четвёртой части автобиографической трилогии, которую писатель предполагал назвать «Молодость», так и остался нереализованным.

В основе сюжета всей трилогии – разные периоды жизни **Николая Иртеньева**, дворянина из знатного рода, который пытается обрести смысл существования, в том числе и старается выстроить максимально, по его мнению, гармоничные отношения с окружающими. В характеристиках главного героя прослеживается явная автобиографичность, поэтому процесс обретения духовной гармонии особенно важен для читателя, находящего в произведении явные параллели с судьбой самого Льва Николаевича Толстого.

В повести «Детство» Николенька Иртеньев предстает скромным ребёнком, в жизни которого происходят не только радостные, но и печальные события. В этой части писатель, по его собственным словам, стремился максимально раскрыть идею диалектики души.

Повесть «Отрочество» начинается с мыслей главного героя, посетивших его после смерти матери, любимой им любимой маменьки. В этой повести главный персонаж затрагивает достаточно серьёзные философские вопросы: о богатстве и бедности, о близости и утрате, о ревности и ненависти и о многом другом, что, казалось бы, должно ещё не особенно волновать подростка.

Финал трилогии – повесть «Юность», сюжет которой начинается с 16-го года жизни Николая Иртеньева (он готовится к поступлению в университет), – преимущественно посвящён художественному воплощению попыток главного героя выбраться из лабиринта внутренних противоречий юношеского возраста. Взрослеющий Николай сталкивается здесь с первыми любовными тревогами, нереализованными мечтами, последствиями тщеславия; его планы относительно нравственного совершенствования оказываются по большей части несостоятельными на фоне праздного и мелочного образа жизни.

Безусловно, при воссоздании быта русской дворянской семьи писатель не мог не затронуть и сферу этикетных отношений её членов, в которую входят и правила общения, каких необходимо было придерживаться в различных коммуникативных контекстах, в том числе и правила использования характерных для тех или иных ситуаций речэтикетных формул (в частности, номинаций, используемых коммуникантами по отношению друг к другу, т. е.

вокативов). В упомянутых произведениях Льва Николаевича Толстого мы находим необыкновенно ценную информацию об общении детей и родителей в дворянских семьях XIX-го века, о тончайших нюансах осуществляемого коммуникативно-речевого взаимодействия, переданных писателем с поразительной психологической глубиной.

Во многих произведениях выдающегося классика русской литературы (не только в трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность», которая является основным объектом исследования в нашей диссертационной работе) обнаруживается весьма «выгодный» для исследования с речезыкетных позиций материал. Так, в частности, одно из самых значительных творений Л. Н. Толстого – роман-эпопея «Война и мир» – уже неоднократно привлекало внимание исследователей как коммуникативно-речевых процессов в принципе, так и собственно речевого этикета. Ср., к примеру, комментарий В. Е. Гольдина к приводимому далее фрагменту из знаменитого романа-эпопеи:

«Эх, неизбежно!» – подумал Николай в первый и последний раз. И вдруг самым небрежным тоном, таким, что он сам себе гадок казался, как будто он просил экипажа съездить в город, он сказал отцу:

*– **Папá**, а я к вам за делом пришёл. Я было и забыл. Мне денег нужно.*

– Вот как, – сказал отец, находившийся в особенно весёлом духе. – Я говорил тебе, что не достанет. Много ли?

– Очень много, – краснея и с глупой, небрежной улыбкой, которую он долго потом не мог себе простить, сказал Николай. – Я немного проиграл, то есть много, очень даже много, сорок три тысячи.

– Что? Кому?.. Шутить! – крикнул граф, вдруг апоплексически краснея шеей и затылком, как краснеют старые люди.

– Я обещал заплатить завтра, – сказал Николай.

– Ну!.. – сказал старый граф, разводя руками, и бессильно опустился на диван.

– Что же делать! С кем это не случилось, – сказал сын развязным, смелым тоном, тогда как в душе своей он считал себя негодяем, подлецом,

который целою жизнью не мог искупить своего преступления. Ему хотелось бы целовать руки своего отца, на коленях просить его прощения, а он небрежным и даже грубым тоном говорил, что это со всяким случается.

Граф Илья Андреич опустил глаза, услышав эти слова сына, и заторопился, отыскивая что-то.

Да, да, – проговорил он, – трудно, я боюсь, трудно достать... с кем не бывало! да, с кем не бывало... – И граф мельком взглянул в лицо сыну и пошёл вон из комнаты... Николай готовился на отпор, но никак не ожидал этого.

***Папенька! па...пенька!** – закричал он ему вслед рыдая, – простите меня! – И, схватив руку отца, он прижался к ней губами и заплакал»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Гольдин 1983, с. 70].

И вот какой комментарий к описанной сцене находим у В. Е. Гольдина в уже упоминаемой нами книге «Речь и этикет»: «В романе «Война и мир» Толстой ввёл нас в круг семьи Ростовых. Старого графа Илью Андреевича Ростова дети зовут **папенькой**, и это слово хорошо выражает доверительную близость и эмоциональность в отношениях родителей и детей. Со старшим сыном Николаем происходит несчастье: он проиграл в карты огромную сумму и знает, что это ставит семью в очень трудное положение. ... Обратите внимание на то, как с помощью обращений **папá** и **папенька**, начинающих и заканчивающих диалог [в сцене объяснения по означенному поводу отца и сына – Б. Ш.], автор «Войны и мира» достигает удивительной точности в передаче состояния Николая. Холодноватым **папá**, принятым в аристократических семьях, но необычным у Ростовых, Николай пытается придать разговору ту меру приличной отчуждённости, которая не позволит коснуться истинного значения проигрыша для близких и при которой проигрыш можно представить хотя и неприятным, но обычным событием» (выделено мною. – Б. Ш.) [Гольдин 1983, с. 70 – 72].

Не менее интересный материал для исследования особенностей коммуникативно-речевого взаимодействия в целом и речевого этикета в частности мы находим и у писателей нашего времени – например, у

современного писателя Валентина Григорьевича Распутина, известного как знаток фольклора, жизненного уклада и традиций сибирской деревни. В рассказе «Век живи – век люби» писатель мастерски передаёт весьма своеобразное отношение персонажа к адресованному ему обращению:

«– Дядя Митяй, вам, наверно, три рубля надо. Я могу дать, у меня есть.

Митяй, всматриваясь в Саню возрождающимся взглядом, пуце прежнего поморщился и отвечивал:

– Ты корову тёткой не зовёшь?

– Зачем?

– То-то и оно... зачем?.. Митяй – кличка, как у быка. Кто ж кличку дядькает? Зови, как все, Митяй, чего там... не подавлюсь.

– А вообще-то как тебя зовут? – Саня не решился сказать «вас». но они и вправду знакомы были давно, и «ты» у Сани по-свойски проскакивало и раньше.

– Митяй. Так и зовут. Хошь – спроси у моей мамы, она умерла сто лет назад» (выделено мною. – Б. Ш.) [Распутин 2008, с. 32].

Небольшой по объёму фрагмент из прозаического произведения содержит очень ценную информацию и для исследователя речевого этикета – по крайней мере по двум проблемам: отношение к употребляемому в общении вокативу адресанта и адресата, которое в данном случае не совпадает; и влияние на процесс коммуникации характерного для русского языка *ты*- и *вы*-общения, которое в описываемой речевой ситуации тоже оценивается коммуникантами по-разному.

В других произведениях Валентина Распутина мы также находим очень интересные для лингвиста размышления – как, например, рассуждения (в речи героини рассказа – старухи) об употреблении вариантов личных имён в рассказе «Последний срок»: *«То, что Таньчора хотела сказать ей [в письме. – Б. Ш.], она говорила не через кого-то, а прямо, как бы видя перед собой мать, она не писала «скажите маме», она писала: «мама моя», и это ласково-призывное и одинокое «мама моя!» заставляло старуху замирать от счастья и страха; она чувствовала, как от этих слов по её телу скользят прямые холодные иголки.*

Старуха не помнила, чтобы Таньчора так называла её дома – нет, не потому, что не помнила, а потому, что не называла: эти слова не забудет даже самая беспамятная мать. Значит, дочь нашла их для неё уже там, на чужой стороне...» [Распутин 2008, с. 87].

В романе Г. В. Семёнова «Лизавета» заслуживают внимания весьма любопытные рассуждения – изложенные в соответствии с требованиями литературно-художественных жанров – о том экспрессивно-эмоциональном потенциале, которым отличаются различные варианты личных имён, используемые для номинации адресата, и о том (представляется, что это особенно важно), какое отношение к собеседнику вкладывается в них адресантом в каждом конкретном случае, с одной стороны, и какое впечатление производит такое употребление на получателей информации, с другой: *«Всего второй год, как пришла работать в этот институт, а всем, кто давно работает здесь, кажется, что она чуть ли не ровесница им или, точнее сказать, все они чувствуют себя ровесниками этой милой молоденькой женищины, понимая себя в самом деле «ребятами», когда она обращается к ним, разменявшим кто четвёртый, а кто и пятый десяток, с этим неизбежным приятным словечком: «ребята». Всех она называет на «ты» и просто по имени за исключением, конечно, начальства.*

*– А я не люблю называть по отчеству, – говорит она, отмахиваясь от очередной человеческой глупости. – По-моему, невкусно. А потом, у меня язык так устроен, что я не могу, если нескладное какое-нибудь, неподходящее имя и отчество, я не могу выговорить. А для меня все они нескладные. Могу, только если **Ивановичи**. А остальные – не могу произносить. Да и зачем лишнее усилие? Я ж не говорю: **Васька, Петька, Колька**... А говорю: **Вася** или **Васенька**. Я никогда не обижу человека. На меня ещё никто не обижался... Кроме дураков. А тех я вообще никак не называю. Здравствуйте – и всё. Зачем мне их нужно как-то называть. У них одно имя – дурак. Если я когда-нибудь буду старухой, я так и буду их называть: эй, дурак, поди сюда. А сейчас не имею права»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Семёнов 1981, с. 115].

Впрочем, эстетически осмысленная во фрагменте из произведения писателя конца XX-го века Г. В. Семёнова «Лизавета» манера взаимоотношений коммуникантов в процессе общения, конечно же, не может быть квалифицирована как единственно верная и бесспорная. В речи известных людей, которые, несомненно, принадлежат к числу состоятельных (сильных) языковых личностей и являют собой лучшие образцы носителей русской речевой культуры, можно нередко встретить и другую, противоположную изложенной выше, точку зрения.

Так, например, в воспоминаниях Натальи Иосифовны Ильиной об известном учёном-языковеде А. А. Реформатском находим следующее: *«С лифтёршами нашего дома, со сторожами, слесарями, гардеробщиками и гардеробщицами – говорил не менее уважительно, чем с людьми, занимавшими «посты». И всегда по имени-отчеству. Не помню, чтобы он кому-нибудь сказал «здравствуйте» или «до свидания», не добавив имени-отчества. Мы с ним жили в писательских Домах творчества, и Александра Александровича коробило, когда он слышал, как некоторые члены Союза писателей позволяют себе обращаться на «ты» к уборщицам, нередко пожилым, называя их «Катями» и «Машами». Сам он обращался без отчества лишь к тем, кто был его много моложе (да и то, если они сами об этом просили!), и к тем, кто его давно знал...»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Ильина 2016, с. 119].

В ряде произведений современных писателей, а также авторов второй половины XX-го столетия мы наблюдаем явную установку на **обыгрывание** в художественном тексте (в том числе и с опорой на различные принципы языковой игры) существующих вариаций имени-антропонима, используемых в функции обращения. Например, в рассказе «Гришка Хват» Г. Н. Троепольского встречаем:

«– Гляди, Акимыч, Петька бегом к нам побежал... Что за оказия?»

Действительно, Петька торопливо бежит, придерживая одной рукой зайца. Вот он уже близко и на бегу кричит:

– Дедушка! **Владимир Акимович!** Там... Там два дерева ... срублены... большие!» (выделено мною. – Б. Ш.) [Троепольский 1985, с. 21].

В данном случае наблюдается естественная дифференциация форм обращения, обусловленная различным возрастом употребляющих эти обращения лиц, которые вполне ожидаемо опираются на существующие в русском языке речевые модели обращений-вокативов: *стяжѣнная форма отчества (Акимыч)* употреблена пожилым колхозником, хотя и по отношению к агроному значительно моложе его; подросток же обращается к взрослому человеку *по имени и отчеству (Владимир Акимыч)*, что является в данном случае вполне традиционной формой обращения к собеседнику.

Подобного рода замечания – по поводу уместного либо неуместного употребления той или иной формы личного имени в функции вокатива могут присутствовать и в авторской речи – ср., например, как это отражено в рассказе «Долгие крики» Юрия Казакова: *«Устроился я прекрасно, в каюте под рубкой, по левому борту, хозяином которой был сероглазый Щербина, – которого все звали Афанасьичем, хоть и был он молод, лет двадцать пять, наверное»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Казаков 1963, с. 19].

Наконец, литературные произведения – в особенности это относится к лучшим образцам классической литературы – позволяют современным исследователям расширить, уточнить и т. д. представления о функционировании литературных норм в различные периоды существования русского языка, в том числе и, безусловно, норм речевых этикетного характера.

Так, в предыдущем разделе было отмечено, что употребление большинства суффиксальных производных от имён-антропонимов в современном литературном языке возможно лишь в функции обращений и невозможно в контекстах описательного характера. Однако в произведениях русских классиков мы находим личные имена, представляющие собой явные суффиксальные образования от их полной формы, в том числе и в текстах описательного характера, то есть в той функции, которая в современном языке практически утратилась. В произведениях А. П. Чехова (например, «Степь»)

таким именем является антропоним *Егорушка* (образовано при помощи суффикса субъективной оценки **-УШК-** от полного имени *Егор*); в произведениях Л. Н. Толстого – имя *Николенька* (образовано при помощи суффикса субъективной оценки **-ЕНЬК-** от полного имени *Николай*) и т. д. Это даёт основания для утверждения, что «богатая суффиксация русского имени (и наименовании родства) формировалась именно в сфере обращения для создания разнообразного и гибкого контакта с собеседником в различной тональности и применяется в коммуникативном режиме речи» [Формановская 2005, с. 166].

Приведённые выше сведения позволяют заключить, что материал русской классической литературы может быть использован в том числе и для некоторых лингвистических построений *теоретического* свойства применительно к русскому языку в его диахроническом развитии, а также в отношении русской лингвокультуры.

Подобного характера наблюдения и умозаключения позволяют теоретически осмыслить ряд процессов в русском языке, отражающих поступательное его движение, и отметить те изменения, которые происходят не только в речевых сферах, но и в области других, традиционно выделяемых в языковой системе уровней (в данном случае – *синтаксического* и *текстового*).

3.3. Семейная коммуникация в русских дворянских семьях XIX-го века, отражённая в литературно-художественных произведениях

3.3.1. Общение родителей с детьми: речевые аспекты

От характера отношений между детьми и родителями во все времена зависело очень многое, в том числе и то, насколько успешен будет повзрослевший ребёнок в дальнейшей коммуникации – как с родными и близкими ему людьми, так и с незнакомыми. Эту истину очень хорошо осознавали в русских дворянских семьях, поэтому общение родителей с ребёнком не только всегда предполагало неременное **расположение** взрослых

к младшим, выражавшееся в доброте, терпении и любви по отношению к ним, – но и организацию коммуникативного взаимодействия старших и младших по определённым правилам, которых все члены семьи должны были придерживаться весьма строго и практически повсеместно.

Безусловно, в данном случае для детей в семье большую роль играл личный пример родителей – та манера общения, которую использовали в общении между собой взрослые родственники детей, и прежде всего – отец с матерью. Подобный пример «выстраивания» семейных отношений между родителями, воспринимаемый глазами ребёнка, главного героя трилогии, с высоким уровнем художественного мастерства воплощён в повести Л. Н. Толстого «Детство», в начальной части произведения (до момента ухода из жизни матери маленького Николая). Повесть включает всего несколько эпизодов общения отца и матери Николеньки Иртеньева, однако по ним вполне можно судить о том, какую тональность в общении друг с другом они предпочитали. Приводимые далее фрагменты текста, с нашей точки зрения, позволяют составить об этом достаточно полное представление:

*«– Ах, не говори этого, **мой друг**, – прервала его татап, как будто испугавшись чего-нибудь, – почём ты знаешь?»;*

«– Знаешь, что́ я сейчас решил? – сказал он весёлым голосом, положив руку на плечо татап.

*– Что, **мой друг**?»;*

«Папа́ обнял татап и несколько раз поцеловал её.

*– Полно, **мой дружок**, сказал папа, – ведь не навек расстаёмся.*

– Всё-таки грустно! – сказала татап дрожащим от слёз голосом» (во всех случаях выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 19; с. 22; с. 41 – 42].

В русских дворянских семьях XIX-го века обращение *милый друг* и его различные вариации (*любезный друг*, *бесценный друг* и под.), употребляемое в своём исходном значении, было широко распространено как в семейной, так и в целом в светской коммуникации. А. Г. Балакай, в своём «Словаре русского речевого этикета», характеризует его следующим образом: «**Мой друг** (♦ Друг

мой) ... Приветливое обращение к близкому знакомому или родственнику, равному или младшему по возрасту (В препозиции обычно – *возвышенное*.) **В XIX в. было широкоупотребительно как в мужской, так и в женской речи;** в советской и постсоветский период употребляется значительно реже, в возвышенных или фамильярно-снисходительных мужских обращениях к другу, знакомому» (выделено мною. – Б.Ш.) [Балакай 2001-а, с. 155]. Из процитированного комментария следует, что данная речевая формула (*мой друг*) в современный период функционирования языка по сравнению с XIX-ым веком подверглась существенным – как семантическим, так и стилистическим – трансформациям: будучи полтора-два века назад широкоупотребительной как нейтральная по своей стилистической окрашенности номинация (причём как в мужской, так и в женской речи), она значительно утратила свою популярность в XX-ом и XXI-ом веках, перейдя при этом из активного словарного запаса в пассивный и изменив стилистическую окраску (в XX-ом веке данная номинация стала употребляться и в *фамильярно-снисходительном* значении, что практически не было ей свойственно в рассматриваемый нами период).

Наиболее полно и многогранно все семантико-стилистические особенности обращения *мой друг*, его полифункциональность в произведении Л. Н. Толстого «Детство» продемонстрированы, безусловно, в письме матери Николеньки Иртеньева к своему мужу (глава XXV «Письмо»), которое фрагментарно (с цитированием тех абзацев эпистолярного текста, где функционируют интересующие нас речевые формулы) приводится далее.

«Пожалуйста, не пугайся, милый друг: я чувствую себя довольно хорошо и, если Иван Васильевич позволит, завтра думаю встать. ...

Вот тебе, мой друг, подробный отчёт в том, как я занемогла и как сама в том виновата. ...

Ты так добр, милый друг, что из страха огорчить меня скрываешь настоящее положение своих дел; но я догадываюсь: верно, ты проиграл очень много, и нисколько, боюсь тебе, не огорчаюсь этим; поэтому, если только

дело это можно поправить, пожалуйста, много не думай о нём и не мучь себя напрасно. ...

*Не знаю, **милый друг**, согласишься ли ты со мною; но во всяком случае умоляю тебя, из любви ко мне, дать мне обещание, что, покуда я жива и после моей смерти, если богу угодно будет разлучить нас, этого никогда не будет. ...*

*Прощай же, **милый друг**, не беспокойся, пожалуйста, ни о моей болезни, ни о своём проигрыше; кончай скорей дела и приезжай к нам с детьми на целое лето. ...*

*Я не могу писать больше от слёз. Может быть, я не увижу тебя, благодарю же тебя, **мой бесценный друг**, за всё счастье, которым ты окружил меня в этой жизни; я там буду просить бога, чтобы он наградил тебя. Прощай, **милый друг**; помни, что меня не будет, но любовь моя никогда и нигде не оставит тебя. Прощай, **Володя**, прощай, **мой ангел**, прощай **Веньямин – мой Николенька**» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 78 – 82].*

Письмо было написано Натальей Николаевной Иртеньевой уже в период тяжёлой скоропостижной болезни, которая и стала причиной её ухода из жизни. Предчувствуя свой скорый конец, женщина по сути писала мужу и всем своим самым дорогим людям письмо прощания, стараясь, с одной стороны, успокоить их, с другой – максимально выразить свою любовь и нежность; в значительной степени способствовать воплощению этой семантики, прежде всего эмоционального свойства, призваны многократно употребляемая в речи адресанта речевая формула **милый друг** и ряд синонимичных ей других (**мой друг**, **мой бесценный друг**, **мой дружок**, **мой ангел**), у которых актуализированы *фатическая* и *эмоциональная* функции.

Примечательно, что тональность письма остаётся позитивной на протяжении всего текста, хотя оно содержит и явную тревогу по поводу будущего детей и даже завуалированные своего рода упреки мужу в связи с его страстью к карточным играм.

Наиболее частотным в письме является обращение **милый друг** (употреблено **пять** раз) – «ласковое или интимное обращение к близкому,

любимому человеку», по определению А. Г. Балакая [Балакай 2001-а, с. 154]; помимо этого в письме также функционируют адресованные мужу уже рассмотренный вокатив *мой друг* и обращение-вокатив с самой высокой степенью экспрессии – *мой бесценный друг*. Таким образом, в эпистолярном тексте функционирует **7-компонентная** система адресованных мужу героини обращений-вокативов, которая дополняется **тремя** речевыми единицами, адресованными детям в заключительной фразе текста: *Володя, мой ангел, Веньямин – мой Николенька*. В совокупности эта система речевых формул образует, как представляется, совершенно уникальный эмоционально-смысловой каркас текста, передающий необыкновенно высокую степень его экспрессии и выраженной фатической окрашенности. В данном случае основными функциями используемых речевых формул, безусловно, становятся именно *фатическая* и *эмоционально-экспрессивная*, причём последняя носит исключительно позитивный характер.

Обращение *мой друг* или же ещё более интимизированное, свойственное преимущественно разговорному стилю – *мой дружок* – нередко использовалось и в общении взрослых с детьми, как с собственными, так и с чужими – ср. приводимые далее примеры:

«Папа́ читал что-то и на вопрос мой «Бывают ли синие зайцы?», не поднимая головы, отвечал: «Бывают, мой друг, бывают» (фрагмент общения Николеньки с отцом) [Толстой 1986, с. 31].

«Сонечка улыбнулась, покраснела и сделалась так мила, что я тоже покраснел, глядя на неё.

– Надеюсь, ты не будешь скучать у меня, мой дружок, – сказала бабушка, приподняв её личико за подбородок, – прошу же веселиться и танцевать как можно больше. Вот уж и есть одна дама и два кавалера, – прибавила она, обращаясь к 2-же Валахиной и дотрагиваясь до меня рукой» (обращение бабушки детей Иртеневых к Сонечке, дочери госпожи Валахиной) [Толстой 1986, с. 65].

«А, ты здесь! – сказала, поворачиваясь в своём кресле, бабушка. – Иди же,

мой дружок, иди» (обращение к Николеньке его бабушки) [Толстой 1986, с. 72];

«– Нет, *друг мой*, играй почаще, – сказал он [отец] дрожащим от волнения голосом – коли бы ты знала, как мне хорошо поплакать с тобой...» (обращение отца к дочери – сестре Николая Иртеньева Любе) (в обоих случаях выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 158].

Нередко в непринуждённо-обиходном общении при обращении к детям взрослые использовали неофициальные либо же явно субъективно-оценочные варианты их личных имён: *Катя, Любочка, Николенька* и подобные:

«– Ну, покажи же, *Николенька*, что у тебя – коробочка или рисованье? – сказал мне папа» [Толстой 1986, с. 50];

«– Нет, играй, *Люба*, играй, – сказал он [отец], усаживая её, – ты знаешь, как я люблю тебя слушать...» (в обоих случаях выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 158].

Данное словосочетание в качестве речевой формулы – причём формулы устойчивой, фразеологизированного характера – также включено в «Словарь русского речевого этикета» А. Г. Балакай: в соответствующей словарной статье («Ангел») это значение зафиксировано под номером 2: «2. Преимущественно в сочетании ♦ *Ангел мой* (♦ *Мой ангел*). ... Ласковое обращение к близкому, любимому человеку, младшему или равному по возрасту, чаще к женщине, девушке, ребёнку. [Калька с франц. *mon ange*]» [Балакай 2001-а, с. 24]. Примечательно, что данное значение снабжено в словаре значком «песочные часы», который используется автором в нескольких функциях, в том числе и «для указания устаревших или устаревающих слов и выражений, а также их семантических вариантов» [Балакай 2001-а, с. 19]. И, конечно же, нельзя не обратить внимание на то, что в корпусе иллюстративного материала данного значения присутствует в том числе и текстовый пример из одной части рассматриваемой нами трилогии Льва Николаевича Толстого, причём именно из повести «Детство»: «Бабушка заговорила трогательным, нежным голосом: «Поди сюда, мой дружок, подойди, мой ангел». Л. Толстой. Детство. А красивая дама томно стонала, прижимая тонкий кружевной

платок к глазам: – *Ах, Трилли, ах, боже мой!.. Ангел мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляет.* А. Куприн. Белый пудель» [Балакай 2001-а, с. 24].

В повести Л. Н. Толстого «Детство» в общении взрослых с детьми фигурируют и некоторые другие речевые формулы – например, обращение с явно повышенной экспрессией *мой ангел*, которое использует по отношению к дочери находящаяся на балу у Иртеньевых госпожа Валахина:

«... я, не смея следовать за ним, подошёл, с любопытством, прислушиваться к тому, что говорила Валахина с дочерью.

– Ещё полчаса, – убедительно говорила Сонечка.

– Право, нельзя, мой ангел.

– Ну для меня, пожалуйста – говорила она, ласкаясь» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 74].

Рассмотренные выше речевые формулы, у которых отчётливо выражена позитивная семантика, хотя и свойственная каждой их используемых номинаций в разной степени, как представляется, можно считать проявлением общего процесса, характерного для культурно-общественного процесса XIX-го века и обусловленного влиянием западного культурного контекста. Описывая особенности общественной культурной ситуации на рубеже XVIII – XIX-го веков, известный культуролог и лингвист Ю. М. Лотман замечает: «Изменение общего стиля культуры отразилось на самых разнообразных сторонах быта.

Стремление к «естественности» прежде всего оказало влияние на семью.

... Руссо сказал однажды, что мир погиб бы, если бы каждый человек раз в жизни не был ребёнком... И постепенно в культуру входит представление о том, что ребёнок – это и есть нормальный человек. Появляется детская одежда, детская комната, возникает представление о том, что играть – это хорошо. Не только ребёнка, но и взрослого надо учить, играя. Учение с помощью розги противоречит природе.

Так, в домашний быт вносятся отношения гуманности, уважения к ребёнку. И это – заслуга в основном женщины. Мужчина служит. В молодости

он – офицер и дома бывает редко. Потом он в отставке, помещик – в доме наездами, всё время занят хозяйством или на охоте. Детский же мир создаёт женщина» [Лотман 1996, с. 53 – 54]

Впрочем, иногда явно позитивные по своему исходному значению речевые формулы, обращённые родителями к детям, в условиях литературно-художественного контекста приобретают в трилогии Л. Н. Толстого явно *ироничный* или даже отчётливо *негативный* стилистический оттенок, будучи в подобных ситуациях средствами выражения уже совсем иных, чем охарактеризованные ранее (в случаях их изначального употребления), чувств и эмоций говорящего. Наиболее показательными примерами такого рода можно, на наш взгляд, считать художественно запечатлённое общение бабушки с внуком и отца с сыном в одном из сюжетных компонентов повести «Отрочество» (главы XIV – XVI: «Затмение», «Мечты», «Перемелется, мука будет»), где описывается один из самых драматичных для главного героя трилогии жизненных моментов, когда ему весь окружающий мир представляется исключительно враждебным, настроенным против него. Вот как Николай говорит о своём состоянии в этот период его жизни: *«Я не плакал, но что-то тяжёлое, как камень, лежало у меня на сердце. Мысли и представления с усиленной быстротой проходили в моём расстроенном воображении; но воспоминание о несчастье, постигшем меня, беспрестанно прерывало их причудливую цепь, и я снова входил в безысходный лабиринт неизвестности о предстоящей мне участи, отчаяния и страха»* [Толстой 1986, с. 137]. В такое душевное состояние главный герой трилогии Л. Н. Толстого погрузился после достаточно серьёзного конфликта со своим гувернёром St.-Jérôme'ом, при всех упрекнувшим своего воспитанника в дурном отношении к учёбе (Николай получил единицу на занятиях с домашним учителем), но и в дурном же поведении, а затем взявшим мальчика за руку, чтобы увести его «из общества» и тем самым наказать его, после чего Николай вырвал у гувернёра свою руку и, «изо всех детских сил», по его собственному выражению, ударил St.-Jérôme'a.

Через некоторое время последовала бурная сцена выяснений отношений с бабушкой, полностью находящейся на стороне St.-Jérôme'a и потребовавшей от Николая объяснений по поводу его крайне недостойного, с её точки зрения, поведения. Обращаясь к внуку, она неоднократно использует речевую формулу *мой милый*, которая в своём исходном значении ориентирована на выражение симпатии, расположения ласкового и дружелюбного отношения к собеседнику – т.е. исключительно на реализацию *фатической* функции, сопровождаемой выражением позитивных эмоций и чувств говорящего. Однако в данном контексте эта номинация, используемая в позиции вокатива, становится средством неодобрения и порицания мальчика за совершённый проступок, способом подчеркнуть резкое неприятие говорящим содеянного собеседником, которое и стало причиной дистанцирования от последнего как самой бабушки, так и всех взрослых: «— Да, *мой милый*, – сказала она после довольно продолжительного молчания, во время которого она осмотрела меня с головы до ног таким взглядом, что я не знал, куда девать свои глаза и руки, – могу сказать, что вы очень цените мою любовь и составляете для меня истинное утешение. Monsieur St.-Jérôm, который по моей просьбе, – прибавила она, растягивая каждое слово, – взялся за ваше воспитание, не хочет теперь оставаться в моём доме. Отчего? от вас, *мой милый*. Я надеялась, что вы будете благодарны, – продолжала она, помолчав немного и тоном, который доказывал, что речь её была приготовлена заблаговременно, – за попечение и труды его, что вы будете уметь ценить его заслуги, а вы, молокосос, мальчишка, решились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что вы не способны понимать благородного обращения, что на вас нужны другие, низкие средства... Проси сейчас прощения, – прибавила она строго-повелительным тоном, указывая на St.-Jérôm'a, – слышишь?» [Толстой 1986, с. 141].

В данном фрагменте, помимо контекстуального значения речевой формулы *мой милый*, прямо противоположного её исходному значению, исследовательского внимания заслуживает внимания ещё одна особенность

коммуникативного взаимодействия: кардинальная смена регистра общения, происходящая на протяжении развёртывания одной, к тому же не очень объёмной, монологической реплики, принадлежащей бабушке. Начав беседу с внуком в подчеркнуто официальном тоне, которому закономерно соответствует **вы**-общение (тем более с учётом правил семейного общения в русских дворянских семьях), к концу своего высказывания бабушка, несмотря на свойственные ей воспитанность и умение владеть собой в любых ситуациях, всё же не смогла полностью справиться с собой, что выразилось в прямых оскорблениях внука («...вы, **молокосос**, **мальчишка**,...»), а также в переходе в заключительной фразе на **ты**-общение, что уж совсем редко допускалось представителями её круга: «**Проси** сейчас прощения ..., **слышишь?**».

Последним ударом для Николая в постигшей его череде несчастий стало общение с отцом, обнаружившим в своём портфеле сломанный сыном замок (впрочем, общением этот эпизод можно назвать лишь условно, поскольку оно было однонаправленным – слова произносил лишь отец, Николай же реагировал на них своими действиями, ничего не отвечая):

«– Ты куда? – спросил меня вдруг знакомый голос. – Тебя-то мне и нужно, голубчик.

Я хотел было пробежать мимо, но папа схватил меня за руку и строго сказал:

– Пойдём-ка со мной, любезный! Как ты смел трогать портфель в моём кабинете, – сказал он, вводя меня за собой в маленькую диванную. – А? что ж ты молчишь? а? – прибавил он, взяв меня за ухо» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 142 – 143].

В данном фрагменте мы также наблюдаем аналогичный рассмотренному ранее процесс существенного переосмысления исходного значения двух речевых формул. Обращение **голубчик**, о котором более подробно пойдёт речь позже (при характеристике его более распространённого, ведущего значения), в данном случае употреблено с нетипичным семантическим оттенком, который в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая

трактуются как номинация «с оттенком порицания, угрозы злорадства. ... *Глазки отца Василия сосредоточились на четырёх фигурках. – Идите-ка сюда, голубчики!* Н. Островский. Как закалялась сталь» [Балакай 2001-а, с. 107]. В приведённом выше контексте из повести «Отрочество» у использованной в функции обращения-вокатива номинации **голубчик** семантические оттенки *порицания* и *угрозы* присутствуют достаточно явственно.

То же в целом можно констатировать и по отношению к речевыкетной формуле **любезный**, которая в своём основном значении в рассматриваемый нами период времени (в первой половине XIX-го века) употреблялась в первую очередь для выражения *позитивного* отношения к собеседнику, хотя и функционировала как стилистически ограниченная номинация («2. **Любезный**. **Мой любезный**. (**Моя любезная**.) ... а) *Просторечное*. Милый, дорогой. Ласковое, приветливое обращение к равному или низшему по положению» [Балакай 2001-а, с. 243]). В данном же контексте семантика этой речевыкетной формулы гораздо ближе к другому значению, также отмеченному словарём А. Г. Балакай (хотя, на наш взгляд, совпадает с ней неполностью): «б) *Фамильярно-снисходительное*. Обращение к низшему по положению. ... – Э-э! Любезный! Поди-ка сюда, – сказала она [Марья Дмитриевна] притворно-тихим и тонким голосом. – Поди-ка, любезный... – И она грозно засучила рукава ещё выше. Пьер подошёл, наивно глядя на неё через очки. – Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда он в случае был, а тебе-то и Бог велит. Л. Толстой. Война и мир» [Балакай 2001-а, с. 244].

Представляется, что в рассматриваемом контексте повести «Отрочество» анализируемая номинация **любезный** по своей функциональной значимости в значительной степени синонимизируется с использованной в этом же фрагменте номинацией **голубчик**, т. е. передаёт не столько *снисходительность* и *фамильярность* отца по отношению к сыну, сколько *порицание* и *угрозу*, заключающиеся в словах говорящего. Таким образом, в данном случае, на наш взгляд, правомерно говорить о *контекстуальной синонимии* речевыкетных формул **голубчик** и **любезный**, причём во втором случае у обращения-вокатива

можно наблюдать и формирование оттенков значения, которые *не зафиксированы* и столь авторитетным лексикографическим источником по истории русского исследования «Словарь русского речевого этикета» А. Г. Балакая.

Заключая анализ художественно воплощённого в трилогии Л. Н. Толстого процесса общения взрослых с детьми, в частности – характеристику избираемых адресантами речэтикетных формул, которые используются в качестве вокативов, – отметим ещё одну особенность, которая была достаточно типичной в сфере дворянского коммуникативного взаимодействия в XIX-м веке. Так, даже к детям дошкольного возраста, а уж к подросткам и юношам – тем более, в этой среде было принято обращаться *по имени и отчеству*, даже адресантами значительно более старшего возраста, чем адресаты. Использование именно такого рода речэтикетной формулы наблюдаем в эпизоде общения старика Грапа – отца Ильи (Иленьки) Грапа, приятеля Николая, с главным героем трилогии (повесть «Юность», глава XVII «Я собираюсь делать визиты»):

«Я ходил по комнате, оглядывая разложенные на стульях платье, шпагу и шляпу, и собирался уже ехать, когда ко мне пришёл старик Грап и привёл с собой Иленьку. ...

*– Так-то-с, **Николай Петрович**, – говорил мне старик, следуя за мной по комнате, в то время как я одевался, и почтительно медленно вертя между своими толстыми пальцами серебряную, подаренную бабушкой, табакерку, – как только узнал от сына, что вы изволили так отлично выдержать экзамен – ведь ваш ум всем известен – тотчас прибежал поздравить, **батюшка**; ведь я вас на плече носил, и бог видит, что всех вас, как родных, люблю я, и Иленька мой всё просился к вам. Тож же и он привык уж к вам.*

Иленька в это время сидел молча у окна, рассматривая будто бы мою треугольную шляпу, и чуть заметно что-то бормотал себе под нос.

*– Ну, а я вас хотел спросить, **Николай Петрович**, – продолжал старик, – как мой-то Илюша, хорошо экзаменовался? Он говорит, что будет с вами*

вместе с вами, так вы уж его не оставьте, присмотрите за ним, посоветуйте» [Толстой 1986, с. 215 – 216].

В приведённом фрагменте речеетикетная формула, созданная по модели «имя + отчество», использована пожилым человеком по отношению к юноше, только что «перешагнувшему» подростковый возраст. Из контекста можно заключить, что Николаю неприятен обращающийся к нему собеседник: он всячески даёт понять, пытаясь избавиться от неприятного адресанта (ходя по комнате, одеваясь и т. д. во время этого «одностороннего» общения); тем не менее явно прервать адресованные ему слова значительно более старшего, чем он, собеседника, равного ему по положению в обществе, юноша не решается: привитые ему в семье правила приличия ему этого не позволяют.

3.3.2. Речеетикетные формулы, используемые в роли вокативов при обращении детей к родителям

Нормы семейной коммуникации, установленные и в большинстве случаев строго соблюдаемые в русских дворянских семьях XIX-го века, безусловно, включали и правила, в соответствии с которыми дети должны были общаться со своими родителями, в том числе и определённым образом обращаться к ним. Однако прежде всего следует отметить, что основой отношения детей к родителям было безусловное **уважение** к ним, нередко переходящее в **почитание**, что, конечно же, не исключало проявлений любви, нежности, доверительности, искренности и других положительных чувств и эмоций.

Именно такое – подчёркнуто позитивное – отношение к родителям в подавляющем большинстве случаев отчётливо прослеживается при обращении к родителям главных героев анализируемых в нашей работе произведений: **Николеньки** (а позднее – Николая, и даже Николая Петровича) **Иртеньева** из трилогии Л. Н. Толстого, и мальчика **Серёжи** из повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (прототип самого будущего известного русского писателя). Особое внимание в данном случае следует обратить на первую часть

трилогии Л. Н. Толстого (повесть «Детство») – прежде всего потому, что в именно в этом произведении (в его начальной части) изображены события до одного из самых трагических событий в детской и в целом человеческой жизни главного героя – утраты матери; во время части происходящих в этой повести событий мать Николая ещё жива, и сын имеет счастливую возможность непосредственно общаться с самым родным человеком.

Во-вторых, в произведении «Детство» Николай Иртеньев максимально приближен по возрасту к главному персонажу повести С. Т. Аксакова – Серёже, что даёт возможность сопоставить речевые формулы, используемые этими персонажами в общении с родителями по максимально полному набору признаков (учитывая практически весь перечень социальных характеристик этих персонажей; сходство коммуникативных ситуаций, в которых они осуществляют общение, и т. д.).

Рассмотрим диапазон **этикетных формул**, которые используют дети, обращаясь к матери (во всех случаях этикетные формулы – обращения и некоторые другие номинации выделены мною. – Б. Ш.):

*«Когда карета съехала со двора и пропала из моих глаз, я пришёл в исступленье, бросился с крыльца и побежал догонять карету с криком: **Маменька, воротись!**»* [Аксаков 1986, с. 274];

*«Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; **мамаша** сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу её запах и голос. Всё это заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди и, задыхаясь, сказать:*

*– Ах, **милая, милая мамаша**, как я тебя люблю!*

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берёт обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладёт к себе на колени.

– Так ты меня очень любишь? – Она молчит с минуту, потом говорит:

– Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамашки, ты не забудешь её? не забудешь, Николенька?

Она ещё нежнее целует меня.

– *Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя,* – вскрикиваю я, целуя её колени, и слёзы ручьями льются из моих глаз – слёзы любви и восторга» [Толстой 1978, с. 53].

На первый взгляд, перед нами описание обычной, многократно (не только из года в год, но и из века в век) повторяющейся в любой семье обычной жизненной ситуации – мать укладывает спать десятилетнего сына, который при этом совсем немного капризничает, изо всех своих сил сопротивляясь усталости, чтобы хоть на минуты продлить время своего присутствия рядом с самым родным и любимым человеком – матерью.

Однако писатель необыкновенно искусно словесно воплощает в своём произведении ощущение счастья сыном и матерью от того, что они рядом, передаёт испытываемую или друг к другу любовь и душевное тепло, которое словно «пронизывает» всё происходящее в этом эпизоде. Подтверждением этому служат слова уже взрослого Николеньки, предваряющие изображение данной ситуации в повести: *«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений»* [Толстой 1978, с. 52].

Представляется, есть все основания утверждать, что в приведённом фрагменте существенную роль в передаче необыкновенно глубокого взаимного расположения, искренней любви Николеньки и его матери играют **вокативы**, которыми пользуются эти литературные персонажи, обращаясь друг к другу. Для маленького Николеньки это такие этикетные формулы как: *мамаша; милая, милая мамаша; голубчик мой, душечка моя;* для матери героя – *Николенька; моя душечка; мой ангел.*

Приведённые и другие примеры из анализируемых в работе произведений демонстрируют диапазон наиболее употребляемых в дворянских семьях обращений, используемых детьми при общении с матерью, среди которых: *маменька, мамаша,* нередко встречающееся с сохранением в языке-источнике

французское *taman*⁴ (это обращение будет проанализировано позже, в отдельной части работы); *голубчик* (мой); *душечка* (моя). Все эти вокативы – за исключением, возможно, *taman* – несут в себе очевидный позитивный смысл, поскольку при использовании в функции обращения не только обозначают дорогого для детей человека, но и выражают их отношение к нему: любовь, нежность, восторг от их присутствия (ср. «слёзы любви и восторга»), стремление постоянно быть рядом и под.

Рассмотрим каждую из этикетных формул более подробно, с учётом тех изменений, которые произошли в русском языке с середины XIX-го века по настоящее время.

Вокатив *маменька* очень широко использовался в дворянских семьях XIX-го века при обращении к матери, о чём мы узнаём прежде всего из литературно-художественных и документальных источников, созданных в то время и позднее. В. И. Даль в своём знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» подаёт это слово как общеупотребительное, активно функционирующее: «**Мама** ... *маменька, мамонька, -мочка*, матушка, родительница» [Даль 1978, II, с. 307]. Развёрнутый комментарий к данной этикетной формуле содержится в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая, также квалифицирующего эту номинацию с позиций современного русского языка как стилистически ограниченную и находящуюся в *пассивном* употреблении, – при подаче в словарной статье оба отмеченных у данной номинации значения снабжены знаком «песочные часы», который применяется в словаре «для указания устаревших или устаревающих слов и выражений, а также их *семантических* вариантов и грамматических форм» [Балакай 2001-а, 19]. «**Маменька. 1** ... *Разг.* Учтливое или ласковое обращение детей к матери. «*Маменька, это нельзя; посмотрите, что на дворе!* – закричала она [Наташа]. – *Они остаются!..*» – «*Что с тобой? Кто они? Что тебе надо?*»

⁴ Французское слово *taman*, несколько раз встречающееся в данном тексте именно в том варианте, в каком оно существует в языке-источнике, в XIX-ом веке крайне часто использовалось для обращения к матери в дворянских семьях (существенное влияние французской культуры на русскую в это время отмечают многие исследователи).

– «Раненые, вот кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нет, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну что нам-то, что мы увезём, вы посмотрите только, что на дворе... Маменька!.. Это не может быть!..» Л. Толстой. Война и мир. [Дормедонт:] Вы, маменька, ничего не замечаете во мне? [Шаблова:] Нет. А что? [Дормедонт:] Да ведь я, маменька, влюблён. [Шаблова:] Ну, что ж, на здоровье. [Дормедонт:] Да ведь, маменька, серьёзно. А. Островский. Поздняя любовь. Всю зиму я жила сама не своя. Дочери говорят: «Ты, маменька, что-то задумала». Я отвечала: «Задумала сплавать в Москву на месяц. Вы взрослые, с отцом будете управлять хозяйством». Б. Шергин. Соломонида Золотоволосая.

2. ... Разг. В наст время – областное. Учтливое обращение к тёще или свекрови. Графиня заплакала. – Да, да, маменька, очень тяжёлые времена! – сказал Берг. Л. Толстой. Война и мир. [Катерина:] Для меня, маменька, всё одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит. [Кабанова:] Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу, небось. Ведь он мне тоже сын, ты этого не забывай! А. Островский. Гроза. [Надежда Антоновна:] Медведь! Недавно женился и всё за делом. [Васильков:] Одно другому не мешает, маменька. [Надежда Антоновна:] Что за маменька! [Васильков:] Слово хорошее, ласкательное и верно выражает предмет. [Надежда Антоновна:] Ну, хорошо, хорошо. А. Островский. Бешеные деньги» [Балакай 2001-а, с. 253 – 254].

Данные современных толковых словарей свидетельствуют, что в современном языке эта этикетная формула, к сожалению, практически исчезла из «живого» употребления и функционирует в настоящее время как стилистически ограниченная – ср., к примеру, «**Мама** ... Нар.-разг. Маменька» [Большой толковый словарь русского языка 1998, с. 518] – и используется при обращении ребёнка к матери крайне редко.

Аналогичная судьба и у этикетной формулы *мамаша*, также активно употребляемой в XIX-ом веке как при обращении к матери, так и для номинации (обозначения) этого лица – например, в приведённом ранее фрагменте из

повести Л. Н. Толстого «Детство» эта номинация используется в функции как *обращения* (в речи Николеньки), так и *обозначения лица* (в речи его матери). В современном же языке, как свидетельствует «Словарь русского речевого этикета» А. Г. Балакая, при выполнении функции обращения это обозначение воспринимается только как *стилистически маркированное (областное, или диалектное)*; оба значения имени существительного **мамаша**, используемых в функции *вокатива* (при обращении к матери), квалифицируются данным словарём как ограниченные в употреблении: **«Мамаша. 1. ... Разг. В настоящее время – областное. Почтительное обращение к матери. Употребляется чаще с Вы-формами. Дети говорили матери «мамаша» и «вы», целовали у неё руку. В. Вересаев. В юные годы. «Значит, что это настоящее, да? Мама, вы спите?» – «Нет, душа моя, мне самой страшно, – отвечала мать. – Иди». – «Всё равно я не буду спать! Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало!» Л. Толстой. Война и мир. – Мамаша, вы тоже бледны, успокойтесь, голубчик мой, – сказала Дуня, ласкаясь к ней... Ф. Достоевский. Преступление и наказание. Дорогая мамаша, свяжи, пожалуйста, мне чулки шерстяные и обшей по пяткам. С. Есенин. Письмо Т. Ф. Есениной, окт. 1916. 2. ... Разг. В настоящее время – областное. Учтивое обращение к тёще или свекрови. Берг поспешно выскочил, поцеловал ручку графине, осведомился о её здоровье и, выражая своё сочувствие покачиванием головы, остановился подле неё. – Да, мамаша, я вам истинно скажу, тяжёлые и грустные времена для всякого русского. Л. Толстой. Война и мир. «С вечера надо было кизяков наложить. Они б в печке подсохли», – недовольно бурчала Ильинична. «Забыла, мамаша. Наша беда», – за всех отвечала Дарья. М. Шолохов. Тихий Дон» [Балакай 2001-а, с. 253].**

Как следует из приведённого определения, номинация **мамаша**, хотя и используется в настоящее время в качестве обращения, но квалифицируется как *стилистически ограниченная в употреблении (устаревшее, свойственное только разговорной речи и имеющее распространение лишь на территории ряда областей* (‘почтительное обращение к матери, а также к тёще или

свекрови’) либо – гораздо чаще – *просторечно-фамильярное* (‘обращение к незнакомой пожилой, значительно старшей по возрасту’).

Это подтверждают и толковые словари современного русского языка – например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова находим: «**Мамаша** ... *Разг.* 1. =Мама (обычно о матери кого-л.). *Мамаша пришла с детьми в поликлинику. Мамаши пришли к директору школы. Трудный разговор с мамашами учеников.* 2. (обычно в обращении). О пожилой женщине. *Мамаша, можно пройти. Мамаша, давайте я помогу*» [Большой толковый словарь русского языка 1998, с. 518]).

Таким образом, используемые в функции обращений номинации *маменька* и *мамаша*, в семантическом объёме которых позитивная коннотативная сема, безусловно, присутствует на современном этапе развития языка, для описываемой в произведениях С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого эпохи были не только *общеупотребительными* (во всяком случае – в дворянской среде), но и в значительной степени *нейтральными* в стилистическом отношении. Эти обращения (*маменька* и *мамаша*), как следует из изложенного выше, в процессе семейного общения всегда адресовались конкретному лицу – прежде всего *матери*, а в некоторых случаях – *тёще* либо *свекрови*, которых, в соответствии с патриархальными русскими традициями, в семье детям (в данном случае – зятю или невестке) следовало почитать почти в такой же степени, как и собственную мать.

Следовательно, можно констатировать, что в современном русском языке указанные номинации, в том числе и при функционировании в качестве обращений, подверглись весьма существенной как стилистической трансформации.

Подобная трансформация стилистических характеристик анализируемых обращений, как представляется, весьма отрицательно сказалась в современный период и на их речеэтикетных свойствах, приведя к практически полной утрате функции одной из грамматических функций – общеупотребительного вокатива, что прежде всего отразилось (причём, на наш взгляд, совсем не лучшим

образом) и на характере общения детей с родителями в русской лингвокультуре в целом.

Особо отметим тот факт, что значительная часть иллюстративного материала, привлечённого для контекстуального подтверждения свойственных данным номинациям значений, взята из произведения Л. Н. Толстого «Война и мир» – одного из наиболее известных и почитаемых образцов русской классической литературы, – что подтверждает значимость осмысления художественной литературы (словесно-художественного искусства) для более глубокого и всестороннего изучения проблем национального русского речевого этикета.

В приведённом выше фрагменте из повести Л. Н. Толстого «Детство» ребёнок в общении с матерью использует также обращения более широкого спектра адресованности – *голубчик мой* и *душечка моя*, которые обладают существенным эмоционально-экспрессивным потенциалом.

Так, А. Г. Балакай характеризует номинацию *душечка* следующим образом: «**Душечка (моя)**, м. и ж. Разг. То же, что Душенька. Ласковое обращение к близко знакомому, родственнику (преимущественно к женщине, девушке). *Приносит она самоваришко, сели мы чай пить, она и говорит: «Что, – говорит, – я, Домна Платоновна, надумалась?» – «Не знаю, – говорю, – душечка, чужую думку своей не раздумашь»*. Н. Лесков. Воительница. «*Мама, душечка, голубушка!*» – закричал [Серёжа], бросаясь опять к ней и обнимая её. Л. Толстой. Анна Каренина. – *Не езди, душечка, ангел мой, не езди! Я решительно от тебя этого требую <...>. Я тебя не отпущу. Я хочу глядеть на тебя. Смотри, какой ты сегодня хорошенький!* – Говоря это, Настенька взяла Калиновича за руку. А. Писемский. Тысяча душ» [Балакай 2001-а, с. 161–162].

Не меньшим экспрессивным потенциалом, судя по данной в словаре речевого этикета характеристике, обладает и обращение *голубчик*, которое в современном русском языке также является стилистически ограниченным: «**Голубчик. ♦Мой голубчик. (♦Голубчик мой.)** Разг. Ласк. обращение к родственнику или близкому знакомому (мужчине, женщине, ребёнку). Нередко

употребляется в сочетании с терминами родства (*дедушка, голубчик; голубчик дедушка*), с именем-отчеством, фамилией (*голубчик Машенька; голубчик Иван Васильевич; голубчик Денисов*). [*Арина Власьева (мужу:)* Как бы, голубчик, узнать, чего Енюша желает сегодня к обеду: шей или борщу? И. Тургенев. Отцы и дети. ... «Володя! – говорит она. – Ты, голубчик, лёгенький! сходил бы да потихоньку подслушал, что у них там!» – «С удовольствием, бабушка». М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы. [*Алёша Карамазов (мальчишкам:)* Голубчики мои, – дайте я вас так назову голубчиками, потому что вы все очень похожи на них, на этих хорошеньких сизых птичек. Ф. Достоевский. Братья Карамазовы. Наташа побегала в дом и на цыпочках вошла в полуотворённую дверь диванной, из которой пахло уксусом и гофманскими каплями. «Вы спите, мама?» – «Ах, какой сон, – сказала, пробуждаясь, только что задремавшая графиня. «Мама, голубчик, – сказала Наташа, становясь на колени перед матерью и близко приставляя своё лицо к её лицу. – Виновата, простите, никогда не буду, я вас разбудила. Меня Мавра Кузминишина послала, тут раненых привезли, офицеров, позволите? А им некуда деваться; я знаю, что вы позволите...» – говорила она быстро, не переводя духа. Л. Толстой. Война и мир» [Балакай 2001-а, с. 106].

Примечательно, что номинация **голубчик** дворянскими детьми могла быть употреблена в общении не только с матерью, но и с отцом; так, во второй части трилогии Л. Н. Толстого (повесть «Отрочество») в речи Любочки, сестры Николая, находим: «– Ах, бог мой! Ты плачешь! – вдруг сказала Любочка, выпуская из рук цепочку его часов и уставляя на его лицо свои большие удивлённые глаза. – Прости меня, **голубчик папа**, я совсем забыла, что это мамашина пьеса» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 158].

Необходимо заметить, что в тексте произведения автором (Л. Н. Толстым) особо выделено словосочетание *мамашина пьеса*; с нашей точки зрения, это позволяет расценивать его как выражение с особым авторским акцентом, приобретающее в условиях словесно-художественного дискурса и некий символический смысл. Это обусловлено тем, что изображённая в повести

коммуникативная ситуация развивается во время исполнения Любочкой на фортепьяно пьесы, которую часто играла её покойная мать, что, вероятно, и побудило отца семейства Иртеньевых расчувствоваться до слёз: «*Когда, окончив пьесу, Любочка подошла к нему с вопросом: «Хорошо ли?», он молча взял её за голову и стал целовать в лоб с такою нежностью, какой я никогда не видывал от него*» [Толстой 1986, с. 153].

Это, в свою очередь, вероятно, и стало стимулом для столь нежного, особо экспрессивного обращения Любочки к отцу, выразившегося в речевом этикетной формуле *голубчик папа*.

Несмотря на свою стилистическую ограниченность, обращения *голубчик* и *душечка* довольно широко распространены в качестве вокативов и в современном социуме – причём как обращения-вокативы с явной положительной семантикой. Данные словаря речевого этикета, как можно было убедиться, свидетельствуют о том, что в современном коммуникативном контексте эти обращения продолжают функционировать, хотя и с существенным изменением своих функций: как *разговорная* номинация, используемая преимущественно в непринуждённо-бытовом общении.

Основная особенность обращений типа *голубчик, душечка, матушка* (применительно к последнему обращению имеются в виду те случаи, когда оно используется не только по отношению к матери, а по отношению к любой женщине) и под. состоит прежде всего в том, что они настраивают адресата на общение в определённой – как правило, исключительно *положительной* – тональности, задавая её изначально и поддерживая на протяжении всего процесса коммуникации.

Иначе говоря, такие обращения особым образом регулируют процесс общения, создавая эмоциональный контекст, в котором действуют участники коммуникации, *адресант* и *адресат*. В. Е. Гольдин называет подобный тип обращений *регулятивами*, отмечая их этикетное значение: «они **предлагают адресатам общаться в определённом тоне**, соблюдая определённые отношения: отношения людей близких или далёких, равных или неравных,

отношения дружеские, фамильярные, почтительные и т. д.» (выделено мною. – Б. Ш.) [Гольдин 1983, с. 76].

Обращения-регулятивы образуют не очень большую группу среди других используемых в русском языке обращений. Это вполне объяснимо, поскольку обращения данной группы «приспособлены выражать только типичные, часто повторяющиеся отношения между людьми» [Гольдин 1983, с. 76]. Некоторые из обращений-регулятивов – среди них и рассмотренная номинация *голубчик* – вообще почти никогда не используются как наименования; таковы, например, обращения *дружиче*, *старина*, которые выполняют в нашей речи преимущественно функции обращений-вокативов.

Однако обращения-регулятивы представляют для русского речевого этикета и для русской культуры в целом особую ценность именно потому, что уже изначально несут в себе явный эмоциональный заряд положительного свойства, который очень важен для успешного осуществления коммуникативного процесса практически в любой ситуации общения. Употребление участниками коммуникации обращений-регулятивов в значительной мере предопределяет успех общения, поскольку способствует созданию обстановки доброжелательности, уважения к адресату, свидетельствует о стремлении собеседников как можно полнее понять друг друга, откликнуться на высказываемые просьбы и т. д.

3.3.3. Речевые формулы, используемые в общении детей друг с другом

Тёплые, дружелюбные, ласковые и доверительные отношения детей с родителями, которые в большинстве случаев существовали и к тому же всячески культивировались в русских дворянских семьях XIX-го века, оказывали соответствующее влияние и на характер отношений друг с другом детей – как связанных родственными отношениями (например, братьев и сестёр), так и просто ровесников, знакомых и т. д., которые общались в различных

коммуникативных ситуациях (в том числе и официального, но преимущественно непринуждённо-бытового характера – семейный круг либо круг хорошо знакомых собеседников).

В трилогии Л. Н. Толстого, части которой объединены героем – Николаем Иртеньевым, круг невзрослых персонажей, взаимодействующих в речевом общении, довольно широк: сам **Николай (Николенька)** и его брат **Владимир (Володя)** и их сестра – **Любовь** (чаще называемая **Любочкой**), а также ровесница Любочки – дочь гувернантки Мими – **Екатерина**, которую практически все называют **Катенькой**. Характер этих речевых формул, активно используемых невзрослыми персонажами в общении между собой, заслуживает также исследовательского внимания.

Дети чаще всего обращаются друг к другу (кроме каких-либо отдельных случаев, связанных чаще всего с проявлением агрессии, – ссорами и под.), используя *неофициальные варианты* имён друг друга, причём с позитивными оценочными коннотациями, которые передаются преимущественно соответствующими суффиксами субъективной оценки: **ЛюбОЧКа**, **КатЕНЬКа**, **НиколЕНЬКа**, **Володя**.

Такие правила семейного общения способствовали созданию в семье атмосферы комфортного для детей семейного микроклимата, формированию их позитивного, по-настоящему родственного отношения друг к другу. Приводимые далее текстовые примеры из всех трёх частей трилогии Л. Н. Толстого, как представляется, убедительно подтверждают сказанное:

«Так обаятелен этот чудный запах леса после весенней грозы, запах березы, фиалки, прелого листа, сморчков, черёмухи, что я не могу усидеть в бричке, соскакиваю с подножки, бегу к кустам и, несмотря на то, что меня осыпает дождевыми каплями, рву мокрые ветки распутившейся черёмухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. Не обращая даже внимания на то, что к сапогам моим липнут огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бегу к окну кареты.

– *Любочка! Катенька!* – кричу я, подавая туда несколько веток черемухи, – посмотри, как хорошо!» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1978, с. 115];

«Володя в это самое время поднял голову и с чуть заметной, добродушно-насмешливой улыбкой смело посмотрел на меня. Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня и то, что я понимаю, что он понимает меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

– *Николенька!* – сказал он мне самым простым, нисколько не патетическим голосом, – полно сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидел.

И он подал мне руку» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 113];

«– Да вот жалко, что вас не было; гостей было пропасть, человек тысяча, музыка, генералы, а я танцевал... *Катенька!* – сказал я вдруг, останавливаясь в середине своего описания, – ты не слушаешь?» [Толстой 1986, с. 107];

«– Знаешь, *Николенька*, что она написала? – сказала Катенька, разобиженная названием иностранки – она написала...» [Толстой 1986, с. 181];

«Я пододвинулся к Володе и сказал через силу, стараясь дать тоже шутливый тон голосу: «Ну что, *Володя*, умаялся?» [Толстой 1986, с. 289] (во всех случаях выделено мною. – Б. Ш.).

В первую очередь обращает на себя внимание характерный вариант имени главного героя, используемый при обращении к нему как взрослых, так и невзрослых персонажей произведения. Это один из неофициальных вариантов имени *Николай*, отличающийся едва ли не самой высокой экспрессией и позитивной коннотативной семантикой, – *Николенька*.

К сожалению, этот один из наиболее эмоционально позитивных неофициальных вариантов имени *Николай*, причём не только активно употребляющийся в произведениях Л. Н. Толстого, но и широко используемый в русском языке XIX-го века в принципе, сегодня практически исчез из употребления. Об выходе этого антропонимического варианта из употребления свидетельствует и тот факт, что оно отсутствует в одном из наиболее распространённых русских антропонимических словарей – «Словаре русских

личных имён» Н. А. Петровского, шестое издание которого вышло в 2000-ом году [Петровский 2000, с. 208].

Между тем этот неофициальный вариант имени в ряду других аналогичных наименований: **Николайка, Николаха, Николаша, Николка, Колюня, Колюся, Никоша** и др. [см.: Петровский 2000, с. 208] – обладает, пожалуй, самым объёмным положительным семантическим компонентом: именно это неофициальное производное от имени **Николай** воспринимается как наиболее ласковое, дружелюбное, сердечное, выражающее очень высокую степень расположения к собеседнику – ср.: *«Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.*

*– Ты опять заснёшь, **Николенька**, – говорит мне **татап**, – ты бы лучше шёл на верх.*

...

Она молчит с минуту, потом говорит:

*– Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамыши, ты не забудешь её? не забудешь, **Николенька**?*

Она ещё нежнее целует меня» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1978, с. 52 – 53].

Примечательно, что используемые непосредственно в коммуникативном взаимодействии неофициальные варианты имён с выраженными позитивными оценочными коннотациями фигурируют и самóм повествовании, чему в значительной степени способствует и избранный автором тип повествования – от 1-го лица главного героя, собственно Николеньки (тип повествования, известный как *субъективированный*, или *субъективный*,). Так, описывания события, в которых участвуют не только его собственные сестра и брат, но и о других их приятели-ровесники, Николай обозначает их такими же неофициальными вариантами имён, чаще всего с суффиксами позитивной оценки – ср., например: *«В день рождения **Любочки**, 13 декабря, ещё перед обедом приехали к нам княгиня Корнакова с дочерьми, Валахина с **Сонечкой**,*

Иленька Грап и два меньших брата Ивиных» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1978, с. 127].

Вот, как, например, тепло и ласково обращается к Серёже, герою повести С. Т. Аксакова, его младшая сестра («милая моя сестрица», как не менее ласково и душевно называет её Серёжа), успокаивая мальчика в одну из не самых приятных минут его жизни: *«Милая моя сестрица, держась за другую мою руку и сама обливаясь тихими слезами, говорила: Не плачь, братец, не плачь»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Аксаков 1986, с. 275].

Номинация *братец*, используемая в функции обращения, так же, как и, к примеру, *маменька*, сохранилась в современном русском языке, однако существенно трансформировала своё значение. Так, в словаре речевого этикета при толковании интересующего нас значения номинации *братец* (в рамках словарной статьи с заголовочным словом «Брат») находим: *«Братец. 1. Разг. Обращение к брату. Алёнушка говорит: «Не пей, братец, козлёночком станешь».* Сестрица Алёнушка и братец Иванушка. Сказка. *Капитан, бывший свидетелем этой сцены и всё что-то хмурившийся, вдруг проговорил: «Я полагаю, братец, девице неприлично переписываться с молодым мужчиной».* – *«Да, пожалуй, по-нашему с тобой, Флегонт Михайлыч, и так бы; да нынче, сударь, другие уж времена, другие нравы».* А. Писемский. Тысяча душ, *«Запóем, слышь, пьёт»*, – заметил *Потан Максимыч.* – *«Не грехи, напрасно, братец, – возразила Манефа. – Мало ль что люди наплетут!»* Мельников (Печерский). В лесах» [Балакай 2001-а, с. 65].

Текстовые примеры, приведённые в словарной статье для иллюстрации данного значения слова *братец* (как можно убедиться, все они взяты из литературно-художественных произведений XIX-го и начала XX-го века) свидетельствуют о том, что в XIX-ом веке оно активно использовалось в общении, будучи номинативным средством с очевидной позитивной семантикой: суффикс *-ЕЦ* в данном случае выражает доброжелательное, ласковое, подчёркнуто родственное и под. отношение к называемому лицу;

нередко его определяют как *уменьшительно-ласкательный* (ссылки на произведения А. Писемского, П. Мельникова-Печерского).

В современном словнике русского языка данное значение слова *brateц* (обращение к брату) не представлено в принципе ср., в частности: «**БРАТ**... 1. Каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей (ср. сестра). *Младший, старший брат.* ...3. ... Фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола. *Ты, брат, наивен. Мухлюешь, брат!* ... **Братец** ... *Ласк.* (1 и 3 зн.). *Братец приехал! Братцы, вы не правы!*» [Большой толковый словарь русского языка 1998, с. 94 – 95].

Судя по данным современного толкового словаря русского языка» (под редакцией С. А. Кузнецова), номинация *brateц*, как и многие из проанализированных ранее номинаций-обращений, также является в современном языке стилистически ограниченной и крайне редко может употребляться в общении *между братьями и сёстрами* в том значении, которое свойственно ей в приведённом ранее фрагменте из повести С. Т. Аксакова (хотя, вероятно, в принципе употребление в аналогичном значении возможно и в современный период).

Не менее ласково и душевно говорит о своей сестре и маленький Серёжа: в приведённом выше фрагменте он называет её «**милая моя сестрица**»; в других случаях – не иначе как «**сестрица**». Примечательно, что номинации *brateц* и *сестрица* используются не только в диалогической речи персонажей, т. е. в художественно воссоздаваемых ситуациях непосредственного общения, но и в авторском повествовании, которое в упомянутой повести С. Т. Аксакова ведётся от лица ребёнка (мальчика Серёжи), что, на наш взгляд, свидетельствует о явной закреплённости этих этикетных обозначений в речевом общении дворянского сословия, о частотности их употребления в самых различных коммуникативных ситуациях.

Приводимые далее примеры из произведения С. Т. Аксакова, как представляется, убедительно подтверждают высказанное положение. «*Милая моя сестрица не умела брать ягод, то есть не умела различать спелую*

*клубнику от неспелой» [Аксаков 1986, с. 325]; «Я живо помню, как он любовался на нашу дружбу с **сестрицей**, которая, сидя у него на коленях и слушая мою болтовню или чтение, вдруг без всякой причины спрыгивала на пол, подбегала ко мне, обнимала и целовала и потом возвращалась назад и опять вползала к бабушке на колени; на вопрос же его: Что ты, **козулька**, вскочила? – она отвечала: Захотелось **брatца** поцеловать» [Аксаков 1986, с. 285]; «Дедушка был в халате, на коленях у него сидела **сестрица**. Увидя меня, он сейчас спустил её на пол и ласково сказал: Подойди-ка ко мне, Серёжа, – и протянул руку» [Аксаков 1986, с. 269] (во всех случаях выделено мною. – Б. Ш.).*

В современную культурно-языковую ситуацию приведённые выше обращения обоих коммуникантов (не только матери, но и сына, как уже отмечалось ранее) вписываются не особо органично – они нередко воспринимаются анахронистически либо пафосные и/или ироничные. Видимо, в том числе и поэтому родители и дети практически не используют данные этикетные формулы в повседневном общении в тех функциях, которыми перечисленные вокативы наделены в речи персонажей Л. Толстого, т. е. прежде всего для выражения взаимной глубокой симпатии и духовной близости собеседников – близких и родных друг другу людей.

Вероятно, данную ситуацию не стоило бы драматизировать, если бы это исчезновение функций общеупотребительного вокатива у какой-либо номинации в этикетном словаре рассматриваемой коммуникативной ситуации компенсировалось появлением в словаре рассматриваемой этикетной позиции каким-либо новым компонентом. Этого, однако, не произошло, что и привело – естественно, наряду с другими подобными явлениями – к **сужению** круга этикетных формул, которые активно используются в общении родителей с детьми.

Современному читателю – в особенности, если речь идёт о невзрослой аудитории, – конечно, достаточно сложно уловить и правильно интерпретировать все нюансы воплощённого в классической литературе речевого этикета, для этого требуется определённая подготовка. Поэтому, с

нашей точки зрения, неотъемлемой частью работы с художественными текстами, подобными повестям Л. Толстого, т. е. значительно отдалёнными от современного читателя (тем более – для представителей молодого поколения) во времени, безусловно, должна стать опора на достаточно широкий *социально-культурный* и *лингвокультурный* контекст, в котором подобные произведения создавались писателями.

Подобный подход предполагает знакомство адресата-читателя – хотя бы в общих чертах – с общественными (в широком смысле – социальными, семейными – и т. д.) устоями изображаемой эпохи, её морально-нравственными принципами и идеалами. Это, как представляется, будет способствовать относительно адекватному восприятию содержания произведения, т. е. приближению к пониманию авторского замысла, который находит проявление и в многочисленных деталях текста, в том числе и в смоделированной в нём системе речевого этикета.

3.3.4. Своеобразие межличностного общения коммуникантов – представителей различных социальных слоёв

Главный герой анализируемых произведений Л. Н. Толстого, Николай Иртеньев, как Серёжа из повести С. Т. Аксакова, – дворянские дети, воспитывающиеся в знатных семьях, жизненный уклад которых предполагал и неременное общение со слугами, представителями более низких социальных сословий. В дворянских семьях и для осуществления коммуникации в этой жизненной сфере существовал особый речевой этикет, включающий и соответствующий набор *речезтикетных формул-вокативов*.

Воспитанием и образованием дворянских детей в детском и юношеском возрасте занималось значительное число обслуживающих их людей: *гувернёры* и *гувернантки*, *дядьки* (крепостные, которым поручалось в дворянских семьях присматривать за господским ребёнком, как правило – мальчиком), *няньки*, а

также – в той или иной степени – все другие представители прислуги в доме и/или имении: *кухарки, горничные* и т. д.

К слугам, работающим в дворянском доме или имении, как и к обслуживающим помещичью усадьбу, хозяева, как правило, обращались по имени и на **ты** – именно такое обращение было в общении подобного характера наиболее распространённым и, как представляется, наиболее *нейтрально-вежливым*, поскольку иногда имели место случаи, когда хозяева позволяли себе куда более грубое и бесцеремонное обращение со слугами, невзирая ни на их возраст, ни на какие бы то ни было заслуги перед семейством хозяев.

Чаще всего на **ты** и по имени обращались к слугам и дети дворян и помещиков, а также любые юные члены их семей – именно такой вариант использования речевых формул неоднократно запечатлён в трилогии Л. Н. Толстого, что подтверждает, в частности, приводимый далее фрагмент из повести «Детство». В данном тексте описывается эпизод общения господского ребёнка – главного героя Николая Иртеньева – с двумя кучерами, которое осуществляется во время одной из поездок; повествование в этой повести, как и во всей трилогии, ведётся от лица Николая, т. е. от первого лица, что, как известно, позволяет более явно передать субъективно-оценочный план изображаемого: *«Всё моё внимание обращается на верстовые столбы и на цифры, выставленные на них; я делаю различные математические вычисления насчёт времени, в которое мы можем приехать на станцию. «Двенадцать вёрст составляют треть тридцати шести, а до Липец сорок одна, следовательно, мы проехали одну треть и сколько?» и т. д.*

– **Василий**, – говорю я, когда замечаю, что он начинает удить рыбу на козлах, – *пусти меня на козлы, голубчик.*

Василий соглашается. Мы перемещаемся местами: он тотчас же начинает храпеть и разваливается так, что в бричке уже не остаётся больше ни для кого места; а передо мной открывается с высоты, которую я занимаю, самая приятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячок, Левая

коренная и Аптекарь, все изученные мною до малейших подробностей и оттенков свойств каждой.

– *Отчего это нынче Дьячок на правой пристяжке, а не на левой, Филипп?* – *несколько робко спрашиваю я»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 101].

В процитированном фрагменте внимание исследователя речевого этикета привлекают, как минимум, две особенности использования обращений-вокативов Николаем Иртеньевым, в описываемый период – четырнадцатилетним дворянским ребёнком. Во-первых, к конюхам – мужчинам по определению значительно старше его – он обращается на *ты* и *по именам* (а не по именам и отчествам, как это принято по отношению к взрослым, равным сословно): *Василий, Филипп*. В конкретной коммуникативной ситуации, воссозданной в художественном произведении, это можно расценивать как первый акцент на сословном различии.

Во-вторых, при обращении к кучеру Василию в речи Николая использована речэтикетная форма *голубчик*, о которой уже шла речь при описании коммуникативного взаимодействия детей и родителей в семье Иртеньевых. однако в этом случае характер употребления данной номинации существенно отличается от её функционально-стилистических особенностей, описанных ранее. В данной конкретной ситуации общения Николай Иртеньев использует вокатив *голубчик* как позитивное обращение к человеку, занимающему значительно более низкое место в сословной иерархии, вкладывая в него, однако, при этом и *покровительственное* отношение, свойственное господам по отношению к слугам, т. е. используя типичную для подобного коммуникативного контекста речэтикетную формулу (причём такую, к которой господа прибегали в общении со слугами независимо от своего возраста).

А. Г. Балакай в «Словаре русского речевого этикета» среди диапазона значений обращения *голубчик* отмечает и подобное его значение, указывая при этом на два стилистических нюанса, закреплённые за рассматриваемой речэтикетной формой в речевом употреблении: «|| Ласковое обращение к

незнакомому или малознакомому, обычно младшему по возрасту, низшему по положению. *«Голубчик, – нежным голосом сказала Анна Михайловна, обращаясь швейцару, – я знаю, что граф Кирилл Владимирович очень болен. Я затем приехала... я родственница... Я не буду беспокоить, голубчик. <...> Доложи, пожалуйста».* Л. Толстой. Война и мир. | С оттенком снисходительности, фамильярности ... *Подойшёл мальчуган лет четырнадцати <...>. Снисходительно оглядел их, – видимо, барчук. – «Скажите, это чьё имя?.. – спросила Даринька. – «Наше, Великокняжье! – бросил мальчуган и приостановился. – А вам кого надо?» – «Нам, голубчик, никого не надо, – сказал Виктор Алексеевич, – а ты вот что скажи...» – «Почему говорите мне "ты"?.. я не привык к "тыканью"!.. И вовсе я вам не "голубчик"!..»* И. Шмелёв. Пути небесные» [Балакай 2001, с. 106–107].

Типичное обращение детей к слугам по уже отмеченной модели (на **ты** и по имени) изображается и в некоторых других эпизодах трилогии Л. Н. Толстого – как, например, в приводимом далее фрагменте из повести «Юность», где описывается эпизод общения молодого Николая Иртеньева, уже юноши, со слугой, который раскрывает после весны окна, мешая при этом хозяину стуком молотка: *«Но мне вспомнилось, что нынче Страстная середина, нынче мы должны исповедоваться и что надо удерживаться от всего дурного; я вдруг пришёл в какое-то особенное, кроткое состояние духа и подошёл к Николаю.*

*– Позволь, я тебе помогу, **Николай**, – сказал я, стараясь дать своему голосу кроткое выражение; и мысль, что я поступаю хорошо, подавив свою досаду и помогая ему, ещё более усилила во мне это кроткое настроение духа»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 172].

В этой же произведении Л. Н. Толстого (повесть «Юность») описан и эпизод, где продемонстрировано крайне пренебрежительное отношение хозяина – Дмитрия, одного из приятелей Николая Иртеньева, к мальчику-слуге. Будучи в состоянии крайнего раздражения, Дмитрий переносит свой настрой и на своего слугу, что выражается в том числе и неоднократным употреблением в роли вокатива варианта его имени с явно пренебрежительным оттенком – **Васька**

(пренебрежительно-уничижительный вариант личного имени **Василий**): *«Постель мне была ещё не постлана, и мальчик, слуга Дмитрия, пришёл спросить его, где я буду спать.*

– Убирайся к чёрту! – крикнул Дмитрий, топнув ногой. – Васька! Васька! Васька! – закричал он, только что мальчик вышел, с каждым разом возвышая голос. – Васька! стели мне на полу» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 250].

Слуги же, общаясь с хозяевами, независимо от возраста последних должны были обращаться к ним исключительно по имени и отчеству и, безусловно, только на **вы**. Именно так обращается в повести «Детство» слуга Николай к старшему брату Николеньки – Владимиру, тогда ещё подростку: *«... серьёзный Николай, с полотенцем на плече, с мылом в одной руке и с рукомойником в другой, улыбаясь говорил:*

– Будет вам, Владимир Петрович, извольте умываться» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 5].

Впрочем, иногда между слугами и членами господской семьи складывались особые – интимно-доверительные, почти родственные отношения, что находило отражение и в характере их коммуникативного взаимодействия, в том числе – в использовании в процессе общения особых речэтикетных формул как с одной, так и с другой стороны. Как правило, чести такого практически родственного к ним отношения удостаивались слуги, которые были связаны с господской семьёй на протяжении долгого времени, преданно и верно служили нескольким поколениям и уже воспринимались хозяевами как близкие и почти родные люди.

Образ одного из таких персонажей – **Натальи Савишны** – выведен и с поразительной психологической глубиной раскрыт Л. Н. Толстым в повести «Детство». Наталья Савишна, прослужившая в семье Иртеньевых с детского до весьма преклонного возраста, была исключительно привязана к этой семье и предана ей, о чём она не раз говорила и Николеньке, с которым у неё сложились доверительно-тёплые и нежные отношения, что в особенности проявилось после

кончины матери мальчика. О своей привязанности к семье господ, вместе с которой она переживала и принимала близко к сердцу все её как радости, так и утраты, Наталья Савишна сама говорит в одной из бесед с мальчиком, который пытается принять смерть матери, ища для себя какое-то её объяснение: *«Старушка посмотрела на меня с недоумением и любопытством, должно быть не понимая, для чего я спрашиваю у неё это»*.

– *Кто мог ожидать этого?* – повторил я.

– *Ах, мой батюшка,* – сказала она, кинув на меня взгляд самого нежного сострадания, – *не то, чтобы ожидать, а я и теперь подумать-то не могу. Ну уж мне, старухе, давно бы пора сложить старые кости на покой; а то вот до чего довелось дожить: старого барина – вашего дедушку, вечная память, князя Николая Михайловича, двух братьев, сестру Аннушку, всех схоронила, и все моложе меня были, мой батюшка, а вот теперь, видно за грехи мои, и её пришлось пережить. Его святая воля! Он затем и взял её, что она достойна была, а ему добрых и там нужно»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 90].

Примечательно, что, обращаясь к маленькому Николаю, Наталья Савишна называет его неоднократно называет *мой батюшка*, вкладывая в этот вокатив не только любовь и нежность, но и уважительное отношение ко нескольким поколениям семейства Иртеневых, в том числе и к самому младшему из их представителей. В данном случае речэтикетная формула употреблена с оттенком значения, которое обычно характеризуется как «почтительное обращение крестьян к барину и помещику» [Балакай 2001-а, с. 36]. Однако в данном случае, как представляется, оттенок *почтительности* минимизирован, преобладающим же значением у используемой номинации становится выражение любви, нежности и ласки, особого расположения пожилой женщины к мальчику, сыну своей любимой воспитанницы – тем самым сословные различия в этой коммуникативной ситуации практически стираются, во всяком случае – не играют в коммуникативном взаимодействии ведущей роли.

Образ Натальи Савишны изображён Л. Н. Толстым не только необыкновенно тонко психологически, но и многогранно, развёрнуто и подробно – во взаимоотношениях с самыми разными персонажами, – что позволяет составить представление в том числе и о своеобразии общения как этой героини с членами семьи Иртеньевых, так и их с нею. Одна из глав повести «Детство» («Глава XIII. Наталья Савишна») полностью посвящена этой героине, которая начала свою службу ещё в семье деда Николеньки, *девкой Наташкой* – вначале горничной, затем няней его дочери, матери Николеньки – Натальи Николаевны. Как замечает автор произведения словами Николеньки, *«весь запас любви, который в ней хранился, она перенесла на барышню свою* [мать Николай, Наталью Николаевну – Б. Ш.]» [Толстой 1986, с. 37]. Позднее, уже после замужества своей воспитанницы, её няня становится уважаемой всеми ключницей *Натальей Савишной*; однако характер отношений хозяйки с Натальей Савишной не изменился: они остались столь же тёплыми и доброжелательными, подчас трогательно-нежными, что, безусловно, находило отражение и в тональности общения, и в его характере в целом.

В этом плане весьма показателен разговор хозяйки, пожелавшей за все двадцатилетние заслуги Натальи Савишны дать ей вольную, назначив при этом весьма достойную пенсию: *«Наталья Савишна молча выслушала всё это, потом, взяв в руки документ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Не понимая причины такого странного поступка, татап немного погодя вошла в комнату Натальи Савишны. Она сидела с заплаканными глазами на сундуке, перебирая пальцами носовой платок, и пристально смотрела на валявшиеся на полу перед ней клочки изорванной вольной.*

– *Что с вами, голубушка Наталья Савишна,* – спросила татап, взяв её за руку.

– *Ничего, матушка,* – отвечала она, – *должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что ж, я пойду»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 37].

О необыкновенно ласковых и доверительных отношениях со своей воспитанницей, установившихся между ними с самого детства Натальи Николаевны, Наталья Савишна с трогательной теплотой вспоминает после кончины своей любимой Наташи и рассказывает об этом Николеньке: «– *Да, мой батюшка*, давно ли кажется я её ещё нянчила, пеленала и она меня *Нашей* называла. Бывало, прибежит ко мне, обхватит ручонками и начнёт целовать и приговаривать:

– *Нашик мой, красавчик мой, индюшечка ты моя.*

А я, бывало, пошучу – говорю:

– *Неправда, матушка*, вы меня не любите; вот дай только вырастите большие, выдете замуж и *Нашу* свою забудете. Она, бывало, задумается. «Нет, говорит, я лучше замуж не пойду, если нельзя *Нашу* с собой взять; я *Нашу* никогда не покину». А вот покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, *батюшка*, вашу маменьку вам забывать нельзя; это не человек был, а ангел небесный. Когда душа её будет в царствии небесном, она и там будет любить и там будет на вас радоваться.

– Отчего же вы говорите, *Наталья Савишна*, когда будет в царствии небесном? – спросил я, – ведь она, я думаю, и теперь уже там.

– Нет, *батюшка*, – сказала Наталья Савишна, понизив голос и усаживаясь ближе ко мне на постели, – теперь её душа здесь» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 90 – 91].

В приведённом фрагменте из повести «Детство» заслуживает исследовательского внимания целая *палитра* речезтикетных формул-вокативов – как используемых Натальей Савишной непосредственно в общении с Николенькой, так и тех, которые приводит она в своих воспоминаниях о своей любимой воспитаннице. Так, адресованные Наталье Савишне обращения: *Нашик мой, красавчик мой, индюшечка ты моя* – содержат в себе безусловно богатый эмоционально-позитивный потенциал, выполняя помимо этого и выраженную *фатическую* функцию. Примечательно, что данные вокативы

представляют собой индивидуальные образования, речевые окказионализмы, экспрессивный потенциал которых по определению очень высок; в данном же случае он усиливается за счёт выстраивания этих номинаций в градационный ряд – употреблением трёх сопряжённых вокативов.

Николеньке Иртеньеву передалось от матери отношение к её (а впоследствии – и его) любимой няне: он явно выделяет Наталью Савишну из круга остальных слуг, что находит выражение и в том, как он выстраивает своё общение с ней, и в частности в том, какие именно речевые формулы употребляются в процессе этого общения. Приводимый далее фрагмент, с нашей точки зрения, достаточно отчётливо позволяет осознать это своеобразие: *«Так как ещё прежде довольно часто случалось, что после обеда я приходил спать в её комнату, она догадывалась, зачем я пришёл, и сказала мне, приподнимаясь с постели:*

– Что? верно, отдохнуть пришли, мой голубчик, ложитесь.

– Что вы, Наталья Савишна? – сказал я, удерживая её за руку – я совсем не за этим... я так пришёл... да **вы** и сами устали: лучше ложитесь **вы**.

– Нет, мой батюшка, я уж выспалась, – сказала она мне (я знал, что она не спала трое суток). – Да и не до сна теперь, – прибавила она с глубоким вздохом» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 90].

Обращение к представителю слуг на **вы** и по имени и отчеству, которое мы наблюдаем в речи Николая, безусловно, следует расценивать как речевые формулы знак его особого отношения к адресату – такая честь оказывалась слугам чрезвычайно редко. Между тем, в общении с Натальей Савишной в речи Николая это выдерживается весьма последовательно, что даёт основание считать подобные отношения искренними и в самом деле основанными на любви и уважении.

Следует отметить, что в общении Натальи Савишны с Николенькой Иртеньевым речевая формула *мой батюшка* (варианты: *батюшка мой, батюшка*) оказывается наиболее частотной; в повести «Детство» мы встречаем её неоднократно:

«Всегда она (Наталья Савишина) бывала чем-нибудь занята ... и, слушая всякий вздор, который я говорил, ... она приговаривала: «Да, **мой батюшка**, да». Обыкновенно, когда я вставал и собирался уходить, она отворяла голубой сундук, на крышке которого внутри – как теперь помню – были наклеены крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи, – вынимала из этого сундука курение, зажигала его и, помахивая, говаривала:

– Это, **батюшка мой**, ещё очаковское куренье. Когда ваш покойный дедушка – царство небесное – под турку ходили, так оттуда ещё привезли. Вот уж последний кусочек остался, – прибавляла она со вздохом» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 38];

«Когда потом я спрашивал у Натальи Савишины о последних минутах матушки, вот что она мне сказала:

Когда – вас увели, она ещё долго металась, моя голубушка, точно вот здесь её давило что-то; потом спустила головку с подушек и задремала, так тихо, спокойно, точно ангел небесный. ... Потом она приподнялась, моя голубушка, сделала вот так ручки и вдруг заговорила, да таким голосом, что я и вспомнить не могу: «Матерь божия, не оставь их!..» Тут уж боль подступила ей под самое сердце, по глазам видно было, что ужасно мучилась бедняжка; упала на подушки, ухватилась зубами за простыню; а слёзы-то, **мой батюшка**, так и текут» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 84 – 85];

«Она говорила почти шёпотом и с таким чувством и убеждением, что я невольно поднял глаза кверху, смотрел на карнизы и искал чего-то.

– Прежде чем душа праведника в рай идёт – она ещё сорок мытарств проходит, **мой батюшка**, сорок дней, и может ещё в своём доме быть...

Долго ещё она говорила в том же роде, и говорила с такою простотою и уверенностью, как будто рассказывала вещи самые обыкновенные, которые сама видала и насчёт которых никому в голову не могло прийти ни малейшего сомнения. Я слушал её, притаив дыхание, и хотя не понимал хорошенько того, что она говорила, верил ей совершенно.

– Да, *батюшка*, теперь она здесь, смотрит на нас, слушает, может быть, что мы говорим, – заключила Наталья Савишина» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 91].

Подобное – системное и последовательное – обращение к столь экспрессивной, с несколькими отчётливо выраженными коннотациями позитивного характера (учтивости, почтительности, доброжелательности и под.), и в то же время безусловно уважительной речевозитетной формуле в общении с господским ребёнком, несомненно, свидетельствует об особом отношении адресанта к мальчику, явно выходящем за рамки сословно-почтительных отношений, продиктованных социальными ролями коммуникантов (слуга – господин, точнее господский ребёнок).

Пример особого отношения господского ребёнка к присматривающему за ним слуге, выражающемся в том числе в используемой мальчиком Серёжей в разговоре с няней речевозитетной формуле, находим и в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука: *«Я попробовал даже сказать ей: Зачем ты, нянюшка, говоришь неправду?»*» (выделено мною. – Б. Ш.) [Аксаков 1986, с. 286].

В соответствии со «Словарём русского речевого этикета» А. Г. Балакая, «**Нянюшка**. Разг. Ласковое к **Няня** («Разг. Обращение к женщине, ухаживающей за детьми в семье» [Балакай 2001-а, с. 322]. Эта речевозитетная формула как номинация с безусловно позитивной экспрессией, формальным показателем которой является суффикс субъективной оценки **-ЮШК-**, наделена выраженными эмоциональной и фатической функциями и свидетельствует о ласково-доверительных, «неформальных» отношениях между няней и её воспитанником.

Однако в повести «Детство» есть эпизод, который недвусмысленно даёт понять, что сословные различия между слугами и господами в социальном контексте XIX-го века присутствовали постоянно, хотя в ряде случаев (как, в частности, в приведённых выше эпизодах общения членов Натальи Николаевны

и Николеньки Иртеньевых с Натальей Савишной) могло создаваться впечатление об их исчезновении.

В этом эпизоде описывается случай, когда Наталья Савишна отругала Николая за испорченную скатерть, употребив при этом и совсем несвойственные для сложившихся между ними отношений речевые формулы вокативов: *«После обеда я в самом весёлом расположении духа, припрыгивая, отправился в залу, как вдруг из-за двери выскочила Наталья Савишна, с скатертью в руке, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, начала тереть меня мокрым по лицу, приговаривая: «**Не пачкай** скатертей, **не пачкай** скатертей!» Меня так это обидело, что я разревелся от злости.*

*«Как! – говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлёбываясь от слёз. – **Наталья Савишна, просто Наталья, говорит мне ты и ещё бьёт меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!**»*

Когда Наталья Савишна увидела, что я распустил слюни, она тотчас же убежала, а я, продолжая прохаживаться, рассуждал о том, как бы отомстить дерзкой Наталье за нанесённое мне оскорбление.

Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать:

*– Полноте, **мой батюшка**, не плачьте... простите меня дуру... я виновата... уж вы меня простите, **мой голубчик**...»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 39].

Описанный в повести эпизод, таким образом, вполне ясно показывает, что стоило даже любимому и уважаемому, но при этом занимающему значительно более низкую ступеньку в сословной иерархии ступеньку проявить по отношению к мальчику строгость и даже наказать его, как ребёнок тут же меняет свою всегдашнюю «милость» на гнев, возмущаясь даже вполне справедливыми действиями взрослого человека и вспоминая о том, что он ему не ровня. Наталья Савишна сразу же становится «просто Натальей», которая поступает по отношению к нему так же, как к дворовому мальчишке, что

необыкновенно обижает («*Меня так это обидело, что я разревелся от злости*»), оскорбляет его и даже приводит в ярость: «*Как! – говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлёбываясь от слёз. – Наталья Савишна, просто Наталья, говорит мне ты и ещё бьёт меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!*».

Существующую между нею и молодым хозяином, пусть даже и совершившим проступок, сразу же ощутила и Наталья Савишна, осознав, что она своими действиями переступила некую грань, которую слугам, даже наиболее уважаемым и любимым, в отношениях с господами переступать заказано. Это выразилось и в явной перемене тональности общения с Николаем: заслуживая хозяйское прощение, Наталья Савишна, как и предопределено для людей её статуса, обращается к нему на **вы** и использует при этом уважительно-ласковые речевые формулы *мой батюшка* и *мой голубчик*, всячески стараясь добиться прощения Николая за свой поступок, который она теперь расценивает как вспыльчивый и необдуманный.

Обратим внимание ещё на одну этикетную формулу, которую использует в общении со своим маленьким питомцем представитель низшего сословия – **дядька** (крепостной, которому был доверен присмотр за ребёнком) Евсеич, приглядывающий за маленьким Серёжей из повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». В этом произведении, так же, как и в трилогии Л. Н. Толстого, реализован *субъективированный* тип повествования (от лица рассказчика, Сергея Багрова, прототипом которого является сам). Данный тип повествования в процессе изложения хода изображаемых событий позволяет и более явственно передавать их оценку, субъективное отношение говорящего, которое в данном случае оказывается весьма значимым для адекватного восприятия содержания произведения. Реплика Евсеича передаётся в приводимом далее фрагменте словами его воспитанника Серёжи: «*Не знаю, соколик мой (так он звал меня всегда), всё ли правда тут написано; а вот здесь в деревне, прошлой зимою, доподлинно случилось, что мужик Арэфий*

Никитин поехал за дровами в лес, в общий колок, всего версты четыре, да и запоздал» (выделено мною. – Б. Ш.) [Аксаков 1986, с. 279].

Аналогичную речезтикетную формулу при обращении к Серёже мы встречаем ещё в одном фрагменте произведения, также в повествовании от имени Евсеича, который, судя по всему, был незаурядным рассказчиком: *«Уж на другой день пришёл в себя и есть попросил. Теперь здоров, только как-то говорить стал дурно. – Вот это, мой соколик, уж настоящая правда. Коли хочешь, то я тебе покажу его, когда он придёт на барский двор. С тех пор его зовут не Арефий, а Арева. Рассказ об Арефье очень меня занял, и через несколько дней Евсеич мне показал его, потому что он приходил к дедушке чего-то просить»* (выделено мною – Б. Ш.) [Аксаков 1986, с. 280].

Соколик – чрезвычайно экспрессивная и при этом безусловно национально специфичная речезтикетная формула, которую можно считать безэквивалентной для других лингвокультур (языков) – ср. трактовку данной номинации в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая: *«♦ Соколик (ты мой). ... ♦ Соколик (ты) мой ясный. ... Просторечное, народно-поэтическое. Ласковое женское или стариковское обращение к мальчику, юноше, мужчине. ... «Что ж, тебе скучно здесь, – спросил Пьер. «Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, – прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. – Соколиком на службе прозвали. Как не скучать, соколик!» Л. Толстой. Война и мир»* [Балакай 2001-а, с. 490].

Достаточно редко при обращении к находящимся на более низкой ступени в сословной лестнице в речи представителей высших слоёв общества в качестве вокатива встречается речезтикетная формула **братец**, обладающая в данном случае явной *фамильярно-снисходительной* стилистической окрашенностью. Так, в частности, в повесть «Юность» Л. Н. Толстого («Глава VIII. Вторая исповедь») включён эпизод общения Николая Иртеньева, уже юноши, с незнакомым извозчиком, к которому он обратился, испытывая непреодолимое желание поделиться с кем-нибудь впечатлениями после своей исповеди. *«Мне*

ужасно хотелось поговорить с кем-нибудь; но так как под рукой никого не было, кроме извозчика, я обратился к нему.

– Что, долго я был? – спросил я.

– Ничего-таки, долго, а лошадь давно кормить пора; ведь я ночной – отвечал старичок извозчик теперь, по-видимому, с солнышком, повеселевший сравнительно с прежним.

– А мне показалось, что я был всего одну минуту, – сказал я. – А знаешь, зачем я был в монастыре? – добавил я, пересаживаясь в углублении, которое было на дрожках ближе к старичку извозчику.

– Наше дело какое? Куда седок скажет, туда и везём – отвечал он.

– Нет, всё-таки, как ты думаешь? – продолжал я допрашивать.

– Да, верно, хоронить кого, ездили место покупать, – сказал он.

*– Нет, **братец**; а знаешь, зачем я ездил?*

*– Не могу знать, **барин**, – повторил он» (выделено мною. – Б. Ш.)*

[Толстой 1986, с. 187].

В описываемой коммуникативной ситуации используемые коммуникантами речезтикетные формулы являются чёткими сигналами их сословных отличий: юноша как представитель дворянства позволяет себе обращаться к пожилому человеку на **ты** (*А знаешь, зачем я был в монастыре?; Нет, всё-таки, как ты думаешь?* и т. п.), используя при этом вокатив **братец** в соответствующем значении (безусловно отличном от рассмотренного ранее, функционирующего в общении помещичьих детей друг с другом). В данном случае рассматриваемая номинация являет собой «фамильярно снисходительное обращение ... к младшему по положению» [Балакай 2001-а, с. 66], которое в речи адресанта, как правило, всегда выражает *покровительственное* отношение к адресату, в большинстве случаев обусловленное именно их отличиями в сословном, и соответственно в социальном, статусе.

3.3.5. Отражение в художественном произведении влияния французской культуры на речевой этикет русского дворянского общества

В тексте трилогии Л. Н. Толстого – в основном, в двух входящих в неё повестях «Отрочество» и «Юность» – довольно часто используются неофициальные варианты имён собственных-вокативов (причём как детей, так и взрослых), созданные по моделям, действующим в то время во французском языке. Подобную ситуацию можно трактовать как явную ориентацию русского дворянства XIX-го века на западную, прежде всего – французскую, культуру, которую некоторые исследователи нередко квалифицируют как «преклонение» перед западными общественно-нравственными устоями, нашедшими отражение и в обиходно-бытовой сфере.

В трилогии Л. Н. Толстого данное явление неоднократно зафиксировано художественно и, как представляется, находит достаточно последовательное отражение. Во-первых, в повестях «Детство» и «Отрочество» – как в собственно повествовании, так и в художественно воссозданных коммуникативных ситуациях – последовательно используется номинация *tata* – как по отношению к Наталье Николаевне Иртеньевой, матери Николая, Владимира и Любы, так и по отношению к их бабушке (преимущественно в речи их отца, обращающегося так к своей теще).

Уже на первых страницах начальной части трилогии, повести «Детство» («Глава II. Мата») мы встречаем: *«Поздоровавшись со мною, tata взяла обеими руками мою голову и откинула её назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:*

– Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

– О чём ты плакал?

Когда она разговаривала с нами по-дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

– *Это я во сне плакал, **татап**, – сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманный сон и невольно содрогаясь при этой мысли»* (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 9 – 10].

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и в повествовании, и в изображённых в повести ситуации общения наряду с номинацией **татап** используется и исконно русское **матушка** – буквально в предваряющем процитированный выше фрагмент абзаце находим: *«Когда **матушка** улыбалась, как ни хорошо было её лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом всё как будто веселело»* [Толстой 1986, с. 9]. В данном случае рассматриваемая номинация функционирует в словесно-художественном повествовании, которое ведётся от лица Николая, так что её вполне правомерно считать принадлежностью именно его речи; довольно разнообразная палитра обращений-вокативов, используемых мальчиком непосредственно в общении с матерью, была проанализирована в подразделе 3.3.1.

В повести «Отрочество» исключительно французское **татап** использует отец Николая – в общении со своей тещей, бабушкой его детей, что подтверждают приводимые далее текстовые фрагменты:

«Сама бабушка сидела несколько боком и раскладывала пасьянс – Путешественник, что всегда означало весьма неблагоприятное расположение духа.

*– Как себя чувствуете нынче, **татап**? хорошо ли почивали? – сказал папа, почтительно целуя её руку.*

– Прекрасно, мой милый; вы, кажется, знаете, что я всегда совершенно здорова, – отвечала бабушка таким тоном, как будто вопрос папа был самый неуместный и оскорбительный вопрос» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 116];

«– Видите, мой милый, – сказала бабушка, обращаясь к папа, когда Глаша, продолжая ворчать, вышла из комнаты, – как со мной говорят в моём доме?»

– Позвольте, **татап**, я сам натру вам табак, – сказал папа, приведённый, по-видимому, в большое затруднение этим неожиданным обращением.

– Нет уж, благодарю вас: она ведь оттого так и груба, что знает, никто, кроме неё, не умеет стереть табак, как я люблю. Вы знаете, мой милый, – продолжала бабушка после минутного молчания, – что ваши дети нынче чуть было дом не сожгли?

Папа с почтительным любопытством смотрел на бабушку.

– Да, они вот чем играют. Покажите им, – сказала она, обращаясь к Мими.

Папа взял в руки дробь и не мог не улыбнуться.

– Да это дробь, **татап**, – сказал он, – это совсем не опасно.

– Очень вам благодарна, мой милый, что вы меня учите, только уж я стара слишком...» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 116 – 117].

Эту же номинацию – **татап** – нередко используют в речи и другие персонажи трилогии Л. Н. Толстого, например, **Катенька**, дочь гувернантки Мими, упоминая в разговоре с Николенькой о своей матери (повесть «Отрочество»): «... Катенька поняла, что мне больно её равнодушие; она подняла голову и обратилась ко мне:

– Папа говорил вам, что мы будем жить у бабушки?

– Говорил; бабушка хочет совсем с нами жить.

– И все будем жить?

– Разумеется; мы будем жить на верху в одной половине; вы в другой половине; а папа во флигеле; а обедать будем все вместе, внизу у бабушки.

– **Матап** говорит, что бабушка такая важная – сердитая?

– Не-ет! Это только так кажется сначала. Она важная, но совсем не сердитая; напротив, очень добрая, весёлая. Коли бы ты видела, какой бал был в её именины!» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 107].

Номинация **татап**, используемая в трилогии Л. Н. Толстого в варианте, существующем в языке-источнике (в данном случае – французском), из которого слово и было заимствовано русским языком, функционирует в

художественном тексте как *варваризм* (слово, не полностью освоенное либо вовсе не освоенное заимствующим языком), сохраняя при употреблении свой изначальный вид, а также свойственные ему в языке-источнике грамматические особенности (в анализируемых художественных текстах оно «ведёт» себя как несклоняемое).

Примечательно, что «Словарь русского речевого этикета» А. Г. Балакай в обширной словарной статье, посвящённой обращению «мама», среди вариантов последнего приводит и обращение *маман* (*taman*), сопровождая его значком «песочные часы», применяющимся «для указания устаревших или устаревающих слов и выражений, а также их и семантических вариантов и грамматических форм» [Балакай 2001-б, с. 19], и следующим описанием: «**Мамá. Мамáн.** [Франц. **taman** – **мама, маменька, мамаша.**] ... **До революции обращение к матери** (реже – к свекрови или **тёще**) **на французский манер в дворянской полиязычной среде.** [*Ваня и Катя (вбегают):*] *Мама, идите скорей.* [*Мария Ивановна:*] *Иду, иду.* Л. Толстой. И свет во тьме светит. – *Матап, татап,* – *вскричала, вбегая в комнату девочка лет одиннадцати,* – *к нам Владимир Николаевич верхом едет!* И. Тургенев. *Дворянское гнездо*» (выделено мною. – Б. Ш.) [Балакай 2001-б, с. 252].

Безусловно, обращения, «продиктованные» желанием следовать французским образцам, в значительно меньшей степени обладают той душевностью и позитивностью, которой отличаются многие из рассмотренных ранее этикетных формул – прежде всего тех, которые в наибольшей степени отражают национальное своеобразие русского этикета (*сестрица, маменька* и под.).

В трилогии Л. Н. Толстого явные следы французского влияния присутствуют и в других случаях. Так, имя второго гувернёра братьев Владимира и Николая Иртеневых, француза по происхождению, также функционирует в текстах повестей как *варваризм*, будучи последовательно используемым в своём первоначальном (французском) графическом облике: *St.-Jérôme*. Однако в данном случае можно заметить и определённую

«обруселость» этого французского имени, в том числе и в сравнении с несклоняемой номинацией *maman*: при использовании имени гувернёра в косвенных падежах к французскому имени, употреблённому в своём первоначальном графическом виде, добавляются соответствующие русские падежные окончания – например: *St.-Jérôme'a*.

Представляется, что как *варваризм* можно расценивать и постоянно, во всех трёх частях трилогии Л. Н. Толстого, номинацию *naná*, которая, хотя и оформлена графически в соответствии с правилами русского языка, тем не менее и грамматически, и орфоэпически ведёт себя в соответствии с законами французской орфоэпии и грамматики, что вполне отчётливо выявляется при контекстуальном анализе данной номинации (несмотря на то, что автор не отмечает слово папа ударением на последнем слоге – в соответствии с нормами французского языка). Так, уже в одной из первых глав повести «Детство» («Глава III. Папа») находим: *«Поговорив ещё о погоде – разговор, в котором приняла участие Мими, – татап положила на поднос шесть кусочков сахару для некоторых почётных слуг и подошла к пальцам, которые стояли у окна.*

– Ну, ступайте теперь к папа, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашёл, прежде чем пойдёт на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли к папа. Пройдя комнату, удержавшую ещё от времён дедушки название официантской мы вошли в кабинет» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 10].

Из приведённого контекста следует, что номинация папа функционирует в художественном дискурсе как несклоняемое существительное, то есть демонстрирует грамматическими качества, свойственные ему во французском языке (*ступайте ... к папа; мы пошли к папа*), в связи с чем его логично и произносить в соответствии с правилами французской орфоэпии: *naná*.

«На французский манер» – *Мими* – зовут и компаньонку матери (впоследствии – покойной) братьев и сестры Иртеньевых, явно русскую по происхождению, которая проживает в их семье вместе с дочерью Катенькой и одновременно выполняет обязанности гувернантки в семье; именно так

обращаются к ней все вступающие с нею в общение – как взрослые, так и дети всей семьи Иртеньевых; как знакомые, так и незнакомые люди.

Обращения друг к другу в соответствии с традициями французской культуры были широко распространены в сфере дворянской коммуникации XIX-го века, причём для этого могли использоваться как одиночные личные имена-варваризмы (например, *Nicolas*), так и личные имена в сочетании с французским *monsieur* (*monsieur Nicolas*), а также устойчивые речевые формулы обращения без личных имён (типа *mon cher*). Ср. в связи со сказанным приводимые далее примеры из третьей части трилогии Л. Н. Толстого – повести «Юность»:

«Княгиня засмеялась как будто бы неестественным смехом (впоследствии я заметил, что у ней не было другого смеха).

– Однако это, должно быть, правда, – сказала она. – А что, вы долго здесь пробудете, Nicolas? Вы не обидитесь, что я вас зову без monsieur? Когда вы едете?»;

«– Вам, я думаю, скучно, monsieur Nicolas, слушать из середины, – сказала мне Софья Михайловна с своим добродушным вздохом, переворачивая куски платья, которое она шила»;

«– Merci, mon cher, – сказала она (Софья Ивановна), – я сама иду туда, так скажу» (во всех случаях выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 236 – 237].

В заявленном в данной части диссертационной работы аспекте заслуживает внимания и иногда встречающееся в трилогии Л. Н. Толстого специфическое обращение к сыну отца Николая, возникшее явно под влиянием французской традиции; это, с нашей точки зрения, также подтверждает высказанное ранее положение о весьма заметном влиянии французской культуры на характер дворянской семейной коммуникации XIX-го века:

«– Чем человека посылать, поди-ка лучше ты, Ко-ко, – сказал он [отец Иртеньева. – Б. Ш.] мне. – Ключи лежат на большом столе в раковине, знаешь?.. Так возьми их и самым большим ключом отпери второй ящик

направо. Там найдёшь коробочку, конфеты в бумаге и принесёшь всё сюда» (выделено мною. – Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 131].

Неофициальный вариант имени **Ко-ко** образован от русского личного имени собственного **Николай** под очевидным влиянием французского языка, где данный вариант употребляется для именованья как мужчин (от французского *Nicolas*), так и женщин (от французского *Nicole*) – ср., например, имя известной французской законодательницы моды **Коко Шанель**. Употребление его при обращении к сыну в семейной коммуникации носителей русского языка свидетельствует об ориентированности говорящего (в данном случае – отца семейства) на французские образцы общения, во всяком случае – в сфере употребления номинаций-обращений, в частности, их выбора.

Нам представляется достаточно любопытным рассмотреть употребление ориентированных на французскую лингвокультуру этикетных формул в связи с существующими в русской лингвокультуре моделями **ты**- и **Вы**-общения.

В работе В. Е. Гольдина «Речь и этикет» приводится ряд фрагментов из трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», художественно иллюстрирующих модели **ты** и **Вы (вы)**-обращений в русской культуре; исследователь отмечает: «Характерное для середины XIX-го в. употребление **ты** и **Вы** дворянской семьёй и её окружением отразилось в замечательной трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» [Гольдин 1983, с. 70].

Так, весьма интересно проследить за тем, как пользуется местоимениями **ты** и **вы** бабушка Николеньки: местоимение **вы** имеет в её речи множество оттенков, однако чаще всего используется для передачи холодности, высокомерия, а иногда и неприязни к собеседнику. В сравнении с этим **вы** – «отдаляющим», по выражению В. Е. Гольдина – местоимение **ты** в речи героини воспринимается как обращение более душевное и тёплое, поскольку чаще всего выражает расположение, приязнь к тому, кому адресуется речь. Вот как, например, в повести «Отрочество» бабушка высказывает требование о том, чтоб Николенька извинился перед гувернёром:

«— Да, **мой милый**, — сказала она после довольно продолжительного молчания, во время которого она осмотрела меня с ног до головы таким взглядом, что я не знал, куда девать свои глаза и руки, — могу сказать, что очень цените мою любовь и составляете для меня истинное утешение. *Monsieur St.-Jérôme*, который по моей просьбе, — прибавила она, растягивая каждое слово, — взялся за **ваши** воспитание, не хочет теперь оставаться в моём доме. Отчего? **от вас, мой милый**. Я надеялась, что **вы** будете благодарны, — продолжала она, помолчав немного и тоном, который доказывал, что речь её была приготовлена заблаговременно, — за попечения и труды его, что **вы** будете уметь ценить его заслуги, а **вы, молокосос, мальчишка**, решились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что **вы** не способны понимать благородного обращения, на вас нужны другие, низкие средства... Проси сейчас прощения, — прибавила она строго-повелительным тоном, указывая на *St.-Jérôme 'a*, — слышишь?

Я посмотрел по направлению руки бабушки и, увидев сюртук *St.-Jérôme 'a*, отвернулся и не трогался с места, снова начиная ощущать замирание сердца.

— Что же? **вы** не слышите разве, что я **вам** говорю?

Я дрожал всем телом, но не трогался с места.

— **Коко!** — сказала бабушка, должно быть, заметив внутренние страдания, которые я испытывал. — **Коко**, — сказала она, уже не столько повелительным, сколько нежным голосом, — **ты** ли это?» (выделено мною. — Б. Ш.) [Толстой 1986, с. 141 – 142].

В приведённом фрагменте текста местоимение **вы** употреблено бабушкой по отношению к Николеньке **девять** раз, и во всех случаях с помощью этого местоимения демонстрируется осуждение поступка внука: обращённое к нему **вы** звучит, по замечанию автора, строго-повелительно, холодно.

Местоимение **ты** употребляется всего один раз — в последней части беседы, в сочетании с неофициально-ласковым домашним вариантом имени собственного **Коко** (один из обиходно-ласкательных вариантов имени «Николай», хотя и, как уже было отмечено, с явными признаками ориентации на

культуру французскую), однако именно с его помощью передаётся нежность и сочувствие к внуку.

Проанализированный фрагмент, как и многие другие примеры из произведений Л. Н. Толстого, которые рассмотрены В. Е. Гольдиным (из трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и романа-эпопеи «Война и мир»), самым убедительным, на наш взгляд, образом демонстрируют связь речевого этикета с культурой нации, с её духовными и морально-нравственными устоями; свидетельствуют о том, что каждое обращение-вокатив одного человека к другому – это знак, содержащий обширный комплекс сведений не только (а иногда – и не столько) *лингвистического*, но и иного характера: *социального, психологического, культурного, философского, эстетического* и т. д.

Этот вывод полностью подтверждает и мнение Н. И. Формановской о речевом этикете как категории, *концентрирующей* в себе многообразную информацию, явно выходящую за пределы собственно лингвистики: «Функции речевого этикета, базируясь на присущей языку коммуникативной функции, складываются из взаимосвязанных специализированных функций: контактоустанавливающей (фатической), ориентации на адресата (конативной), регулирующей, волеизъявления, побуждения, привлечения внимания, выражения отношений и чувств к адресату и обстановке общения» [Формановская 2002, с. 414].

Представляется, что классическая русская литература, в частности – произведения Л. Н. Толстого, могут быть привлечены как уникальные источники, воссоздающие неповторимый психологический микроклимат русской дворянской семьи XIX-го века, в значительной степени более гармоничный, нежели современная семейная коммуникация, в формировании которого речевому этикету в принципе и речевыми формулами, употреблявшимися в этом общении детьми и родителями, принадлежала очень существенная роль.

Выводы к разделу III

Первичное формирование личности, в том числе и личности *языковой*, точнее – *коммуникативно-речевой*, осуществляется именно в семье, что обуславливает принципиально важную роль последней в этом процессе. Особое место в процессе коммуникативно-личностного становления занимает овладение родным языком и навыками речевого общения; к тому же именно в семье закладываются культурные и поведенческие стереотипы личности, которые затем реализуются коммуникантами в различных ситуациях общения.

Высказанным положением – в числе других факторов – обусловлено существенное возрастание исследовательского интереса к разноаспектному изучению семьи на данном этапе лингвистического и в целом гуманитарного знания. Семья рассматривается психологами (с точки зрения формирования в семье психологического климата и характера отношений между её членами); социологами (в качестве малой социальной группы); историками (с точки зрения возникновения и видоизменения семьи в ходе её исторического развития); культурологами (с позиций формирования в семье особого культурного пространства) и т. д.

Существенно возрос к изучению семьи и интерес лингвистов, исследующих данный феномен, в частности, с точки зрения *распределения в семье коммуникативных* (социально-коммуникативных) ролей в различных ситуациях речевого общения. Детальное рассмотрение получают в настоящее время отдельные *жанры семейного общения, семейный фольклор и фамильелект* – речевые средства, функционирующие в рамках общения между собой членов отдельной семьи. Актуальной проблемой является и рассмотрение вопросов, связанных с явлениями *билингвизма* и даже *полилингвизма*, которые всё чаще наблюдаются в современных семьях.

В условиях значительного падения в современном обществе уровня речевой культуры, безусловно затронувшего и сферу речевого этикета, особую ценность приобретают источники, зафиксировавшие лучшие образцы

функционирования речевых формул в русской культуре в разные временные отрезки существования данного национально-культурного сообщества.

К таким источникам, вне всякого сомнения, принадлежит классическая русская литература – произведения, где отображена жизнь русского общества в различные периоды его развития, в том числе и его богатая и разнообразная речевая культура с её многочисленными речевыми формулами, часть которых сегодня не является актуальной, однако представляет собой уникальное богатство национального лингвокультуры.

Литературно-художественные произведения, воссоздавая для нас картины жизни минувшего, не только образно передают характерные особенности как повседневного, так и официального бытия предков, но и содержат необыкновенно ценную информацию о морально-этических устоях и духовном своеобразии прошлого. Лучшие образцы классической русской литературы предоставляют современным исследователям возможности для уточнения, расширения, дополнения и т. д. представлений о наличии и норм речевого характера в различные периоды существования русского языка.

Однако в данной части работы было продемонстрировано, что материал русской классической литературы, содержащий сведения о речевой этикете, может послужить базой и для некоторых выводов теоретического свойства – в частности, применительно к русскому языку в его диахроническом развитии.

В русской классической литературе содержится богатый, разнообразный и нередко уникальный по своим характеристикам материал о национальном речевом этикете, который заслуживает детального исследования и систематизации с лингвистических позиций. В частности, в русской художественной прозе, изображающей жизнь русского общества XIX-го века, широко и многогранно представлена семейная коммуникация дворянского и помещичьего сословий: детей с родителями и родителей с детьми; незрелых членов семей между собой; дворян и помещиков с представителями низших сословий (слуг, крестьян и т. д.).

Анализ речевых формул, используемых в общении родителей и детей, позволяет сделать вывод о том, что в подавляющем своём большинстве они отличались позитивной эмоциональной окраской, были ориентированы на выражение любви, признательности, уважения членов семьи друг к другу. Особым разнообразием при этом отличались номинации-вокативы, адресуемые детьми матери (*маменька, мамаша* и др.), многие из которых в современном русском языке значительно сузили сферу своего употребления.

Отдельного исследовательского внимания заслуживают и речевые формулы, используемые незрелыми членами дворянских семей в общении между собой: среди них преобладают варианты антропонимов с суффиксами позитивной оценки (в частности, уменьшительно-ласкательными): *Николенька, Катенька, Любочка* и под. Употребление таких вариантов полных имён-антропонимов в функции обращений способствовало созданию доброжелательного тональности коммуникативно-речевых ситуаций, что, соответственно, повышало эффективность общения в целом.

В общении представителей дворянства с представителями низших сословий, прежде всего – слуг и тех, кто обучал и воспитывал дворянских детей (гувернёров / гувернанток и учителей) также существовали определённые правила, которые обе взаимодействующие стороны придерживались довольно строго. Младшие члены дворянских семей так же, как и взрослые, могли обращаться к слугам на *ты*, несмотря на то, что адресатами часто были люди значительно более старшего либо даже преклонного возраста. Наряду с этим проанализированный материал свидетельствует, что, невзирая на очевидные сословные различия, дворянским детям предписывалось в общении со слугами вести себя вежливо, сдержанно и в известной степени уважительно, не допуская агрессивного, унижающего и тем более хамского отношения к ним. В русских дворянских семьях подобное отношение к представителям низших сословий отнюдь не поощрялось, а нередко и подвергалось осуждению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речевой этикет является составной частью этикета в целом – объёмной и значимой во многих отношениях части общечеловеческого культурного достояния, формировавшегося в каждой национальной культуре в течение длительного времени (как минимум – нескольких веков, но нередко и тысячелетий). Современный этикет, функционирующий в различных национально-культурных сообществах, безусловно, обнаруживает некоторые общие черты, однако и сохраняет в каждой из существующих сегодня лингвокультур очевидное своеобразие, выраженное в большей или меньшей степени.

Под речевым этикетом в современной науке в общем понимают «систему национально-специфических, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых обществом для установления контакта собеседников, для его поддержания и прерывания (в избранной тональности)» [Тумина 1998, с. 199]. Приведённое определение речевого этикета, бесспорно, не является единственным и сосуществует в современной лингвистической науке с другими, в целом с ним совпадающими, однако акцентирующими внимание на различных аспектах данного феномена, поскольку сегодня он единодушно трактуется исследователями как явление комплексное.

К числу основных аспектов осмысления речевого этикета в настоящее время принадлежат как традиционные для рассмотрения лингвистических явлений, среди которых *семантический, структурный, стилистический, методический*, так и те, которые сформировались относительно недавно, на новейшем этапе лингвистического и междисциплинарного знания: *социолингвистический* (и/или *социокультурный*), *лингвопрагматический, лингвокультурологический* и под. В свете достижений современного этапа лингвистического знания претерпели определённую трансформацию и традиционные аспекты изучения речевого этикета; так, в частности, методический аспект получил в настоящее время разработку как

лингводидактический и *лингвострановедческий*; аспект стилистический разрабатывается сегодня под очевидным влиянием результатов, достигнутых коммуникативной лингвистикой (теорией и практикой речевой коммуникации), в связи с чем более целесообразно определять его как *коммуникативно-стилистический*, а также под очевидным влиянием актуальной сегодня концепции языковой личности и т. д. Это нашло отражение и определениях речевого этикета последнего времени – ср., например, определение данного феномена в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (2003): «Речевой этикет – совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, **воспитанностью языковой личности**, постоянной практикой, контролируемой сознанием» (выделено мною. – Б. Ш.) [Дускаева, Протопопова 2003, с. 354].

Практически во всех существующих на сегодня определениях речевого этикета обращается внимание на национально-культурную значимость этого явления. Именно поэтому сформировавшееся в последние несколько десятилетий новое междисциплинарное направление лингвокультурология абсолютно справедливо включает речевой этикет в число наиболее «культуроносных» слоёв языка, требующих самого внимательного рассмотрения с лингвокультурологических позиций.

Формировавшийся в течение длительного времени национальный речевой этикет хранит в себе следы коммуникативной культуры разных эпох и социальных слоёв представителей той или иной лингвокультуры, фиксирует в себе национальные обычаи, общественно-политические (как эволюционные, так и революционные) события, межгосударственные и межэтнические контакты, «впитывает» в себя особенности сословных, религиозных, морально-этических, гендерных, родственных, возрастных и других типов отношений между людьми, что обуславливает его значительную культурную и научно-познавательную ценность.

Несмотря на то, что речевой этикет представляет собой универсальное явление, которое присуще всем национальным культурам и соответственно – лингвокультурам, каждый язык содержит собственный *речевой этикетный тезаурус* (запас речевых формул – слов и выражений), в котором зафиксировано национальное представление о вежливости и правилах поведения человека в различных коммуникативных, в том числе и коммуникативно-речевых, ситуациях.

Этикетные нормы различаются у разных наций и народностей, однако «сценарии», в которых эти нормы реализуются, во многом совпадают: это ситуации *приветствия* и *прощания*; *поздравления* и *соболезнования*, *благодарности* и *извинения* и под. Конкретные для каждого из таких сценариев формулы речевого этикета у каждого народа отличаются национальной спецификой – достаточно вспомнить характерное русское приветствие *Здравствуйте!*, представляющее по форме пожелание здоровья, однако используемое в самых различных коммуникативных ситуациях, часто с этим пожеланием непосредственно не связанных.

Русский речевой этикет, как и речевой этикет иных национальностей, формировался в течение длительного времени, в связи с чем наиболее целесообразным подходом при его изучении видится подход *синхронно-диахронический*, учитывающий и исторические особенности его становления, поскольку именно он позволяет адекватно оценить современное состояние этой группы языковых средств, а также более полно и глубоко осмыслить теоретические основы формирования речевого этикета в принципе.

Картины жизни минувших эпох воссоздают для нас литературно-художественные произведения, которые не только передают в эстетически осложнённой форме своеобразие быта предков, характерные особенности их как повседневного, так неординарного (торжественного, праздничного и под.) существования, но и содержат информацию о духовном своеобразии прошлого, его морально-этических устоях. Из произведений художественной литературы мы узнаём и о том, как именно протекали процессы общения у

предшествующих поколений, что при этом было наиболее важным для них, чему уделялось первостепенное внимание и т. д. Словесно-художественные произведения расширяют наши познания не только о речевом этикете, но и об этикете в целом, в структуре которого, как уже было продемонстрировано, речевой этикет занимает очень весомое место.

В русской лингвокультуре в число наиболее распространённых этикетных формул, наполняемых в различных коммуникативных ситуациях различным содержанием, входит обращение – грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения, используемый для номинации того, к кому обращена речь. В процессе межличностного коммуникативно-речевого взаимодействия обращение выполняет две основные функции: *апеллятивную*, или *призывную* (в частности, привлечения внимания адресата) и *оценочно-характеризующую*; помимо этого, обращение в большинстве случаев является и выраженным *социокультурным* знаком, концентрируя в себе социокультурные смыслы, могущие влиять – иногда весьма существенно – на протекание процесса общения.

Русский язык в его современном состоянии обладает широким диапазоном вариантов обращений-антропонимов, образуемых от полного личного имени, которые различаются по многим своим особенностям – не только по *лингвистическим* (стилистическим, эмоционально-экспрессивным и т. д.), но и *экстралингвистическим* – социальным, лингвокультурным и т. д. Это придаёт русскому речевому этикету особую гибкость, позволяя в каждой конкретной коммуникативно-речевой ситуации подбирать наиболее соответствующий ей вариант личного имени, служащий не только для номинации коммуникантов (прежде всего адресата), но и для передачи отношения говорящего к нему, для характеристики самого коммуникативного контекста и т. д.

Например, от полного имени *Николай*, как отмечает один из наиболее популярных антропонимических словарей – «Словарь русских личных имён» Н. А. Петровского, – с помощью различных суффиксов возможно образование 21 производного имени: *Николайка; Николаха; Николаша; Николя; Коля;*

Колюня; Колюся; Колюха; Колюша; Коляня; Коляха; Коляша; Кока; Ника; Никаха; Никаша; Никуся; Никуша; Николка; Никула (Никуля); Никоша [Петровский 2000].

Перечисленные варианты антропонима *Николай* отличаются целым рядом признаков: *стилистической* и *эмоциональной* окраской, возможностью / невозможностью быть использованными в официальных либо неофициальных ситуациях, *частотностью* употребления и т. д. Однако именно наличие в русской лингвокультуре столь богатого диапазона вариантов личных имён позволяет коммуникантам – в первую очередь инициатору общения – выбирать наиболее соответствующий каждой коммуникативной ситуации вариант, который не только называет адресата, но и передаёт отношение собеседника к нему, формируя при этом определённую тональность процесса общения и выражая целый ряд иных смыслов *социального, культурного*, а часто и *национально-культурного* свойства.

Активное развитие в последние десятилетия коммуникативной лингвистики (теории и практики речевой коммуникации), а также выдвижение в языкознании на ведущие позиции антропоцентрической парадигмы актуализировали *коммуникативно-прагматический* аспект исследования обращений, тесно связанный с выявлением его стилистических и эмоционально-экспрессивных характеристик. Об этом, среди прочего, свидетельствует и появление в лексикографических справочных источниках, характеризующих обращение, словарных статей с выраженным коммуникативным компонентом – как, например, словарная статья «Обращение, привлечение внимания» в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (Москва, 2003), где обращение рассматривается не в традиционном структурно-семантическом ключе, а именно в аспекте его роли в коммуникативно-речевом взаимодействии.

В литературно-художественных произведениях, вошедших в число русской литературной классики, – в трилогии выдающегося русского писателя Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» и автобиографической

повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» – значительное место отводится изображению семейной коммуникации в дворянской среде русского общества середины XIX-го века. Безусловно, в центре внимания при этом оказывается и принятый в то время в дворянских семьях речевой этикет, используемый в общении как членов семьи между собой, так и в коммуникативно-речевых ситуациях с другими лицами.

Как свидетельствуют проанализированные художественные произведения, особое место в семейной коммуникации отводилось в дворянской среде общению родителей и детей. Используемые в этих случаях обращения практически всегда обладают выраженной *позитивной* эмоционально-экспрессивной окраской, что способствовало и формированию соответствующей тональности общения: тональности любви, нежности, доверительности и под.

Обращаясь к родителям, дети используют в качестве обращений такие номинации: *маменька, мамаша, милая мамаша, душечка моя, голубчик мой; папенька*, – которые уже изначально несут в себе положительную экспрессию, в значительной степени сформированную соответствующими суффиксами субъективной оценки (*-ЕНЬК-, -ЕЧК-, -ЧИК*).

В общении матери с ребёнком использованы такие речевые формулы, как: *Николенька; моя душечка; мой ангел*; вкладываемый в приведённый перечень речевых формул позитивный смысл также не вызывает сомнений.

Следует отметить, что в современном русском речевом этикете обращения *маменька* и *папенька* употребляются крайне редко и расцениваются как стилистически ограниченные (современные словари подают их с пометой *разговорное* и/или *фамильярное* – см., например, характеристику номинации *папенька* в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Кузнецова), а также как архаичные и/или излишне эмоциональные и поэтому не всегда уместные в современном коммуникативно-речевом взаимодействии.

Речезтикетная формула *мамаша*, широко используемая детьми при обращении к матери в XIX-ом веке в дворянской среде и функционирующая в языке того времени как общеупотребительная и стилистически нейтральная номинация, в современном русском языке также существенно трансформировала свою стилистическую принадлежность: современные словари квалифицируют её как *разговорную* и/или *областную* (диалектную), т. е. как однозначно ограниченную в употреблении.

При общении между собой невзрослых персонажей в рассматриваемых произведениях в большинстве случаев в качестве речезтикетных формул используются *неофициальные* варианты полных личных имён, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки с отчётливыми позитивными оценочными коннотациями: *ЛюбОЧКа*, *КатЕНЬКа*, *НиколЕНЬКа*, *Володя*, *ИлЕНЬКа* – или же номинации *братец* и *сестрица*, также с явной позитивной семантикой.

Правила семейного общения в дворянской среде предполагали именно такое – дружелюбное, ласковое и нередко – нежное, обращение детей друг к другу, что всячески поддерживалось и поощрялось взрослыми членами семей. Это безусловно способствовало созданию в семье атмосферы комфортного как для детей, так и для взрослых семейного микроклимата, формированию их позитивного, по-настоящему родственного отношения друг к другу.

Иные правила употребления речевого этикета действовали в тех случаях, когда представители дворянства (как взрослые, так и дети) общались с представителями низших сословий – крестьянами либо слугами, несмотря на то, что последние часто, особенно после длительного пребывания в господском доме, воспринимались как члены семьи.

Во-первых, ко всем слугам как взрослые, так и дети дворянских семей обращались исключительно на *ты*, что, с точки зрения современного носителя языка, выглядит как минимум невежливо: многие представители этой социальной группы были значительно старше своих юных хозяев; однако сословные различия подчёркивались и подобным образом.

Во-вторых, часто дворянские дети, подобно своим родителям и другим старшим членам семьи, обращались к значительно старшим себя по возрасту слугам, используя в качестве обращения лишь **имя** (а не **имя и отчество**), что также противоречит правилам современного русского речевого этикета.

В-третьих, в общении как и взрослых, так и невзрослых членов дворянских семей с представителями низших сословий нередко использовались те же этикетные формулы, что и при коммуникативном взаимодействии между собой, которые, однако, приобретали в подобных коммуникативных ситуациях совсем иное значение. Так, к примеру, номинация *голубчик*, которая в общении Николая Иртеньева с матерью выражала нежную привязанность и иные тёплые чувства, испытываемые мальчиком и его самым родным человеком по отношению друг к другу, при функционировании её в качестве обращения мальчика к слуге приобретает совершенно иную семантику. Она служит, как и следовало ожидать, для подчёркивания сословных различий и также свидетельствует о покровительственном отношении к собеседнику того, кто занимает более высокую ступеньку на социальной лестнице.

Следует подчеркнуть ещё один фактор, оказавший, с нашей точки зрения, достаточно существенное влияние на формирование и употребление русского речевого этикета в дворянской среде XIX-го века: определённое воздействие французской культуры на уклад жизни сословий высшего русского общества, прежде всего – сословия дворянского. Исследования специалистов различных научных областей свидетельствуют, что наиболее сильным воздействие французской культуры на русскую было в XVIII-ом веке, однако в XIX-ом веке это влияние также ещё ощущалось, что подтверждает и проанализированный нами материал. В области русского речевого этикета такого рода влияние отразилось в использовании в качестве речеетикетных формул – обращений – номинаций французского языка, которые часто передавались не в переводе на русский язык, а в своей исходной форме; таким обращением, функционирующим в трилогии Л. Н. Толстого, является номинация *taman*.

Помимо этого для дворянского речевого этикета XIX-го века было свойственно «переименование» русских личных имён «на французский манер» и употребление подобных форм при обращении в процессе общения как к детям, так и к взрослым. Так, к Николаю Иртеньеву его отец и бабушка довольно часто обращаются, используя вариант имени *Ко-ко*, возникшим под явным влиянием французского языка.

Отметим, что в подобных случаях практически всегда свойственная русским неофициальным вариантам личных имён позитивная семантика (выражение доверительности, расположения, нежности и под. по отношению к собеседнику) значительно снижается.

В заключении следует сказать, что речевой этикет богатство прошлого нуждается во всестороннем изучении, поэтому исследование закономерностей развития и функционирования речевых этикетных формул, по нашему мнению, будет способствовать привлечению внимания к проблемам речевого этикета не только специалистов-филологов и представителей смежных с лингвистикой областей знания, а и широкой общественности, что, в свою очередь, позволит более детально проанализировать состояние речевой культуры на этом этапе развития общества, а также наметит пути повышения ее уровня в современном социуме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Монографическая литература, статьи

1. Абрамова А. Т. К вопросу об обращении в современном русском языке. *Славянский сборник*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1958. Вып. 2. С. 109–125.
2. Абрамова Т. В. Речевой этикет как предмет лингвистического изучения. *Язык, коммуникация, социальная среда*. Вып. 2. Воронеж: ВГТУ, 2002. С. 94–98.
3. Агаркова О. А. Прагматические аспекты комплимента как формы речевого этикета: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2004. 22 с.
4. Адамушко Н. И. Социальная обусловленность функционирования коммуникативных единиц обращений в современном русском языке (опыт социолингвистического анализа): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1973. 24 с.
5. Акишина А. А. Русский речевой этикет: пособие для студентов-иностранцев. М.: Просвещение, 1983. 181 с.
6. Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет: пособие для студентов-иностранцев. М.: Русск. язык, 1983. 183 с.
7. Александрова М. В. Речевой этикет, речевая вежливость, норма, узус: соотношение понятий. СПб., 2000. 192 с.
8. Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 2001. 183 с.
9. Алпатов В. М. Речевой этикет. *Энциклопедический словарь юного лингвиста* / М. В. Панов. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 369–372.
10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
11. Байбурин А. К., Топорков А. У истоков этикета Этнографические очерки. Ленинград: Наука, 1990. 165 с.
12. Бажов П. П. Уральские сказки. М: Советская Россия, 1987. 348 с.

13. Балакай 2004-а: Балакай А. Г. Предисловие. *Толковый словарь русского речевого этикета: свыше 4000 этикетных слов и выражений*. М., 2004. С. 3–7.
14. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дисс. ... д. филол. наук: 10.02.01. Орёл, 2002. 41 с.
15. Балакай 2001-б: Балакай А. Г. Условные обозначения. *Словарь русского речевого этикета*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. С. 19.
16. Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантический и лексикографический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2005. 241 с.
17. Бацевич Ф. С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. Львів: Паіс, 2005. 264 с.
18. Беликов В. И. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве. *Acta Philologica*. Филологические записки. Вып. 1; гл. ред. М. Л. Ремнёва. М.: Альма-матер, 2007. С. 36–52.
19. Беликов В. И. и др. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гумм. ун-т, 2001. 439 с.
20. Бердникова А. Г. Речевой жанр благодарности: Когнитивный и семантико-прагматический аспекты: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2005. 224 с.
21. Битов А. Г. Заповедник. Киномелодрама. *Искусство кино*. 1977. № 8. С. 159–191.
22. Брагина Н. Г. Лингвокультурный анализ: области применения. *Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия*. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 59–64.
23. Бугакова Н. В. Категория обращения в свете когнитивной лингвистики (на материале французского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж, 2001. 24 с.
24. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 326 с.

25. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2001. 568 с.
26. Вежицкая А. Язык, культура, познание: пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
27. Вепрева И. Т. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода. *Русский язык сегодня*. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 111–119.
28. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция *логоэпистемы*. М.: ИКАР, 2000. 124 с.
29. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1999. 156 с.
30. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи. *Культура речи и эффективность общения*. М.: Наука, 1996. С. 121–151.
31. Винокур 1993-а: Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 234 с.
32. Винокур 1993-б: Винокур Т. Г. Информативная и фатическая функции как обнаружение коммуникативных намерений говорящего и слушающего. *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993. С. 5–29.
33. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
34. Вялкина Л. В. Обращение. *Русский язык. Энциклопедия* / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 276–277.
35. Глаголева Н. М. Прагматический анализ обращения в современном русском языке. *Личность, речь и юридическая практика: сб. науч. трудов*. Ростов н/Д: ДЮИ, 2004. С. 89–91.

36. Глинкина Л. А. Речевой этикет: ты и Вы. *Русский язык за рубежом*. 1988. № 6. С. 25–26.
37. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 268 с.
38. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987. 128 с.
39. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.
40. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Мысль, 2000. 176 с.
41. Гончаренко С. Б., Кучереносов В. Е. Речевой этикет русского языка и реализация его средств в процессе коммуникативного акта. Киев, 1988. 13 с.
42. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
43. Горшков А. И. Русская словесность: От слова к словесности. М.: Просвещение, 1996. 336 с.
44. Гребенева А. А. Социальная маркированность формул речевого этикета. *Материалы XXXV Международной филологической конференции* (Санкт-Петербург, 13–18 марта 2006 г.). Вып. 23. Секция общего языкознания. СПб., 2006. С. 48–50.
45. Гребенщикова Н. С. Историко-лингвистический комментарий на уроках словесности: пособие для учителя. Минск: Асар, 1998. 160 с.
46. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.
47. Данильчук Л. А. Основы имиджа и этикета: учеб. пособие. К.: Кондор, 2004. 234 с.
48. Дементьев В. В. Жанры фатического общения. *Дом Бытия. Альманах по антропологической лингвистике*. Вып. 2. Саратов, 1995. С. 49–60.
49. Добрович А. Б. Общение: наука и искусство. М.: Мысль, 2001. 157 с.
50. Домострой. Киев, 1992. 320 с.
51. Дорофеева И. В. Английское обращение в системе языка и в дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тверь, 2005. 22 с.

52. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Речевой этикет. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 354–358.
53. Жаркова Т. Я. Будем знакомы! М.: Институт русского языка имени А. С. Пушкина, 1997. 164 с.
54. Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий. *Логический анализ языка. язык речевых действий* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова и Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 131–137.
55. Земская Е. А. Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика языка. *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь* / Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 573–601.
56. Зернецкая А.А. Функциональная система вербально-коммуникативной деятельности (компетентностный аспект): монография. Харьков: Изд-во ООО “Щедрая усадьба плюс”, 2014. 336 с.
57. Зубарева А. А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2007. 241 с.
58. Ильина Н. И. Дороги и судьбы. М.: Рипол-классик, 2016. 736 с.
59. История и виды этикета. URL: <https://psyera.ru/4860/istoriya-i-vidy-etiketa> (дата обращения: 25.05.2018).
60. Казаков Ю.П. Голубое и зелёное. М.: Советский писатель, 1963. 320 с.
61. Камычек Я. Вежливость на каждый день. 2-е изд, перев. с польского. М.: Знание, 1981. 120 с.
62. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
63. Ключов Г. Н. О разработке проблематики обращения. *Русский язык: межведомств. сб.* Минск: Изд-во БГУ, 1981. С. 5–36.
64. Колесов В. В. Культура речи культура поведения. Л., 1988. 271 с.
65. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М.: Экономика, 2000. 287 с.

66. Кон И. С. К проблеме национального характера. *История и психология*. М., 1971. С. 122–158.
67. Костомаров В. Г. Русский речевой этикет. *Русский язык за рубежом*. 1967. № 1. С. 56–62.
68. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
69. Костомаров В. Г. Роль русского языка в диалоге культур. *Русский язык за рубежом РЯЗР*. 1994. № 5–6. С. 6–15.
70. Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е., Чернявская Т. Н. Язык и культура – новое в теории и практике лингвострановедения. М., 1994. 48 с.
71. Костылёв А. О. Обращение и его контекст в лексико-синтаксическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ленинград, 1987. 16 с.
72. Костылёв А. О. Система обращений современного русского языка. *Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения*: межвуз. сб. науч. трудов Л., 1988. С. 124–131.
73. Красных В. В. Лингвокультурология в ряду новых наук. О человеке говорящем: сегодня и завтра. *Язык, сознание, коммуникация*. Сб. статей, посвящённых памяти В. Н. Телия / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 181–193.
74. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии. *Русский язык за рубежом*. 2011. № 4. С. 60–66.
75. Кронгауз М. А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М.: Наука, 1999. С. 124–134.
76. Круглик Л. Я. Портрет в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». *Учёные записки Моск. обл. пед. ин-та*. Т. 122. Вып. 8. М., 1963. С. 119–122.
77. Кручинина И. Н. Обращение. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 340–341.
78. Кручинина И. Н. Обращение. *Русский язык. Энциклопедия* / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 170–171.

79. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих. *Социально-лингвистические исследования*. М., 1976. С. 42–51.
80. Культура русской речи и эффективность общения / Под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М.: Наука, 1996. 441 с.
81. Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М). 2000. 560 с.
82. Лазуткина Е. М. Этика речевого общения и этикетные формулы речи. *Учебник для вузов* / Под ред. проф. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М). 2000. С. 91–93.
83. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с. (Язык. Семиотика. Культура).
84. Лежнева И. И. Социолингвистическое развитие английского и русского речевого этикета: на материале форм обращения, формул приветствия и прощания: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2001. 163 с.
85. Леонтович О. А. Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. М.: Гнозис, 2014. 224 с.
86. Липатов В. В. Чёрный Яр. Сказание о директоре Прончатове. И это всё о нём. М.: Советский писатель, 1977. 720 с.
87. Лихачева Л. С. Школа этикета: Поучения на всякий случай. Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1997. 430 с.
88. Ломунов К. Н. Толстой, Лев Николаевич. *Русские писатели*. Биобиблиографический словарь: в 2-х частях. Ч. 2. М – Я.; редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. С. 295 – 306.
89. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (18 – начало 19 века). СПб.: Искусство, 1996. 399 с.

90. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. URL: http://www.gumer.info?bibliotek_Buks/History/Lotman/index.php (дата обращения: 25.03.2018).
91. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении. *Избранные статьи* / Ю. М. Лотман. Т. 1. Таллин, 1992. URL: <http://www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm> (дата обращения: 25.03.2018).
92. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 350 с.
93. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
94. Матвеев В. М., Панов А. Н. В мире вежливости. Изд 2-е. М.: Молодая гвардия, 1976. 144 с.
95. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. Курс лекций. М.: Academia, 2004. 432 с.
96. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996. 206 с.
97. Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
98. Мосейко А. А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2005.
99. Насонкина С. А. Уроки этикета / Худ. И. Н. Ржевцева. СПб.: Изд-во «Детство-Пресс», 2003. 40 с.
100. Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. М.: Наука, 1977. 351 с.
101. Новиков Вл. И. Толстой Л. Н. Язык его произведений. *Энциклопедический словарь юного лингвиста* / сост. М. В. Панов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 436–439.
102. Оганесян С. С. Культура речевого общения. *Русский язык в школе*. № 5. 1998. С. 89–92.
103. Останин А. И. Целевая соотносительность обращения и высказывания (на материале русской разговорной речи). *Филологические науки*. 1998. № 1. С. 65–72.

104. Остин Д. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*: Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986 С. 122–129.
105. Плешакова В. В. Русские благопожелания (опыт типологии и истории): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1997. 20 с.
106. Плющ Н. П. Формули ввічливості в системі українського мовного етикету. *Українська мова і сучасність*. К.: НМК ВО. 1991. С. 90–98.
107. Поликарпов В. С. История нравов России: Восток или Запад. Ростов/Д.: Феникс, 1995. 575 с.
108. Психология и этика делового общения / Под ред. В. Н. Лавриненко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 326 с.
109. Пушкин А. С. Сказки. М.: Детская литература, 1974. 176 с.
110. Ранчин А. Лев Николаевич Толстой. *Энциклопедия для детей*. Т. 9. Русская литература. Ч. 1; гл. ред. Аксенова М. Д. М.: Аванта +, 1998. С. 632–647.
111. Распутин В. Г. Век живи – век люби. М.: Изд. Сапронов, 2008. 648 с.
112. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1988. 216 с.
113. Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения. *Семантика и прагматика синтаксических единств*: межвуз. темат. сборник. Калинин: КГУ, 1981. С. 76–85.
114. Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1982. 15 с.
115. Рытникова Я. Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения. *Жанры речи*. Саратов: Издательство Государственного учебно-научного центра “Колледж”, 1997. С. 177–188.
116. Сальникова И. В. Комплимент в британской и американской лингвокультурах: коммуникативные, лингвопрагматические и лингвокультурологические аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2006. 155 с.

117. Седов К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении. *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. С. 6–12.
118. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности. *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург, 2006. С. 298–311.
119. Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2002. 202 с.
120. Сетин Ф. И. История русской детской литературы, конец X – первая половина XIX века. М.: Просвещение, 1990. 303 с.
121. Скворцов Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М.: Просвещение, 1989. 158 с.
122. Сковородников А. П. Риторическое обращение. *Культура русской речи*. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 606–608.
123. Смелкова З. С. Деловой человек: культура речевого общения. Пособие и словарь-справочник. М.: КУБК-а, 1997. 192 с.
124. Смелкова З. С. Слово в художественном тексте: преодоление языковых трудностей при изучении русской литературы в национальной школе. М.: Педагогика, 1980. 160 с.
125. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
126. Современный этикет: учебник для вузов / под ред. Э. Я. Соловьева. М.: «ОСЬ-89», 2001. 330 с.
127. Соколова Н. Л. Английский речевой этикет. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1991. 90 с.
128. Соловьева А. А. Речевой жанр «совет» в различных типах дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2007. 22 с.

129. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. и др. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. М.: Наука, 1979. 328 с.
130. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
131. Сусов И. П. История языкознания. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. 109 с.
132. Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации. М., 1974. С. 255–273.
133. Тарасова Е. В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики. *Вісник ХНУ. Харків*, 2002. С. 273–279.
134. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1999. 169 с.
135. Трифонов Ю. В. Дом на Набережной. М.: АСТ, 2008. 224 с. (Серия: Кинороман).
136. Троепольский Г. Н. Гришка Хват. *Рассказы. Повести*. М.: Советская Россия, 1985. С. 18–35.
137. Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика. *Филологические науки*. 2001. № 3. С. 56–65.
138. Тумина Л. Е. Речевой этикет. *Педагогическое речеведение: Словарь-справочник* / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. М., 1998. С. 199–200.
139. Тырникова Н. Г. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2003. 23 с.
140. Тырникова Н. Г. Этикетная рамка дискурса. *Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов под общ. ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой*. Вып. 6. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 97–109.
141. Фёдорова К. С. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. СПб., 2002. 230 с.

142. Фёдорова 1998-а: Фёдорова Л. Антиэтикетречевое поведение. *Энциклопедия для детей*. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. М.: Аванта +, 1998. С. 681.
143. Фёдорова 1998-б: Фёдорова Л. Речевой этикет. *Энциклопедия для детей*. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. М.: Аванта +, 1998. С. 680.
144. Формановская Н. И. Вы сказали «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М.: Знание, 1987. 160 с.
145. Формановская Н. И. Культура общения и речевого этикета. М.: Издательство ИКАР, 2005. 250 с.
146. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения традиционного синтаксиса и сточки зрения речевого этикета. *Ceskoslovenska rusistika*. 1983. № 3. С. 102–108.
147. Формановская 2003-а: Обращение, привлечение внимания. *Культура русской речи*. Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 379–380.
148. Формановская 2003-б: Формановская Н. И. Речевой этикет. *Культура русской речи*. Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 575–578.
149. Формановская Н. И. Речевой этикет. *Лингвистический энциклопедический словарь*; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 414–415.
150. Формановская 2003-в: Формановская Н. И. Речевой этикет. *Русский язык*. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия 2003. С. 415–417.
151. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989. 159 с.
152. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 2000. 159 с.
153. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспект. М.: Русский язык, 1982. 126 с.

154. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Просвещение, 1987. 216 с.
155. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. М.: Республика, 1993. 512 с. (Эпоха Ренессанса); 1994. 480 с (Галантный век); 1994. 448 с. (Буржуазный век).
156. Хёйзинга Й. Осень средневековья. М.: Наука, 1988. 544 с.
157. Холодович А. А. Глагол в современном японском языке. Л., 1979. 146 с.
158. Хорошая речь / Ред. О. Б. Сиротинина и др. Саратов, 2001. 320 с.
159. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта; Наука, 2005. 184 с.
160. Чуковский К. И. Живой как жизнь. О русском языке. М.: Время, 2014. 256 с.
161. Шаповалова Л. И. Формы и функции обращения в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Минск, 1979. 24 с.
162. Шеломенцев В. Н. Этикет и культура общения. Киев: Овериг, 1995. 352 с.
163. Шень Б. О своеобразии речэтикетных формул в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Мова і культура. (Науковий журнал). К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. Вип. 18. Т. VI (181). С. 477–481.
164. Шень Биньбинь. Речевой этикет как элемент «усадебной» дворянской жизни XIX века (на материале произведения С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»). *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. Вип. 19. Т. III (183). С. 90–94.
165. Шень Биньбинь. «Русский речевой этикет как воплощение национальной культуры (на материале классических произведений XIX века)». *Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей и творческих работ по итогам научного методического семинара, посвящённого Международному дню родного языка; 21 февраля 2017 года, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова* / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И. П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. И. П. Зайцевой и С. В. Николаенко. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 166–169.

166. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра. *Жанры речи*. Саратов: Колледж. 1997. С. 88–98.
167. Шмелёва Т. В. Этикетные речевые жанры. *Культура русской речи*. Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 786–787.
168. Штерн А. С. Влияние лингвистических факторов на восприятие речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Л., 1981. 24 с.
169. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: Ком Книга, 2006. 360 с.
170. Ягодинский В. Н. Наш этикет. М.: Мол. гвардия, 1988. 235 с.

II. Справочные источники

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика, обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Балакай 2001-а: Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
4. Балакай 2004-б: Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета: свыше 4000 этикетных слов и выражений. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Транзиткнига», 2004. 681 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль: Т. I – 4. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. I. 699 с.; Т. II. 779 с.; Т. III. 555 с.; Т. IV. 683 с.
7. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.

8. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
9. Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с. (Культурология. XX век)
10. Литература. Справочные материалы / под ред. С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1988. 355 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
13. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
15. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 440 с.
16. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. М.: Флинта; Наука, 1998.
17. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. 6-е изд., стереотип. М.: Русские словари, Астрель, 2000. 480 с.
18. Рождественский Ю. В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика / Ю. В. Рождественский. М., 2002. 88 с.
19. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. 624 с.
20. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: «Аграф», 2001. 608 с.

21. Русские писатели. Биобиблиографический словарь: в 2-х частях. Ч. 2. М – Я / редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
22. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 704 с.
23. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
24. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: «Советская энциклопедия», 1979. 432 с.
25. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: «Гнозис», 2004. 318 с.
26. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.
27. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. редакцией Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2009.
28. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
29. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. А–Й. М.: Русский язык, 1980. 689 с.; Т. 2. К – О. М.: Русский язык, 1983. 736 с.; Т. 3. П – Р. М.: Русский язык, 1983. 752 с.; Т. 4. С – Я. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
30. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. 3-е изд. 1975. 392 с.
31. Словарь социолнгвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михайличенко. М., 2006. 312 с.
32. Смирнов Г. Н. Этика бизнеса, деловых и общественных отношений. М.: Изд-во УРАО, 2001. 136 с.
33. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. 1600 с.
34. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

35. Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. 696 с.
36. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. I. 824 с.; Т. II. 520 с.; Т. III. 712 с.; Т. IV. 752 с.
37. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1999. 704 с.
38. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
39. Толстая С. М. (отв. ред.) Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, доп. М.: «Международные отношения», 2011. 512 с.
40. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 746 с.
41. Энциклопедический словарь по культурологии / под общей редакцией доктора философских наук профессора А. А. Радугина. М.: Издательство «Центр», 1997. 478 с.
42. Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М. В. Панов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 544 с.
43. Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В. И. Новиков. М.: Педагогика, 1988. 416 с.
44. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / гл. ред. М. В. Панов. М.: Педагогика, 1984. 352 с.
45. Энциклопедия для детей. Т. 9. Русская литература. Ч. 1; гл. ред. Аксенова М. Д. М.: Аванта +, 1998. 679 с.
46. Энциклопедия для детей. Т. 18. Человек. Ч. 2. Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия / отв. ред. Т. Каширина. М.: Аванта +, 2003. 640 с.
47. Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1988. 496 с.

48. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
49. Этика: Энциклопедический словарь. URL: https://iphras.ru/enc_eth/107.html (дата обращения: 17.05.2018).
50. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 371 с.
51. Этикет. М.: Рольф, Айрис-пресс, 1999. 272 с.
52. Этимологический онлайн-словарь Макса Фасмера. URL: <https://vasmer.lexicography.online/%D1%8D/%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 19.05.2018).

III. Материал исследования

1. Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. *Собрание сочинений: В 3-х тт / С. Т. Аксаков. Т. 1. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука; Стихотворения.* М.: Художественная литература, 1986. С. 224–493.
2. Толстой Л. Н. Детство. *Собрание сочинений. В 22 томах / Л. Н. Толстой. Т. I. Детство. Отрочество. Юность.* М.: Художественная литература, 1978. С. 11–107.
3. Толстой Л. Н. Детство; Отрочество; Юность. М.: Художественная литература, 1986. 320 с. (Классики и современники. Русская классическая литература).
4. Толстой Л. Н. Отрочество. *Детство, Отрочество. Юность / Л. Н. Толстой.* Харьков: Фолио, 2013. С. 111–186.
5. Толстой Л. Н. Юность. *Собрание сочинений. В 22 томах. / Л. Н. Толстой. Т. I. Детство. Отрочество. Юность.* М.: Художественная литература, 1978. С. 189–340.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Научные статьи, в которых опубликованы основные результаты
диссертации (специализированные издания Украины):**

1. Шень Биньбинь. Своеобразие речезтикетных формул в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. Вип. 18. Т. VI (181). С. 477–481.
2. Шень Биньбинь. Речевой этикет как элемент «усадебной» дворянской жизни XIX века (на материале произведения С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»). *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. Вип. 19. Т. III (183). С. 90–94.
3. Шень Биньбинь. Стилистически маркированные формы речевого этикета в повести Л. Н. Толстого «Детство»: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты. *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. Вип. 20. Т. III (188). С. 33–37.
4. Шень Биньбинь. Повесть Л. Н. Толстого «Отрочество» как «энциклопедия» семейных обращений русской лингвокультуры XIX века. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. Научно-методический журнал*. 2018. № 2(64). С. 8–12.
5. Шень Биньбинь. Речезтикетные формулы семейного общения в русской дворянской семье XIX века (на материале повести Л. Н. Толстого «Юность»). *Мова і культура. (Науковий журнал)*. К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2018. Вип. 21. Т. IV (193). С. 286–289.

**Научные статьи, в которых опубликованы основные результаты
диссертации (зарубежные отраслевые издания):**

6. Шень Биньбинь. Семейная коммуникация как особый вид общения. *European Journal of Humanities and Social Sciences*. Premier Publishing s.r.o. Vienna. 1. 2020. P. 79 – 83.

**Научные статьи, в которых представлены дополнительные результаты
диссертации:**

7. Шень Биньбинь. Речезтикетные формулы в повести Л. Н. Толстого «Детство»: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты. *XI Машеровские чтения: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Витебск 18 октября 2017 г.* / Витебск. гос. ун-т; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 267–269.
8. Шень Биньбинь. О своеобразии некоторых речезтикетных формул в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». *Transformations in Ukrainian Education and Scientific Research: Global Context* (25 – 26 травня 2017 р., Умань, Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини). Умань, 2017. С. 200–204.

Тезисы

9. Шень Биньбинь. Русский речевой этикет как воплощение национальной культуры (на материале классических произведений XIX века). *Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты* (21 февраля 2017 года, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь). Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 267–268.
10. Шень Биньбинь. Речевой этикет как элемент русской классической литературы: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты. *Материалы III Международной научной конференции «Мир языка – мир в*

языке» памяти д. ф. н., проф. В. И. Гончарова» (29 – 30 октября 2015 г.). Киев, 2015. С. 53–54.

11. Шень Биньбинь. Этикетные формы-обращения в повести Л. Н. Толстого «Отрочество» (социокультурный аспект). *IV Міжнародна наукова конференція «Світ мови – світ у мові»: статті і матеріали* (Київ, 26 –27 жовтня 2017 р.). Київ, 2017. С. 199–202.

СВЕДЕНИЯ ОБ АПРОБАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ДИССЕРТАЦИИ

1. III Международная научная конференция «Мир языка – мир в языке» памяти д.ф.н., проф. В.И. Гончарова (Киев, 2015 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
2. Международная научная конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты» (Киев, 2016 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
3. XXV Международная научная конференция имени проф. Сергея Бураго «Мова і культура» (Киев, 2016 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
4. XXVI Международная научная конференция имени проф. Сергея Бураго «Мова і культура» (Киев, 2017 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
5. IV Международная научная конференция «Світ мови – світ у мові» (Киев, 2017 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
6. Международный научно-методический семинар «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты», посвященный Международному дню родного языка (Витебск, Республика Беларусь, 2017 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
7. Международная научно-практическая конференция «Transformations in Ukrainian Education and Scientific Research: Global Context» (Умань, 2017 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
8. Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «XI Машеровские чтения» (Витебск, Республика Беларусь, 2017 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.
9. XVII Международная научная конференция по вопросам актуальных проблем семантических исследований «Художній текст: лексика, граматика,

стилістика» (Харьков, 2018 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.

10. XXVII Международная научная конференция имени проф. Сергея Бураго «Мова і культура» (Киев, 2018 г.). Формат участия: выступление с докладом, публикация.